

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Древность: историческое знание и специфика источника

Выпуск IX

THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF ORIENTAL STUDIES

**ANTIQUITY: ANCIENT KNOWLEDGE AND SPECIFIC
NATURE OF SOURCES**

Materials of the scientific conference

15 — 16 March 2022

Moscow
Institute of Oriental Studies
2023

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

**ДРЕВНОСТЬ: ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ
И СПЕЦИФИКА ИСТОЧНИКА**

Материалы научной конференции, посвященной памяти Эдвина
Арвидовича Грантовского и Дмитрия Сергеевича Раевского.
Выпуск IX

15–16 марта 2022 года

Москва
ИВ РАН
2023

УДК 94
ББК 63.3(0)31
Д73

Ответственные редакторы:

О. В. Попова
В. Ю. Шелестин

Рецензенты:

Е. В. Антонова, А. С. Десницкий

*Утверждено к печати Издательской комиссией Ученого
совета Института востоковедения РАН*

Д73 **Древность:** историческое знание и специфика источника.
Вып. 9. Материалы научной конференции, посвященной
памяти Э. А. Грантовского и Д. С. Раевского (15–16 марта
2022 г.) / Отв. ред. О. В. Попова, В. Ю. Шелестин; Ин-т
востоковедения РАН. — М.: ИВ РАН, 2023. — 382 с., ил.

ISBN 978-5-907671-42-3
ISSN 2949-0960

Настоящий сборник составлен на основе материалов конференции, посвященной памяти Эдвина Арвидовича Грантовского и Дмитрия Сергеевича Раевского, прошедшей в марте 2022 г. в Институте востоковедения РАН, и статей близкой тематики. В сборник вошли статьи, посвященные различным проблемам истории, филологии, культуры Древнего Ближнего Востока и иранского мира.

978-5-907671-42-3

© Коллектив авторов, 2023

© ФГБУН ИВ РАН, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Вергазов Р. Р.</i> Царские скальные гробницы Ахеменидов в Накш-и Рустаме и Персеполе. Архитектура, декорация и проблемы развития.....	8
<i>Григорьева А. Н.</i> Ритм и композиция в орнаментальных фризах текстильных изделий из курганов пазырыкской культуры.....	30
<i>Castelluccia M.</i> Metal Belts in Iran between Mesopotamia and the Caucasus	46
<i>Кишбали Т. П.</i> Два необычных рельефа сиро-хеттского круга. Структура и иконографическая программа	63
<i>Корниенко Т. В.</i> Декорированные хлоритовые чаши из раннеэолитических памятников Северной Месопотамии	82
<i>Кузнецова Т. М.</i> Уникальный комплекс «Козыменко — Ключко» из Украины	99
<i>Логинов А. В., Збарацкий Б. А., Давыдов Т. Г.</i> Залог в гортинских законах V в. до н. э. в контексте способов обеспечения исполнения обязательства на древнем Ближнем Востоке и в Древней Греции.....	115
<i>Миксюк А. С.</i> К проблеме понимания термина а́этаоуа- в Авесте	184
<i>Мищенко А. И.</i> История Анатолии раннего железного века: проблема согласования данных письменных и археологических источников	196
<i>Симонов Д. С., Шелестин В. Ю.</i> Хеттская стратегия и тактика в отношении касков по данным оракула KUB 5.1+	205

<i>Смагина Е. Б.</i> Структура встроенного нарратива и ее трансформация в коптских текстах	234
<i>Сологубова М. В.</i> Две редкие печати-штампа из Месопотамии середины III тыс. до н. э. из коллекции Государственного Эрмитажа.....	245
<i>Тимофеева Н. С.</i> «Необходимо как можно скорее обратить внимание на отстающие участки идеологической работы»: письма В.И. Авдиева С.П. Трапезникову.....	267
<i>Удыма Т. П.</i> Калаи-Кафирниган: городище и буддийский храм.....	287
<i>Франгулян Л. Р.</i> Ребенок в египетском монастыре по коптским агиографическим и документальным источникам	304
<i>Фрибус А. В., Дубова Н. А.</i> Каменные посохи и скипетры в культуре БМАК: распространение и археологический контекст находок.	335
<i>Яйленко В. П.</i> Восточноиранские наименования Южного Буга и Кубани середины I тыс. н. э.....	353

Царские скальные гробницы Ахеменидов в Накш-и Рустаме и Персеполе. Архитектура, декорация и проблемы развития

Рамиль Рафаилович Вергазов

Кандидат искусствоведения, научный сотрудник Отдела Древнего Востока ГМИИ им. А. С. Пушкина, Москва, Россия, ramil.vergazov@arts-museum.ru, ORCID: 0000–0002–8354–5940

Аннотация. Царский скальный некрополь Ахеменидов в Накш-и Рустаме представляет собой знаковый комплекс классического искусства персов V в. до н. э. В первой гробнице Дария I возникает синтез архитектуры и скульптуры, ставший каноном для всех последующих скальных гробниц Ахеменидов. Начиная с IV в. до н. э. царские усыпальницы сооружались вблизи Персеполя. Материал скальных гробниц Ахеменидов из Накш-и Рустама и Персеполя позволяет рассмотреть особенности архитектуры этого вида памятников, ее прототипы, программу рельефов, а также затронуть проблему развития позднеахеменидских скальных гробниц.

Ключевые слова: скальные гробницы, Ахемениды, Накш-и Рустам, Персеполь, царский некрополь, архитектура, декорация гробниц, скальные рельефы, искусство ахеменидского Ирана.

Achaemenid royal tombs at Naqsh-i Rostam and Persepolis. Architecture, decoration and issue of development

Ramil R. Vergazov

PhD, Researcher, Ancient Near East Department of The Pushkin State Museum of Fine Arts, Moscow, Russia, ramil.vergazov@arts-museum.ru, ORCID: 0000-0002-8354-5940

Abstract. The Achaemenid royal necropolis at Naqsh-i Rostam is the landmark complex of classical Persian art of the 5th century BC. In the first tomb of Darius I there is a synthesis of architecture and sculpture, which became the canon for all subsequent tombs at Naqsh-i Rostam. Since the 4th century BC, royal rock tombs were cut near Persepolis. The Achaemenid rock tombs at Naqsh-i Rostam and Persepolis allows us to consider the features of the architecture of these monuments, their prototypes, the program of reliefs, as well as to consider the problem of the development of late Achaemenid tombs.

Keywords: rock-cut tombs, Achaemenid, Naqsh-i Rostam, Persepolis, royal necropolis, architecture, decoration of tombs, rock reliefs, art of Achaemenid Iran.

Царский скальный некрополь династии Ахеменидов в Накш-и Рустаме представляет собой знаковый комплекс классического искусства персов конца VI–V вв. до н. э. Примечателен выбор места для нового некрополя. В Накш-и Рустаме находился эламский скальный рельеф XIII в. до н. э. [Schmidt 1970: 129, pl. 86–88]. Фактически Накш-и

Рустам продолжает «эламскую линию» строительных проектов Дария I, начатую еще в Сузах, подчеркивая преемственность и иранские корни власти Ахеменидов. В Накш-и Рустаме расположены скальные гробницы Дария I, Ксеркса, Артаксеркса I и Дария II. За исключением гробницы Дария I, в остальных усыпальницах отсутствуют надписи, поэтому их атрибуция достаточно условна и в тексте мы будем также использовать нумерацию, принятую археологом Э. Ф. Шмидтом [Schmidt 1970: 80]. Начиная с правления Артаксеркса II (404–359 г. до н. э.) последние три «Великих царя» будут похоронены в Персеполе.

Царские гробницы Ахеменидов имеют широкий круг параллелей, при этом оставаясь уникальными памятниками. Их решение представляет собой синтез отдельных художественных элементов из урартской¹, египетской², анатолийской³, хеттской⁴, эламской⁵ и

¹ Урартские скальные гробницы VIII в. до н. э. с двухчастным построением внутреннего пространства (т. н. «Большая Хорхорская пещера» в Ване [Пиотровский 1944: 262–263, рис. 81] и гробница в Каялидере [Birnbaum 1966: 101–103, fig. 22]), а также сочетание внутренних камер и рельефного фасада в гробнице в Эски Догубаязите VIII в. до н. э. [Huff 1968: 58–86, Abb. 2].

² Имитация архитектуры в скальном фасаде (Древнее царство: гробница QH 35 номарха Хекайба I в Куббет эль-Хава, XXIII в. до н. э. [Vischak 2014: 102–111, figs. 36, 40–41]; Среднее царство: гробница BN3 Хнумхотепа II в Бени-Хасане, XX в. до н. э. [Kamrin 1999: 31, p. 46]).

³ Фригийские скальные фасады VI в. до н. э. из т. н. «города Мидаса» (т. н. «Монумент Мидаса», «Незаконченная гробница», «Монумент Ареястиды» [Кишбали 2016: 114–118]).

ассирийской⁶ традиций, при заметной ориентации на урартские скальные памятники VIII в. до н. э. Урартскую гробницу в Эски Догубаязите можно рассматривать как дальнего предшественника скальных усыпальниц Ахеменидов, которые, возможно, ориентировались на этот необычный памятник.

Некрополь в Накш-и Рустаме представляет собой комплекс памятников, в который входит и **башенное сооружение (т. н. «Кааба Зороастра»)** (Илл. 1). Эта квадратная в плане постройка повторяет композицию башни т. н. «Зендан-и Сулейман» в Пасаргадах [Stronach 1978: 117–137, figs. 56–60]. Ее фасады аналогично украшены слепыми окнами и прямоугольными нишами [Schmidt 1970: 35–38, figs. 5–17]. Планировка башенных сооружений Ахеменидов находит прямые аналогии в урартской типологии стандартных храмов конца IX–VII вв. до н. э. [Stronach 1967: 278–288, fig. 1]. Это особенно важно в связи с близкими параллелями самих гробниц Накш-и Рустама с урартскими скальными памятниками VIII в. до

⁴ Хеттские скальные рельефы XIII в. до н. э. (из Фрактина [Kohlmeyer 1983: 67–74], из Имамкулу [Kohlmeyer 1983: 80–86]).

⁵ Эламские скальные рельефы (из Курангуна, XVII в. до н. э. [Vanden Berghe 1984: 113–114, pl. 3–4, fig. 2], самого Накш-и Рустама, XIII в. до н. э. [Schmidt 1970: 129, pl. 86–88] и Кул-э Фара, VIII–VII в. до н. э. [Vanden Berghe 1984: 26–27, 112–113, pl. 2]).

⁶ Новоассирийские скальные рельефы I тыс. до н. э. (в Карабуре, I пол. VIII в. до н. э. [Taşyürek 1975: 172–180], Малтаи, VII в. до н. э. [Boehmer 1975: 42–84]).

н. э. Судя по более поздней надписи сасанидского жреца Картира III в. н. э. [Schmidt 1970: 47; Stronach 1978: 135], изначально башня «Кааба» могла служить хранилищем священных текстов или атрибутов царской власти [Schmidt 1970: 44]. Башенная постройка «Кааба Зороастра» функционировала вместе с царским некрополем, обеспечивая совершение ритуалов погребального обряда Ахеменидов.

Первой в некрополе Накш-и Рустама стала **скальная усыпальница Дария I** (Илл. 2). Для понимания места этого памятника в ахеменидском искусстве принципиально важна его датировка. И здесь ключевое значение имеет рельеф. Изображение среди фигур, поддерживающих платформу, «заморского сака» (DNa: 28–29) [Kent 1953: 137–138] предоставляет верхнюю границу датировки гробницы не ранее 516–512 гг. до н. э. — периодом после скифского похода Дария I [Root 1979: 75, п. 97]. Справедливо замечание М. Кул Рут о том, что в сцене рельефа не отражена идея передачи власти и отсутствует изображение наследника Дария — Ксеркса, что вместе с наличием царских оруженосцев Гаубарува и Ардуманиша указывает на близость этого памятника к Бехистунскому рельефу и, в свою очередь, на время первой половины правления Дария I (510-е г. до н. э.) [Root 1979: 75–76]. На наш взгляд, иконография солнечного диска бога Ахура-Мазды с квадратным оперением, следующим ассирийской традиции изображения бога Ашшура [Root 1979: 172, pl. XIIIb, XLVb], также свидетельствует о более ранней дате создания гробницы № 1 в Накш-и Рустаме.

Таким образом, гробница Дария I в Накш-и Рустаме была выполнена в 510–500-х гг. до н. э. перед созданием памятников скульптуры Персеполя, знаменуя возникновение классического стиля эпохи Дария. Рельеф этой гробницы является первоисточником для иконографии «тронных сцен» из рельефов Персеполя [Schmidt 1953: 116–120, 134–137, pl. 77–81, 96–113]. Удачно найденное решение гробницы Дария I стало классическим канонem для создания всех последующих скальных усыпальниц Ахеменидов. Поэтому мы более подробно остановимся на гробнице Дария, а остальные памятники рассмотрим в контексте отличий от первой гробницы.

Фасад гробницы Дария представляет собой симбиоз рельефа и текста. На фасаде высечены 2 крупные царские надписи: своеобразная автобиография «Великого царя» (DNa) и его манифест (DNb). В этом памятнике впервые возникает неразрывная связь изображения и текста, которые обогащают общее содержание программы. Рельеф в Накш-и Рустаме не только иллюстрирует текст, но и текст напрямую отсылает к изображению (DNa: 39–45): «<...> Сколько стран, которыми владел царь Дарий?», взгляните на рельефы, кто несет трон, и тогда вы узнаете, тогда это станет известно вам <...>» [Kent 1953: 137–138]. В царских надписях отражаются ключевые концепции идеологии Ахеменидов: лояльность подвластных народов персидской власти (DNa: 58–60; DNb: 11–12, 57–60), взаимовыгодное сотрудничество (DNb: 16–17, 24–27) и

гармоничный имперский миропорядок во главе с Ахеменидами (DNa: 15–22), власть которым даровал сам бог Ахура-Мазда (DNa: 30–37) [Kent 1953: 137–140]. Именно эта идеологическая программа и была проиллюстрирована рельефом верхней части гробницы Дария.

Гробница Дария I высечена в скале на высоте 15 метров [Schmidt 1970: 80]. Снаружи фасад гробницы представляет собой углубление в форме креста (Илл. 2). В центре высечен портик дворца с порталом, ориентированным на юго-восток [Schmidt 1953: 27]. Кровля портика с дентикулами опирается на четыре колонны — они покоятся на ступенчатых базах «пасаргадского типа». Завершают колонны капители в виде импоста из протом быков [Schmidt 1953: 68, 80, 260–261]. Композиция фасада гробницы обнаруживает поразительное сходство с главным 8-ми колонным портиком дворца «тачары» Дария в Персеполе [Schmidt 1953: 222, 225, fig. 92; Schmidt 1970: 81]. В этой связи примечательно, что дворец «тачара», скорее всего, обладал церемониально-ритуальными функциями [Вергазов 2016: 91–101] и выбор для фасада «тачары» именно этого типа компактного портика, изображенного в рельефе гробницы Дария, согласуется с назначением дворца.

В верхней части фасада гробницы Дария расположен **рельеф со сценой «предстояния перед божеством на платформе»** (Илл. 3). Центральной частью композиции рельефа является фигура царя Дария I на трехступенчатом пьедестале трона. Напротив него находится алтарь с

горящим огнем. Левая рука царя держит лук, как в Бехистунском рельефе. Дарий одет в длинные персидские одежды (кандис), его запястья украшают браслеты, а на голове изображена тиара с трехступенчатыми башенками [Schmidt 1970: 84]. Над царем вверху парит крылатый солнечный диск бога Ахура-Мазды с квадратным оперением. Ахура-Мазда приветствует Дария и протягивает ему кольцо, вероятно, символ царской власти [Root 1979: 173–174]. За Ахура-Маздой на одном уровне находится полумесяц в круге, который мог символически изображать иранского бога солнца Митру [Schmidt 1970: 85, п. 42–44].

В нижней части рельефа представлена двухъярусная платформа (Илл. 4), которую поддерживают фигуры представители 30-ти народов империи с воздетыми руками (позы атлантов) [Schmidt 1970: 108–111]. Декорация ножек в виде львиных лап и фигур атлантов находит прямые параллели с ассирийскими изображениями тронов из Хорсабада и Ниневии [Madholm 1970: pl. XXXVII2, LI3, LXIV4]. В фигурах держателей платформы переданы этнические черты и одеяния различных народов, названия которых даны в клинописных надписях над каждой фигурой. Эта сцена является квинтэссенцией идеологической программы официального стиля Ахеменидов, основанной на концепции единого многокультурного пространства «персидского мира». Власть «Великого царя» также опирается на армию и чиновничий аппарат — они представлены в рельефе

фланкирующими фигурами гвардейцев слева и скорбящих персидских вельмож с правой части. Скальный рельеф гробницы Дария стал программным произведением официального стиля, создающим идеальный образ имперского мироустройства во главе с «Великим царем».

Внутреннее пространство гробницы № 1 состоит из вытянутого вестибюля, идущего параллельного фасаду (Илл. 5,1). Далее следовали три поперечные сводчатые камеры. Все они находились выше уровня пола на приступке, в котором высечены три погребальные цисты. Они выполнены в величину больше человеческого роста, чтобы вместить саркофаги, закрываемые двускатной каменной крышкой. В цистах покоились останки царя Дария I и восьми членов его семьи [Schmidt 1970: 88–89]. К сожалению, царские гробницы Ахеменидов были разграблены, поэтому саркофаги и погребальный инвентарь не сохранился.

Остальные три скальные гробницы (№ 2–4) в Накш-и Рустаме и три гробницы (№ 5–8) вблизи Персеполя представляют собой гомогенный ряд усыпальниц, созданных по единому канону эпохи Дария I. Такая статичная группа памятников позволяет рассмотреть проблему развития. Под развитием здесь мы понимаем ряд некоторых изменений, которые происходят по двум направлениям: фасад гробницы (декорация) и ее внутреннее пространство (архитектура). В фасаде **гробницы Ксеркса I (№ 2, 470–460-е гг. до н. э.)** происходит упрощение за счет отказа от царской надписи, что обедняло программу рельефа, который превратился

лишь в копируемую изобразительную формулу. Внутреннее пространство гробницы Ксеркса (Илл. 5,2) представляет второй «анфиладный» тип планировки с осевым принципом построения — вестибюль значительно сужается, но снабжается сводом. По центральной оси входа расположена одна сводчатая камера с тремя погребальными цистами [Schmidt 1970: 93], они закрыты полуцилиндрическими крышками.

В отношении **гробниц Артаксеркса I и Дария II (№ 3–4, 2 пол. — кон. V в. до н. э.)** процесс развития уместно описать как стагнацию. В их фасадах также используется упрощенный вариант рельефа без надписи. Главные изменения коснулись внутреннего пространства (Илл. 5,3; Илл. 6,4). При ориентации на «коридорный» тип планировки усыпальницы Дария I гробницы № 3 и 4 отличаются менее регулярным решением внутреннего пространства. Грубо высеченные вестибюли с непрямыми стенами диагонально ориентированы, иногда опасно приближаясь к стенке фасада, что привело к пролому в стене портика гробницы № 3 [Schmidt 1970: pl. 53]. Причина этого кроется как в смене поколения мастеров, так и в ослаблении контроля царского заказчика, уже имевшего классические образцы для копирования. Таким образом, после усыпальницы Дария I развитие гробниц Накш-и Рустама пошло по пути копирования скульптурного фасада без надписей и упрощения внутреннего пространства.

Перенос некрополя Ахеменидов в Персеполь произошел в правление Артаксеркса II. До этого в Персеполе хоронили только знатных персов из боковых ветвей царской семьи — из табличек т. н. «фортификационного архива» известна гробница Гистаспа, отца Дария I [Forgotten Empire 2005: 155, п. 42].

Гробница Артаксеркса II (№ 5, 1 пол. IV в. до н. э.) повторяет «коридорный» тип планировки (Илл. 6,5). Единственное отличие заключается в парных погребальных цистах в трех сводчатых камерах. Главные изменения затронули фасад усыпальницы (Илл. 7). Начиная с гробницы Артаксеркса II, крестовидный фасад трансформируется в Т-образную нишу, что обусловлено малой высотой скал Кух-и Рахмат [Schmidt 1970: 99]. Теперь царская усыпальница становится открытой для широкого доступа. Это упрощало процесс ее изготовления, но и сводило на нет ключевую идею по созданию недоступной скальной гробницы.

Второе направление развития — это скульптурный фасад. В рельефе усиливается декоративность. Балки антаблемента начинают украшать орнаментальными фризами с идущими львами, которые нарушают тектонику конструкции фасада. Над фигурами держателей платформы в гробнице Артаксеркса II вновь появляются пояснительные надписи (A2P) [Kent 1953: 155–156].

Гробница Артаксеркса III (№ 6, 350–340-е гг. до н. э.) расположена всего в 130 м к востоку от т. н. «зала ста колонн», к ней ведет ступенчатая терраса. Гробница также

имеет усеченный Т-образный фасад. В рельефе гробницы № 6 нарастает орнаментальность: ступенчатый профиль портала теперь украшают фризy с розеттами [Schmidt 1970: 99, pl. 71B]. Внутреннее пространство построено по более редкому «анфиладному» типу планировки с двумя погребальными цистами (Илл. 6,6).

Скальная гробница последнего «Великого царя» — **Дария III** (№ 7, 335–330 гг. до н. э.) была заложена в 500 м к югу от Персеполя. Но она так и не была завершена, мастера успели только наметить основные фигуры рельефа. Возможно, после убийства Дария III его похоронили в гробнице своего предшественника (возможно, в гробнице № 5) [Schmidt 1970: 107, pl. 76–79].

Таким образом, царский некрополь в Накш-и Рустаме является одной из вершин классического искусства Ахеменидов. Однако уже к середине V в. до н. э. в гробницах Артаксеркса I и Дария II прослеживаются кризисные явления. В фасадах скальных гробниц Персеполя развитие идет в русле позднеахеменидского изобразительного искусства, которое в целом продолжает следовать классическим канонам V в. до н. э. с незначительными изменениями (повышается декоративность рельефа). Тогда как архитектура внутреннего пространства царских гробниц Персеполя оказалась более консервативной. Здесь сохраняются трудности с планировкой вестибюлей (пролом стены фасада гробницы № 5 [Schmidt 1970: pl. 64A]), а изменения

затрагивают лишь количество погребальных цист в одной камере.

Подводя итог, важно отметить, что скальные гробницы Ахеменидов оказали заметное воздействие и на провинциальное искусство древнеперсидской империи. В частности, царские усыпальницы Накш-и Рустама и Персеполя повлияли на скальные гробницы V–IV вв. до н. э. из сатрапии Армения (т. н. «Малый Хорхор» [Пиотровский 1944: 263, рис. 82]) и сатрапии Каппадокия (группа из трех скальных гробниц в Доналар, Саларкёй и Телерик [Summerer, von Kienlin 2010: 196–216, fig. 2–13]).

Литература

Вергазов 2016 — *Вергазов Р. Р.* К вопросу об интерпретации назначения дворца Дария I «таচারы» в Персеполе // *Г. Ю. Колганова* (ред.). Способы, направления и уровни реконструкции культурно-исторической реальности: Материалы международной научной конференции, посвященной памяти Э. А. Грантовского и Д. С. Раевского. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2016. Вып. 7. С. 91–101.

Кишбали 2016 — *Кишбали Т. П.* Архитектура древней Анатолии: типология, локальные особенности и межрегиональные контакты. Культово-мемориальные комплексы доэллинистического периода: диссертация на соискание ученой степени кандидата искусствоведения. М., 2016.

Пиотровский 1944 — *Пиотровский Б. Б.* История и культура Урарту. Ереван: изд-во АН Армянской ССР, 1944.

- Boehmer 1975** — *Boehmer R. M.* Die neuassyrischen Felsreliefs von Maltai (Nord-Irak) // Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts. 1975. Bd. 90. S. 42–84.
- Burney 1966** — *Burney C. A.* A First Season of Excavations at the Urartian Citadel of Kayalidere // *Anatolian Studies*. 1966. Vol. 16. P. 55–111.
- Forgotten Empire 2005** — *J. Curtis, N. Tallis* (eds.). *Forgotten Empire: The World of Ancient Persia*. London: The British Museum Press, 2005.
- Huff 1968** — *Huff D.* Das Felsgrab von Eski Doğubayazit // *Istanbul Mitteilungen* 18. 1968. S. 58–86.
- Kamrin 1999** — *Kamrin J.* The Cosmos of Khnumhotep II at Beni Hasan. London: Kegan Paul International, 1999.
- Kent 1953** — *Kent R. G.* Old Persian: Grammar, Texts, Lexicon. New Haven: American Oriental Society, 1953.
- Kohlmeyer 1983** — *Kohlmeyer K.* Felsbilder der hethitischen Großreichszeit (*Acta Praehistorica et Archaeologica*; 15). Berlin: Verlag Volker Spiess, 1983.
- Madholm 1970** — *Madholm T. A.* The Chronology of Neo-Assyrian art. London: Athlone Press, 1970.
- Root 1979** — *Root M. C.* The King and Kingship in Achaemenid Art: Essay on the Creation of an Iconography of Empire (*Acta Iranica*; 19). Leiden: Brill, 1979.
- Schmidt 1953** — *Schmidt E. F.* Persepolis I: Structures, Reliefs, Inscriptions (*Oriental Institute Publications*; 68). Chicago: The University of Chicago Press, 1953.
- Schmidt 1970** — *Schmidt E. F.* Persepolis III: The Royal Tombs and other Monuments (*Oriental Institute Publications*; 70). Chicago: The University of Chicago Press, 1970.
- Stronach 1967** — *Stronach D.* Urartian and Achaemenian tower temples // *Journal of Near Eastern Studies*. 1967. Vol. 26. P. 278–288.

Stronach 1978 — *Stronach D.* Pasargadae: A report on the excavations conducted by the British Institute of Persian Studies from 1961–1963. Oxford: Clarendon Press, 1978.

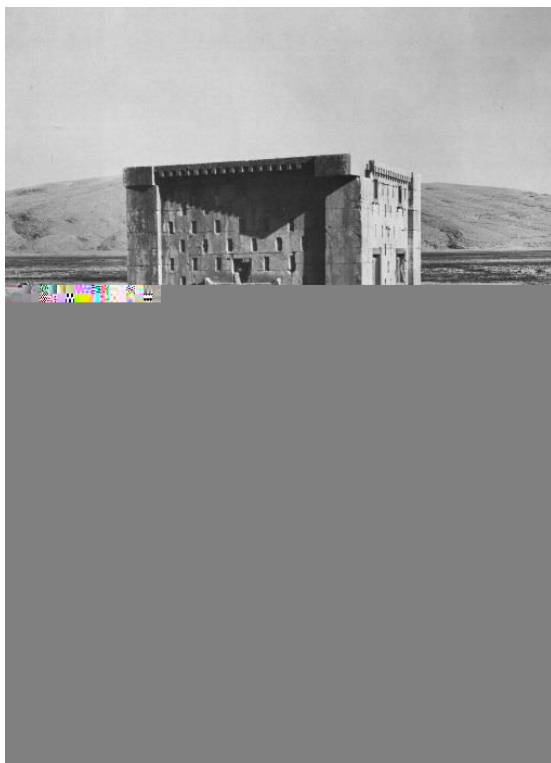
Summerer, von Kienlin 2010 — *Summerer L., von Kienlin A.* Achaemenid Impact in Paphlagonia: Rupestral Tombs in the Amnias Valley // *J. Nieling, E. Rehm* (eds.). Achaemenid Impacts in the Black Sea: Communication of Power. Aarhus: Aarhus University Press, 2010. P. 29–40.

Taşyürek 1975 — *Taşyürek O. A.* Some New Assyrian Rock-Reliefs in Turkey // *Anatolian Studies*. 1975. Vol. 25. P. 169–180.

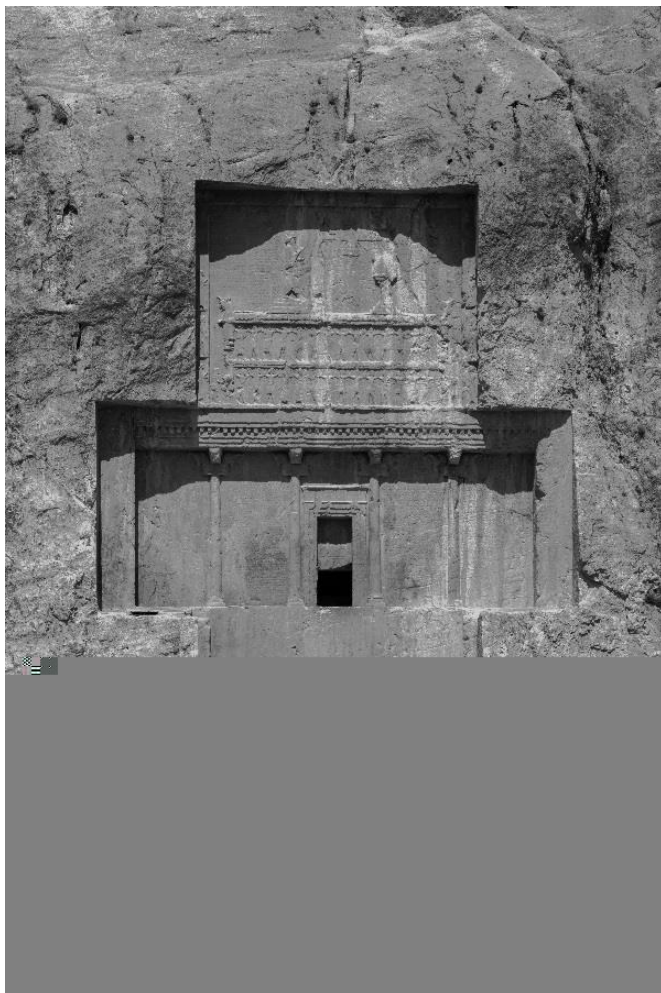
Vanden Berghe 1984 — *Vanden Berghe L.* Reliefs rupestres de L'Iran ancien. Bruxell: Musées Royaux d'Art et d'Histoire, 1984.

Vischak 2014 — *Vischak D.* Community and Identity in Ancient Egypt. The Old Kingdom Cemetery at Qubbet el-Hawa. Cambridge: Cambridge University Press, 2014.

Иллюстрации

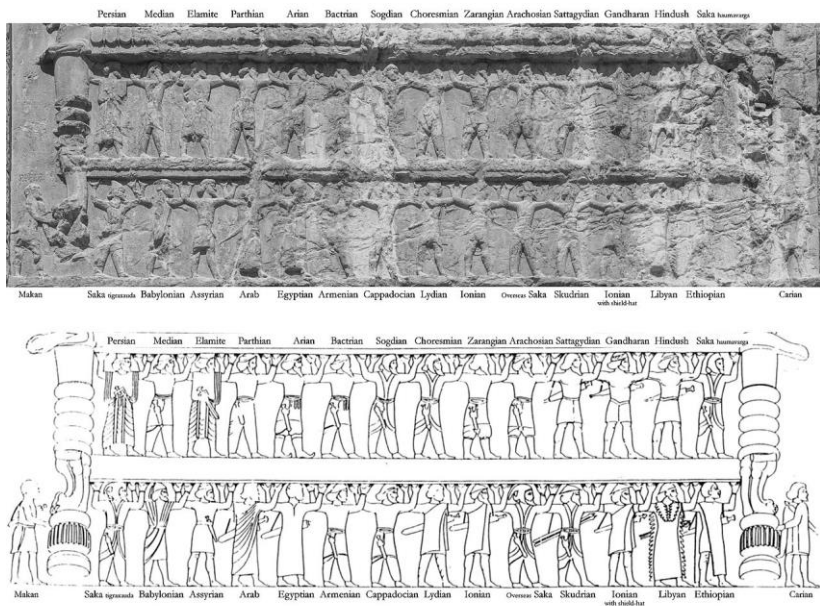
Илл. 1. Ахеменидское башенное сооружение (т. н. «Кааба Зороастра») в Накш-и Рустаме, V в. до н. э. (по: [Schmidt 1970: pl. 13]).

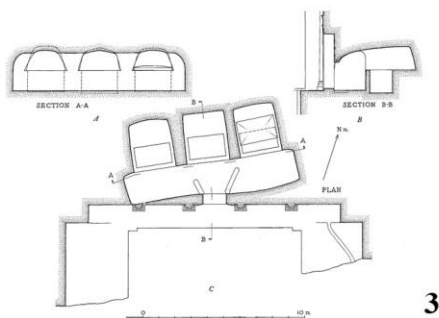
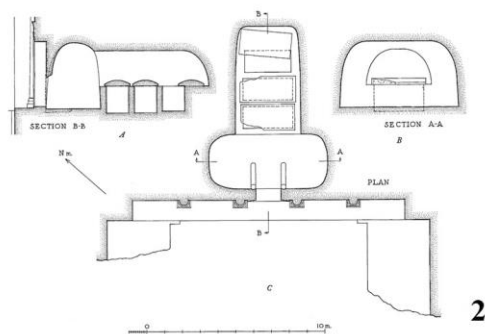
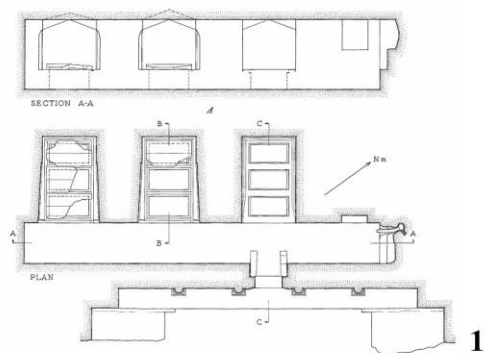
Илл. 2. Скальная гробница Дария I (№ 1) в Накш-и Рустаме, кон. VI — нач. V вв. до н. э. (фото © URL: https://commons.wikimedia.org/wiki/Category:Tomb_of_Darius_I#/media/File:Naghsh-e_rostam,_Ir%C3%A1n,_2016-09-24,_DD_25.jpg).

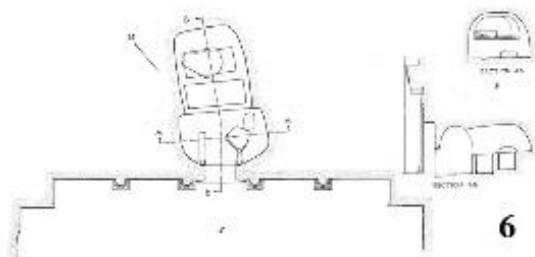
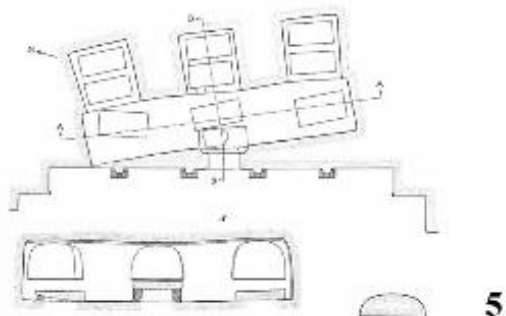
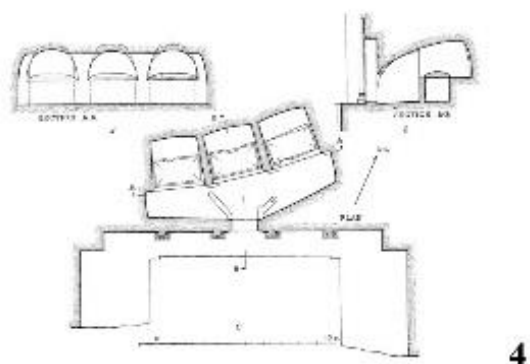
Илл. 3. Верхняя часть рельефа гробницы Дария I в Накш-и Рустаме, кон. VI — нач. V вв. до н. э. (по: [Schmidt 1970: pl. 19]).

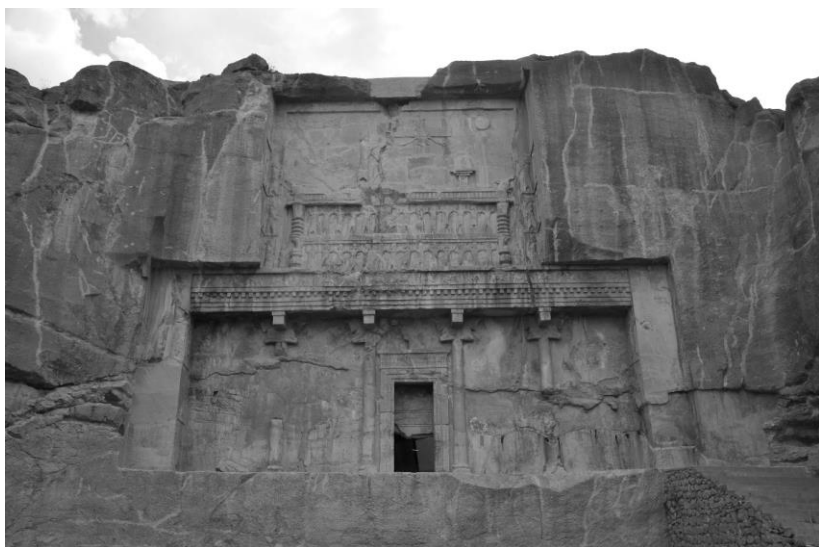
Илл. 4. Изображение платформы с подданными империи Ахеменидов, деталь рельефа гробницы Дария I в Накш-и Рустаме, кон. VI — нач. V вв. до н. э. (Прорисовка G. Walser, фото © URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Darius_the_Great#/media/File:Armies_of_Darius_I.jpg).

Илл. 5. Планировка внутреннего пространства гробницы Дария I (1), Ксеркса (2) и Артаксеркса I (3) в Накш-и Рустаме, V в. до н. э. (по: [Schmidt 1970: fig. 32–34]).

Илл. 6. Планировка внутреннего пространства гробницы Дария II (4) в Накш-и Рустаме, кон. V в. до н. э. и гробницы Артаксеркса II (5) и Артаксеркса III (6) в Персеполе, IV в. до н. э. (по: [Schmidt 1970: fig. 35–36, 38]).

Илл. 7. Фасад скальной гробницы Артаксеркса II (№ 5) в Персеполе, 1 пол. IV в. до н. э. (фото © URL: https://commons.wikimedia.org/wiki/Category:Tomb_of_Artaxerxes_II#/media/File:Tomb_of_Artaxerxes_II,_Persepolis.jpg)

Ритм и композиция в орнаментальных фризах текстильных изделий из курганов пазырыкской культуры

Алина Николаевна Григорьева

Аспирант, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия,
grigorieva.1997@mail.ru, ORCID 0000–0003–4373–6184

Аннотация. В статье предлагается рассмотреть и проанализировать особенности композиции орнаментальных фризов бордюров на раннепазырыкских (Башадар 2, Туэкта 1 и 2) и позднепазырыкских (Пазырык) текстилях в сравнении с импортными изделиями из Пятого Пазырыкского кургана, с целью выделения и сопоставления характерных ритмических и композиционных схем. Сравнение результатов анализа импортных и пазырыкских текстилей позволит, таким образом, определить степень влияния переднеазиатской художественной традиции и показать самобытные решения в орнаментальных композициях пазырыкской культуры.

Ключевые слова: Пазырыкская культура, композиция, скифо-сибирский звериный стиль, текстиль, орнамент.

Rhythm and composition in the ornamental friezes of textiles from the mounds of the Pazyryk culture

Alina N. Grigorieva

Postgraduate student, Historical Faculty, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, grigorieva.1997@mail.ru, ORCID 0000-0003-4373-6184

Abstract. The article proposes to consider and analyze the features of the composition of ornamental friezes of borders on the early Pazyryk (Bashadar 2, Tuekta 1 and 2) and the late Pazyryk (Pazyryk) felts in comparison with imported items from the Fifth Pazyryk barrow, in order to identify and collate characteristic rhythmic and compositional systems. Comparison of the results of the analysis of imported and the Pazyryk textiles will thus allow us to determine the degree of influence of the Near Asian artistic tradition and show original solutions in the ornamental compositions of the Pazyryk culture.

Keywords: Pazyryk culture, composition, Scythian-Siberian animal style, textiles, ornament.

Тканые и войлочные изделия из погребений пазырыкской культуры неоднократно привлекали внимание исследователей как с точки зрения стилистических особенностей, так и благодаря своей уникальной сохранности — как объект для изучения древних технологий создания и окрашивания различного рода материалов. Тем не менее, особенности композиционного решения орнаментальных бордюров на пазырыкском текстиле в сопоставлении с трактовкой

подобных композиций на импортных тканях фактически оставались вне поля зрения исследователей.

В рамках данного исследования акцент будет сделан на формальном композиционном анализе, что, в свою очередь, позволит рассмотреть орнаментальные линейно-ритмичные горизонтальные и вертикальные композиции на всех изделиях, независимо от их материала и техники изготовления. Обращение не только к текстильным материалам, но комплексный анализ их вместе с кожаными и деревянными аппликациями позволит определить универсальные принципы и особенности построения орнаментальных фризов в разные периоды развития искусства пазырыкской культуры. В рамки исследования не вошли наборы конского снаряжения, которые, безусловно, также можно рассматривать как линейно-ритмичную орнаментальную композицию, но как результат дополнительной визуальной сборки изображения в пространстве, а не унитарный образ [Фурсикова 2002: 88].

В рамках исследования особенностей композиций в искусстве пазырыкской культуры и определения общих принципов построения для орнаментальных и изобразительных композиций, отдельные орнаментальные композиции на текстиле из курганов пазырыкской культуры были отнесены к группе асимметричных, линейно-ритмичных, простых, горизонтальных композиций [Рукавишников 2006: 41, табл. 27, 39–40].

Действительно, практически все рассматриваемые в данной работе фризовые композиции относятся к группе линейно-ритмичных, горизонтальных. Тем не менее,

анализ не только общего композиционного ритма, но принципов соотношения мотивов и элементов орнамента друг с другом позволяет выявить дополнительные преобразования симметрии, используемые для построения орнамента.

Таким образом, в рамках анализа композиций на основе параллельного переноса на импортных переднеазиатских чепраке и ковре из Пятого Пазырыкского кургана были отдельно показаны варианты композиций с чередованием разных мотивов, с чередованием цвета мотивов¹, а также с параллельным переносом одного и того же мотива.

В общей сложности, можно выделить двенадцать мотивов, где самым распространенным вариантом является перенос одного и того же мотива, без чередования цвета или формы.

Можно также обозначить и значительную группу, где происходит чередование цвета мотивов. Для двух из шести таких случаев (фризы с розетками и грифонами на ворсовом ковре) чередование цвета соблюдается не полностью на протяжении всего бордюра, но сочетается с параллельным переносом одного и того же мотива. Такая фрагментарность может быть связана с особенностями

¹ Так как определение точных красителей пазырыкского текстиля даже с учётом его хорошей сохранности и уровня развития современных методов исследования может оказаться неточным или же невозможным [Полосьмак 2006: 11], то в рамках настоящего исследования не затрагиваются вопросы анализа палитры, но только отмечается факт контрастности цветов, усиливающий ритмичность, свойственную орнаментальной композиции.

исполнения, но, тем не менее, свидетельствует о существовании такого варианта на территории распространения пазырыкской культуры.

Изначально упорядоченная композиция с чередованием цвета мотивов в архитектурном орнаменте на центральном поле чепрака, была нарушена при повторном сшивании. Носители пазырыкской культуры соединили разрозненные фрагменты некогда единой композиции свободно переворачивая мотивы, то есть, не учитывая заданную создателями определённую пространственную ориентацию, о которой можно судить по аналогичным изображениям одежд стражей в рельефах дворца Дария Великого в Сузах [Царёва 2015: 65].

Подобные точные аналогии между изображениями на текстилях из могильника Пазырык и рельефами дворцового комплекса в Сузах, где также подавляющее большинство линейно-ритмичных композиций было представлено чередующимися по цвету мотивами, неоднократно привлекали внимание исследователей [Руденко 1953].

Наиболее сложным вариантом, представленным в данной группе импортных текстильных памятников в пазырыкской культуре, является один из бордюров на ворсовом ковре, где происходит как чередованием цвета мотивов, так и чередование фигуративных изображений: верховых и спешившихся всадников.

С. И. Руденко отмечает, что порядок чередования всадников наблюдается только в одном из рядов [Руденко 1968: 45] Таким образом здесь, как и в случае чередования полихромных мотивов, общая структура была нарушена.

Отдельно стоит зафиксировать композицию, также представленную в комплексе в Сузах (рисунок 1).

Основой построения каждого ряда здесь является параллельный перенос, то есть композиция сохраняет линейно-ритмичный характер. В рамках общего композиционного решения можно отметить следующие закономерности:

- каждый из двух мотивов первого и второго рядов образован двумя элементами (различными только по цвету), симметричными относительно центральной оси,
- каждый светлый и тёмный элементы во втором ряду являются зеркально симметричными по отношению соответственно к каждому светлomu и тёмному в первом,
- третий ряд — это поворот второго на 180° . Именно при повороте сохраняется данная комбинация цветов, в то время как зеркальная симметрия её нарушает.

Таким образом, можно отметить, что, фактически единственным известным по импортным переднеазиатским материалам для носителей пазырыкской культуры вариантом построения линейной орнаментальной композиции могла быть композиция, основанная на параллельном переносе, где значительную роль в создании ритмического построения играл цвет, разбивающий монотонный порядок идентичных мотивов, но отсутствовали иные виды симметрии в отдельных элементах и мотивах общей орнаментальной композиции.

Но мог быть известен и более сложный вариант — с включением в общий линейный характер ряда зеркально симметричных элементов и мотивов.

В ранних комплексах пазырыкской культуры, таких, как Второй Башадарский, Первый и Второй Туэктинские курганы, также наиболее распространенным вариантом композиции является параллельный перенос с чередованием формы или цвета мотивов.

При этом все варианты композиций с использованием данного движения плоскости следуют заданной структуре и, в рамках известных фрагментов, не нарушают её, в отличие от приведенных выше изображений на импортных изделиях.

Композиции с включением зеркальной симметрии в ранних курганах представлены достаточно широко: как с вертикальной осью симметрии, так и с горизонтальной.

Вариант линейно-ритмичной композиции с зеркально симметричными элементами представлен на фрагменте войлока из Второго Туэктинского кургана. В данном случае нельзя также не отметить, что ритм горизонтального ряда мотивов, образованный отображением их относительно вертикальной оси, вероятно, находился в определённом композиционном диссонансе с общей вертикально-направленной структурой из чередующихся рядов двух цветов. Несмотря на то, что возраст войлока не позволяет достоверно и точно реконструировать колорит, на реконструкции, приведенной С. И. Руденко [Руденко 1960: табл. СХХVIII] можно

отметить различные цвета вертикально чередующихся рядов орнамента.

Ко второму выделенному типу с горизонтальной осью симметрии относятся не только фигуративные изображения грифов [Руденко 1960: табл. CXVII], но и геометрические мотивы [Руденко 1960: 153]. Принцип создания такой композиции отображён на схеме (рисунок 2.).

Указанный метод построения орнамента выполняется полностью для всех мотивов в геометрическом орнаменте (рисунок 3.), но только для центральных — в ряде изображений грифов.

Такое свободное использование одной и той же структуры по отношению к различным по характеру изображениям, а также дополнительное усиление её цветовой динамикой, может указывать на устойчивую традицию её использования.

Показательно, что такое расположение образов как бы вынуждает зрителя, или, скорее, дает ему возможность одновременного восприятия одного мотива сверху-вниз и снизу-вверх, что отрицает какую-либо привязку к пространственной ориентации.

Такой двойной взгляд тем более актуален, учитывая, что фрагмент с изображением грифов являлся частью украшения седельной покрывки. Украшения покрывки, как и фактически, любой предмет конского снаряжения, неизменно предполагает две точки зрения: всадника сверху, и пешего — снизу.

Второй, вырезанный из кожи геометрический орнамент, использовался для украшения рукавов, и также предполагал возможность разных, но одновременных точек зрения.

Подавляющее большинство изображений в курганах могильника Пазырык представлено в композициях с использованием параллельного переноса без чередования цвета или мотивов. Это как геометрические орнаменты, так и фигуративные изображения и сюжеты.

Лишь в одном из шестнадцати выделенных случаев, на поясе с изображениями петухов из Второго Пазырыкского кургана, можно отметить нарушение логики строго линейного построения композиции: один из петухов зеркально симметричен по отношению к остальным фигурам.

Значительно меньше доля орнаментов с чередованием мотивов (четыре варианта) или цвета (три варианта). При этом, именно цветовой ритм используется в качестве основы, объединяющей разные ярусы общей композиционной структуры.

В пазырыкском комплексе появляются отсутствовавшие ранее в изображениях на пазырыкском текстиле, но используемые в переднеазиатском искусстве композиции с чередованием мотивов и цвета.

В рамках выделенной структуры складывается отдельный, свойственный искусству пазырыкской культуры тип композиции [Руденко 1953: табл. СIII]. При сохранении общего линейно-ритмичного характера орнамента, усложняется пространственная структура

отдельного мотива. В нем прочитывается сразу два направления движения — слева-направо, обозначенное вариацией на тему бутонов внизу и справа-налево, представленное головами баранов внутри круга.

Более того, можно выделить в данных пространственных координатах третий фриз — фантастических существ, где шея представлена большим петушиных гребнем. В этом случае изображение барана оказывается в клюве такого существа.

Примеры изображения грифонов с таким гребнем известны среди материалов пазырыкских курганов.

Усложняются, по сравнению с предыдущим периодом, и композиции с построением системы мотивов на основе зеркальной симметрии. В частности, на орнаменте женской обуви можно отметить как общий принцип построения всей композиции относительно центральной вертикальной оси, так и дублирование вертикальной ориентации композиции зеркальной симметрии для мотива спирали в нижнем ярусе.

Таким образом, на основе выделения и сопоставления типов композиций в орнаментальных фризах раннепазырыкских, поздепазырыкских и персидских текстилях можно отметить, что данные группы памятников, безусловно, объединяет доминирование композиции с использованием параллельного переноса. Об устойчивом характере и свободном использовании такого движения плоскости говорит также и свободное дополнение заданного монотонного для такой композиции

ритма чередованием цветового и фигуративного решения мотивов.

Кроме того, благодаря детальному анализу композиции мотивов и принципов их соотношения в рамках общей линейно-горизонтальной композиции можно отметить тенденцию, характерную непосредственно для пазырыкской культуры в самых ранних известных памятниках. Это свободное использование композиций с зеркальной симметрией, построенной на нескольких движениях плоскости.

Специфическим для пазырыкской культуры вариантом композиции, определенным сочетанием параллельного переноса и свободной пространственной ориентации мотива является и описанный орнамент со сценой терзания.

Более того, если выйти за рамки орнаментов на текстилях, то можно отметить, что подобный взгляд на пространственную ориентацию является неотъемлемой характеристикой всего пазырыкского искусства, в целом, и получает развитие в предметах конского снаряжения, в частности, в зооморфных превращениях, характерных для образов на седельных подвесках или луках седла, учитывающих, как и изображения на седельных покрывках, две точки зрения: всадника и пешего.

Литература

Полосьмак 2006 — *Полосьмак Н. В.* Текстиль из замерзших могил Горного Алтая IV–III вв. до н. э. (опыт междисциплинарного исследования) Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2006.

Руденко 1953 — *Руденко С. И.* Древнейшие в мире художественные ковры и ткани из оледенелых курганов Горного Алтая. — М.: Искусство, 1968.

Руденко 1960 — *Руденко С. И.* Культура населения Центрального Алтая в скифское время. — М.: Изд-во Акад. Наук СССР, 1960.

Руденко 1968 — *Руденко С. И.* Древнейшие в мире художественные ковры и ткани из оледенелых курганов Горного Алтая. — М.: Искусство, 1968.

Рукавишникова 2006 — *Рукавишникова И. В.* Многофигурные изображения Саяно-Алтая VII — III вв. до н. э.: Дис...канд. истор. наук. Москва, 2006.

Фурсикова 2002 — *Фурсикова Е. Г.* Симметрия в искусстве скифо-сибирского звериного стиля: диссертация на соискание ученой степени канд. искусствоведения. Санкт-Петербург, 2001.

Царёва 2015 — *Царева Е. Г.* Парадное платье ахеменидской знати VI–V вв. до н. э. (по материалам находок из 5-го пазырыкского кургана и синхронных ахеменидскому времени изобразительных памятников) // Поволжская археология. 2015. № 3. С. 54–73.

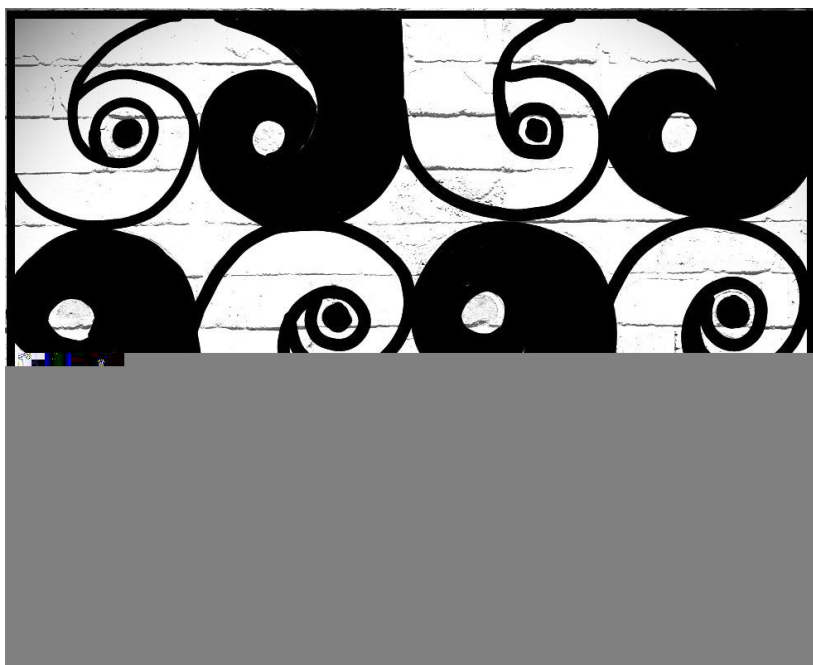

Рис. 1. Композиция фрагмента орнамента из дворца Дария. Сузы. 522–486 гг. до н. э. Рисунок автора.

Рис. 1.1. Фрагмент орнамента из дворца Дария. Сузы. 522–486 гг. до н. э.

URL:

[https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Tourbillons_\(4490307058\).jpg](https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Tourbillons_(4490307058).jpg)

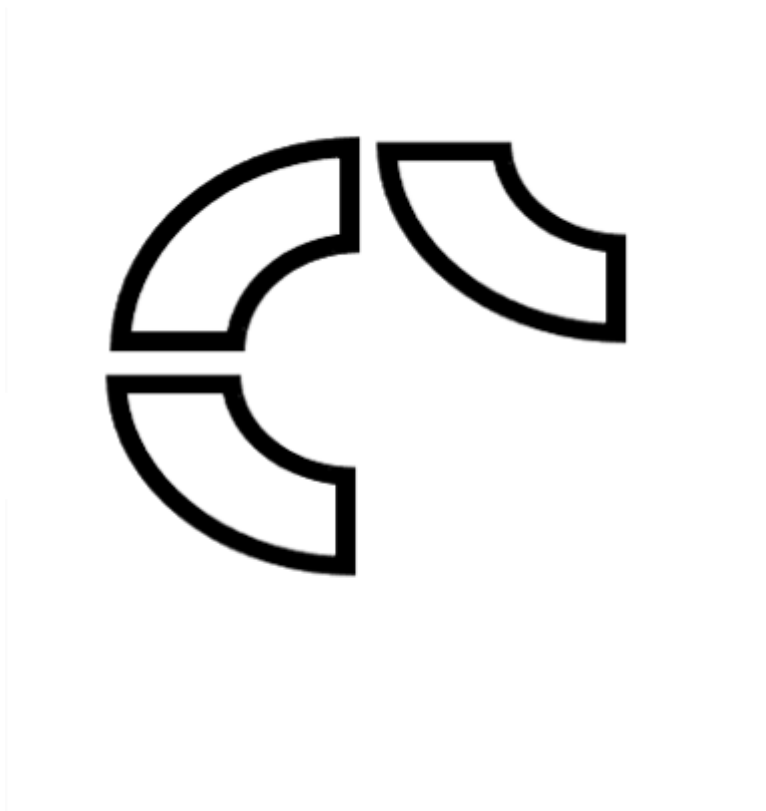

Рис. 2. Схема использования зеркальной симметрии с горизонтальной осью симметрии. Рисунок автора.

Рис. 3. Вырезанный из кожи орнамент. Украшение рукавов. Второй Туэктинский курган. Рисунок автора по [Руденко 1960].

Metal Belts in Iran between Mesopotamia and the Caucasus

Manuel Castelluccia

PhD, Assistant Professor, University of Naples “L’Orientale”,
Naples, Italy, mcastelluccia@unior.it, ORCID: 0000–0002–
2401–0890

Abstract. The use of metal belts has been an important means of adornment both in female and male dress. In general, belts cannot denote a specific cultural or ethnic identity; rather, they are a sign of individual social status; however, its meaning is hard to track correctly and can differ significantly among different cultures. Metal belts have been extensively used in the Iranian plateau and neighboring region since the Late Bronze Age, where they have been found especially within funerary contexts. The present work aims to offer a general survey of the use of metal belts in the Iranian world, from the Bronze Age to the Sassanian period.

Keywords: metal belts, Hasanlu, Marlik, Luristan, Iron Age, metalwork

Металлические пояса в Иране между Месопотамией и Кавказом

Мануэль Кастеллучча

Доктор философии, доцент, Университет Востока
(Неаполь), Неаполь, Италия, mcastelluccia@unior.it, ORCID:
0000–0002–2401–0890

Аннотация. Использование металлического пояса было важным средством украшения как женского, так и мужского платья. В целом ремни не могут обозначать конкретную культурную или этническую принадлежность, а скорее являются признаком индивидуального социального статуса; однако его значение трудно отследить должным образом, и оно может сильно различаться в разных культурах. Металлические пояса широко использовались на Иранском плато и в соседнем регионе, где их находили с позднего бронзового века, чаще в погребальных сооружениях. Цель настоящей работы — предложить общий обзор на использование металлических поясов в иранском мире, от бронзового века до сасанидского периода.

Ключевые слова: металлические ремни, Хасанлу, Марлик, Луристан, Железный век, металлургия

Metal belts made of bronze (copper alloy) are a well-attested class of metalwork within the Iranian plateau and the neighboring regions. They are essentially thin metal sheets sewn onto a backing of leather or woven textile. The use of metal belts was an important means of adornment both in female and male dress. Three primary pieces of evidence attest its use: belts found in situ on skeletons, pictorial or sculptural representations of belts and detached fragments of sheet metal. Several studies have been devoted to them, highlighting regional and chronological features and differences. The present work will present a general review of the use of metal belts throughout the Ancient Near East, giving all necessary

references. It then will mainly focus on belts found during controlled excavations in the Iranian highlands.

Many metal belts were found in the Levant and Mesopotamia during the Bronze Ages and became the subject of a recent detailed study by Silvia Prell [Prell 2019]. The earliest archaeological evidence of the use of metal belts can be dated to the late Early Bronze Age. However, earlier representations of individuals wearing belts are known, as with the depictions of the “curly-haired hero” [Prell 2019: 321].

Belts are essentially found within the funerary context associated with the deceased. In several cases, weapons have also been found within the grave, therefore suggesting that the use of belts, yet still limited, was mainly for male individuals.

The Early Bronze Age evidence is confined mostly to Mesopotamia and Northern Syria, and it is represented by a handful of finds, both in silver and copper-alloy. They are generally elongated plain metal sheets.

During the Middle Bronze Age, belts’ use slightly increased, especially in the Levant. Along with plain items, several belts — complete and fragmentary — show a surface decoration made of embossed concentric circles.

There is no clear archaeological evidence of metal belts during the Late Bronze Age in Mesopotamia, although several artistic depictions on statues and reliefs suggest their presence.

On the contrary, toward the end of the 2nd millennium, the use of metal belts significantly increased in the Southern Caucasus. Within a couple of centuries, it became one of the most important classes within the rich Caucasian metalworking tradition. Hundreds of belts have been found in funerary

contexts, usually well published [Castelluccia 2017]. Moreover, several items bear complex geometric and figurative decorations, with rich representations of both humans and animals in the surrounding landscape. Belts thus express the rich artistic tradition of the native cultures of the Caucasus.

In the following centuries, decorated metal belts were widely produced in the Urartian kingdom, which essentially borrowed the use of belts from the Caucasian population. Hundreds of belts are also known for the Urartian period [Kellner 1991; Curtis 1996], but they are mostly of unknown origin. Only a few dozen belts come from controlled excavations, most of them from burials. Only a few items were found inside fortresses and temples.

Most belts are decorated according to the Urartian artistic tradition, which was strongly influenced by contemporary Assyrian art. This influence is visible in the realistic rendering of the figures, the use of numerous fantastic creatures, often obtained through the juxtaposition of parts of real figures, and in the widespread depiction of lions and bulls. Another feature borrowed from Neo-Assyrian models is the use of the hunting scene with a chariot or the procession of armed men, a clear reflection of the artistic tradition of Neo-Assyrian orthostats.

Another key feature of the Urartian belts is almost obsessive respect for symmetry. Humans and animals may be spread over multiple rows in horizontal development, but the figures are almost always arranged symmetrically to each other.

The figured belts are pretty varied, with an abundant artistic repertoire closely following the guidelines listed above. Overall

the decoration is less “imaginative” than that found on the Caucasian belts, where the craftsmen seem to have had greater stylistic freedom. On the other hand, Urartian belts follow precise canons, probably under the influence of royal workshops.

Metal belts are almost absent in Assyrian contexts as only one site yielded two metal strips, excavated by Layard in Nimrud [Curtis 2013: pl. 94].

During the early first millennium BC, the use of belts also spread in the northern part of the Iranian plateau, an area that witnessed remarkable economic, social, and political innovations. Remarkable finds highly express the importance of metallurgy in western and northern Iran in several necropoleis. In contrast, contemporary Assyrian royal inscriptions mention the metalwork of these areas only in the Black Obelisk from Nimrud, made during the reign of Shalmaneser III (858–824 BC), which records bronze vessels amongst the tribute of the king of Gilzanu, a region located in the southern Lake Urmia basin.

The use of metal belts in the Iranian plateau was firstly presented by Moorey [Moorey 1967]. A decade after Moorey’s work, R. Ghirshman offered an overview of the use of belts from the Kingdom of Urartu until Sassanid times; however, he did not distinguish between decorated metal plates and simple bronze buckles used to fasten belts made of perishable materials [Ghirshman 1979]. Moreover, his study was primarily based on specimens preserved in museums and private collections, often without archaeological context. In the following decades, new data emerged from the excavations of

important sites, such as Hasanlu, Sialk, Marlik and several funerary fields in Luristan.

These sites include thousands of well-documented graves, usually with rich metalwork assemblage, but the use of elongated metal belts is scarcely attested. Buckles or other metal parts of belts, like those found at Tepe Sialk, are not included in this count.

Several metal plates of generally rectangular shape, which could be interpreted as parts of a quiver or belt, were found inside a temple structure on the site of Surkh Dum; they bear simple geometric, plant or animal decorations [Schmidt, van Loon, Curvers 1989: pls. 200–201]. However, none possess holes along the edges or other means of attachment to any base, so their interpretation as remnants of belts or quivers remains uncertain; they might well be considered, as suggested by Muscarella [Muscarella 1981: 334], to be simple votive plaques.

Several funerary complexes were investigated along the southern shores of the Caspian Sea. In Dailaman a Japanese team found an isolated gold belt [Egami, Fukai, Masuda 1965: pl. 32, no. 2; pl. 75, no. 36], and a further plain bronze belt of a later date [Egami, Fukai, Masuda 1965: pl. 85].

In the Talesh region, only few belts were discovered [de Morgan 1896; de Morgan 1905]. Apart from two plain items, one is decorated with horizontal lines of elongated embossed dots [Castelluccia 2017: 137, n. 70], while two other belts are formed with a series of independent rectangular plaques with embossed elements [Castelluccia 2017: 150, n. 110, 111].

Moreover, an undecorated metal strip was found at the waist of an individual buried in Tomb A6 of the so-called “Zagros Graveyard” in Kurdistan, dated to the seventh century BC [Amelirad, Overlaet, Haerinck 2012: pl. 2].

Another remarkable context is the Early Iron Age necropolis of Marlik, in which about fifteen fragmentary belts were found. Unfortunately, little remained of the skeletons in the tombs, but based on the grave goods, it is likely that they were burials of adult males. A couple of graves, nos. 26 and 52 [Negahban 1996: 19–20, 23–24], contained more than one belt along with some of the most exceptional finds, including many objects in precious metal. The standard length of the fragments did not exceed 50 cm in total. They can be divided into two main groups. The principal feature of the first group consists of terminations with two mirror-image spirals. The second group is more varied but retains the common feature of having the surface decorated with repoussé dots of various sizes.

There is some doubt about the identification of a metallic object found in the cemetery of Khurvin [Vanden Berghe 1964: 67, pl. 34, n. 277]; the piece, wholly preserved, measures 21 cm in length and 8.5 in height and would seem to be a diadem, as interpreted initially by Vanden Berghe. However, the decoration is practically identical to that of the belt from Marlik. A bracelet from Luristan also has the same form [Godard 1931: pl. 27, n. 81].

The most significant number comes from Hasanlu, whose rich finds exemplified how the local elite consumed the fine, locally produced metalwork. They date to Period IVb (1050–800 BC). At Hasanlu, the excavators discovered approximately

94 belts or belt fragments [Cifarelli, Castelluccia, Dan 2018]. Four items were found in burials in the Outer Town area; while in South Caucasian inhumations belts are generally found in situ at the waist, this is not the case at Hasanlu, where they are buried alongside, rather than on, the body [Cifarelli, Castelluccia, Dan 2018: 7]. Other 90 examples were recovered in the destruction of the citadel. More than 70 belt fragments were part of the rich collections in the temple treasuries adjacent to the main hall of temple BBII; others were discovered in elite residences or storerooms in the citadel. Most of the belts from Hasanlu conform to three distinct styles of decoration: simple sheets with repoussé dots and lines (Fig. 5); rows of hemispherical riveted studs (Fig. 6); and a combination of finely incised surface detail with repoussé animals in high relief (Fig. 7).

Figurative Hasanlu's belts find strong parallels with an item accidentally brought to light in fragments in 2009 at the village of Gargul in the Western Azerbaijan province of Iran [Cifarelli, Mollazadeh, Binandeh 2018]. The Gargul belt consists of nine pieces of the bronze sheet. Its reconstructed fragments add up to a length of ca. 95 cm (Fig. 8). Its body is 9.5 cm wide and has a 15 cm diameter medallion "buckle," a decorative element rather than a fastening device. Most of the surface displays a rich embossed and incised decoration.

The medallion depicts two human figures flanking a "sacred tree" motif, surmounted by a more petite figure within a winged disk. In contrast, the outer ring features scenes of humans and animals. The horizontal body of the belt is bordered at the top

and bottom with an incised guilloche pattern. The decoration is divided horizontally into two registers, and toward the right end, close to the medallion, a vertical guilloche line separates another independent register. The whole composition features scenes of hunting and animal with armed men and several creatures.

After the Urartian kingdom the use of metal belts gradually began to vanish. The use of belts in Achaemenian Iran is not easy to establish. In representations of both Medes and Persians, belts appear to be of leather or fabric without metal fittings of any kind. At Persepolis and on the Oxus gold plaques' the Medes wear a tunic belted at the waist with a girdle from which the akinakes hangs. Although the flowing robe of the Persians often conceals the belting of their undergarments, belts do not appear to be metal-plated when shown.

It was only during the Sasanian period that the use of metal plaques and strips for decorating belts became widely attested. Still, the creation and use of elongated metal plaques are mainly confined to the Iron Age of the highlands.

References

Amelirad, Overlaet, Haerinck 2012 — *Amelirad S., Overlaet B., Haerinck E.* An Iron Age Zagros Graveyard Near Sanandaj (Iranian Kurdistan): Preliminary Report on the First Season // *Iranica Antiqua*. 2012. Vol. 47. P. 41–96.

Castelluccia 2017 — *Castelluccia M.* Transcaucasian Bronze Belts. Oxford: BAR Publishing, 2017.

Cifarelli, Castelluccia, Dan 2018 — *Cifarelli M., Castelluccia M., Dan R.* Copper Alloy Belts from Hasanlu: A

Case Study in Hybridisation and Heteroglossia // Cambridge Archaeological Journal. 2018. Accessed June 13, 2018. DOI:10.1017/S0959774318000264.

Cifarelli, Mollazadeh, Binandeh 2018 — *Cifarelli M., Mollazadeh M., Binandeh A.* A Decorated Bronze Belt from Gargul, Iran // Iran. 2018. Vol. 57. P. 175–184. DOI: 10.1080/05786967.2018.1505441

Curtis 1996 — *Curtis J. E.* Urartian Bronze Belts // Zeitschrift für Assyriologie und vorderasiatische Archäologie. 1996. Bd. 86. P. 118–136.

Curtis 2013 — *Curtis J. E.* An Examination of Late Assyrian Metalwork. Oxford: Oxbow Books, 2013.

de Morgan 1896 — *de Morgan J.* La Mission scientifique en Perse. Recherches archéologiques. Tome quatrième. Paris, 1896.

de Morgan 1905 — *de Morgan J.* Recherches au Talyche Persan en 1901 // Mémoires de la délégation en Perse, Recherches Archéologiques. 1905. T. 8. P. 251–342.

Egami, Fukai, Masuda 1965 — *Egami N., Fukai S., Masuda M.* Dailaman I. The Excavations at Ghalekuti and Lasulkan. Tokyo: Institute for Oriental Culture, University of Tokyo, 1965.

Ghirshman 1979 — *Ghirshman R.* La ceinture en Iran // Iranica Antiqua. 1979. Vol. 14. P. 167–196.

Godard 1931 — *Godard A.* Les bronzes du Luristān. (Ars Asiatica; XVII). Paris: Hélotypie Léon Marotte — G. Van Oest, 1931.

Kellner 1991 — *Kellner H. J.* Gürtelbleche aus Urartu. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1991

Moorey 1967 — *Moorey P. R. S.* Some Ancient Metal Belts: Their Antecedents and Relatives // Iran. 1967. Vol. 5. P. 83–98.

Muscarella 1981 — *Muscarella O. W.* Surkh Dum at The Metropolitan Museum of Art: A Mini Report (with a contribution by Elizabeth Williams-Forte) // *Journal of Field Archaeology*. 1981. Vol. 8/3. P. 327–359.

Negahban 1995 — *Negahban E. O.* Weapons from Marlik. Berlin: Reimer, 1995.

Negahban 1996 — *Negahban E. O.* Marlik. The Complete Excavation Report. (University Museum Monograph; 87). Philadelphia: University Museum, University of Pennsylvania, 1996.

Prell 2019 — *Prell S.* Buckle up and Fasten that Belt! Metal Belts in the Early and Middle Bronze Age // *Egypt and the Levant*. 2019. Vol. 29. P. 303–330.

Schmidt, van Loon, Curvers 1989 — *Schmidt E. F., van Loon M. N., Curvers H. H.* The Holmes Expedition to Luristan. Chicago, IL: Oriental Institute Publications, 1989.

Vanden Berghe 1964 — *Vanden Berghe L.* La Nécropole de Khūrvīn. Istanbul: NINO, 1964.

Figures

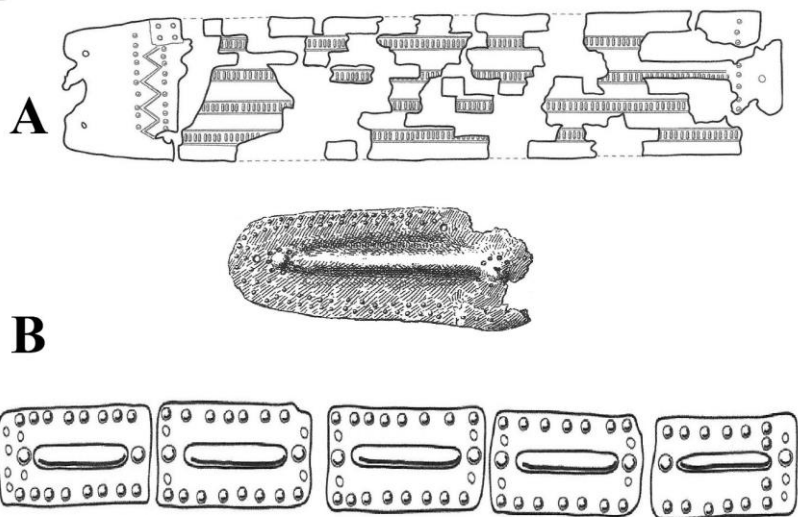

Fig. 1. Belts from Talesh. A [Castelluccia 2017: 137, n. 70]; B [Castelluccia 2017: 150, n. 110, 111].

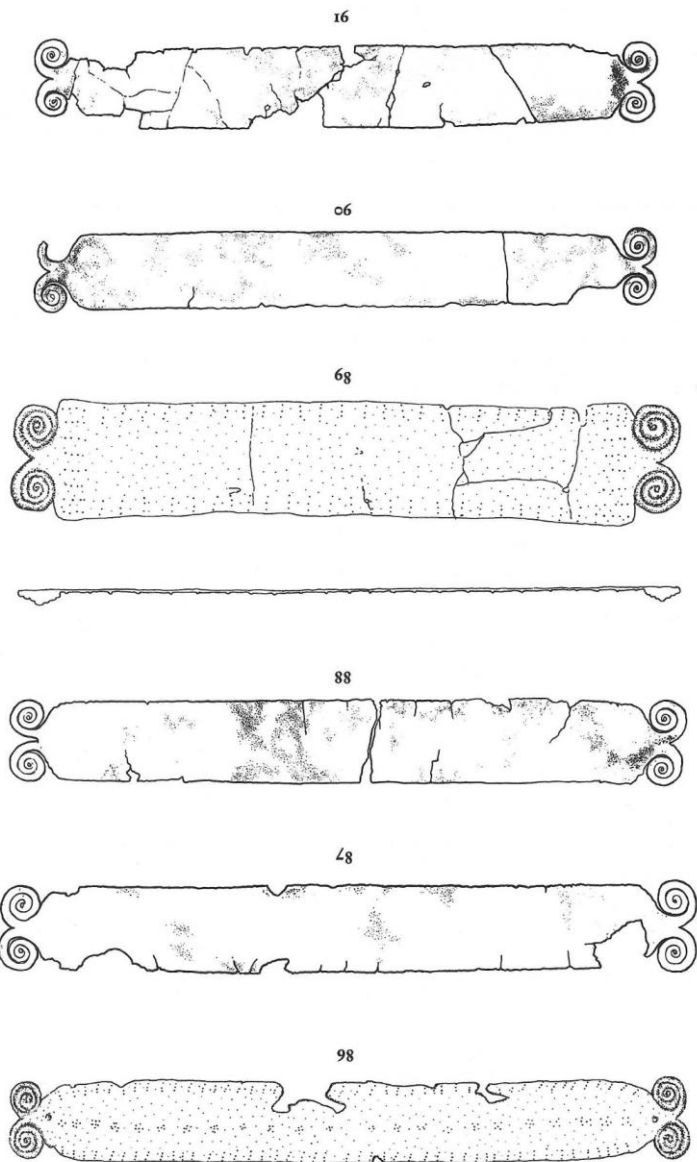

Fig. 2. Belts from Marlik [Negahban 1995: 99].

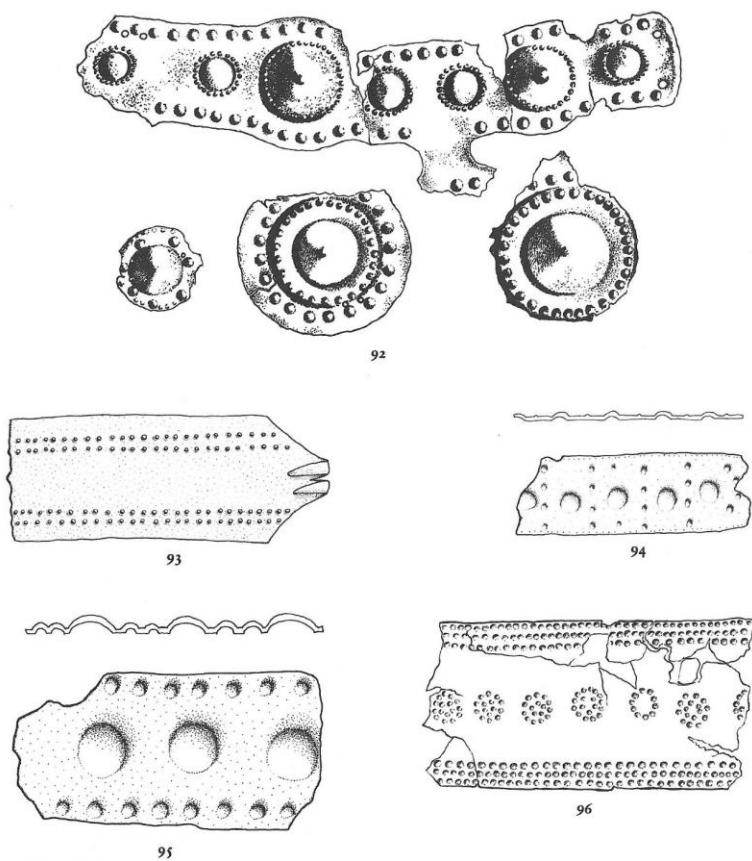

Fig. 3. Belts from Marlik [Negahban 1995: 101].

Fig. 4. Belt or Diadem from Khurvin [Vanden Berghe 1964: pl. 39, n. 277].

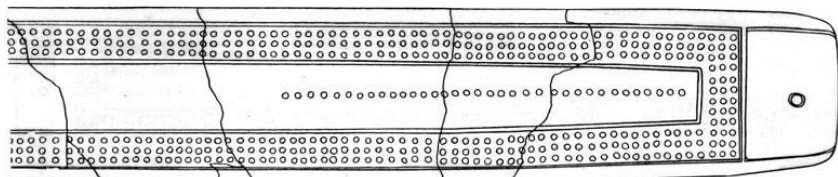
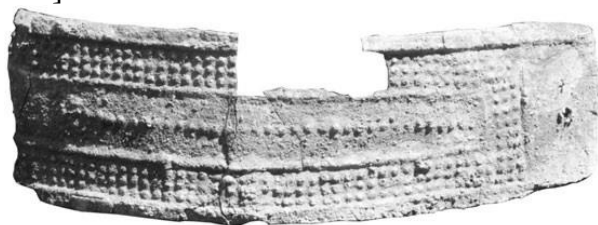

Fig. 5. Embossed belt from Hasanlu [Cifarelli, Castelluccia, Dan 2018: fig. 5]. Courtesy of the Penn Museum.

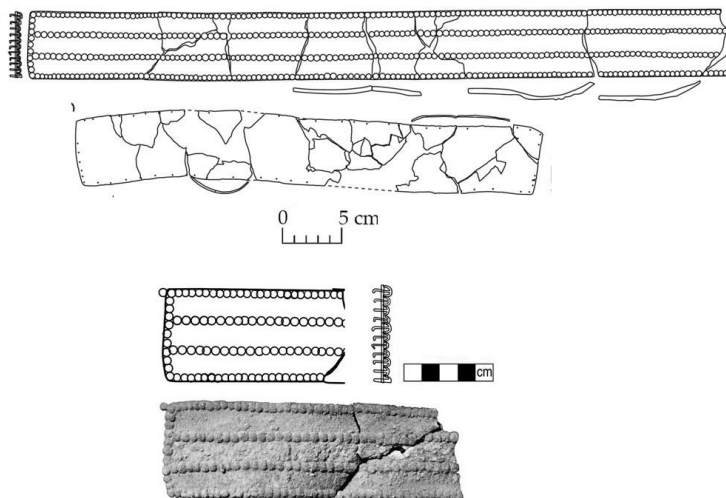

Fig. 6. Riveted belt from Hasanlu [Cifarelli, Castelluccia, Dan 2018: figs. 8a, 9]. Courtesy of the Penn Museum.

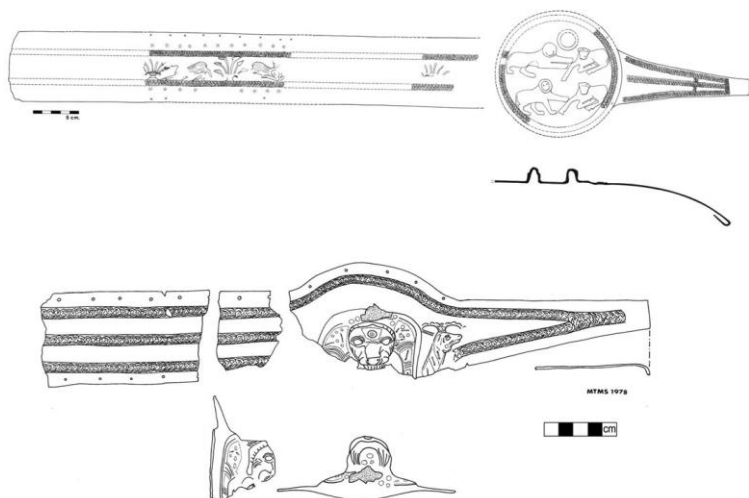

Fig. 7. Figurative belt from Hasanlu [Cifarelli, Castelluccia, Dan 2018: figs. 13, 17]. Courtesy of the Penn Museum.

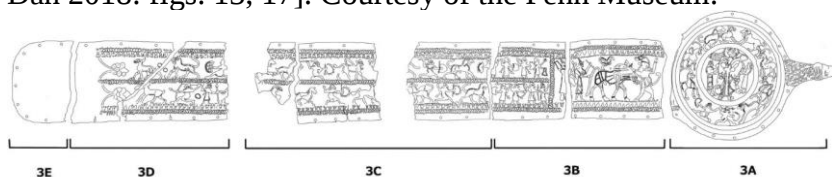

Fig. 8. Belt from Gargul [Cifarelli, Mollazadeh, Binandeh 2018: fig. 3].

Два необычных рельефа сиро-хеттского круга. Структура и иконографическая программа

Тамаш Петер Кишбали

Кандидат искусствоведения, доцент кафедры всеобщей истории искусств исторического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия, kisbalim@gmail.com, ORCID 0000–0002–6871–2616

Аннотация. В статье рассматривается два сиро-хеттских памятника VIII века до н. э., найденных в г. Кахраманмараш (юго-восточная Турция). «Необычным» в них является наличие архитектурных элементов и рельефного изображения на четырех сторонах блока. В ходе описания и анализа выдвинуты новые предположения о сложной программе этих памятников, сопоставимой с монументальными архитектурными ансамблями региона (напр. с Каркемишем). Также предложено несколько уточнений по иконографии и возможной реконструкции утраченных деталей.

Ключевые слова: Древняя Анатолия, железный век, сиро-хеттские княжества, скульптура, рельеф, изображенная архитектура

Two Unusual Syro-Hittite Reliefs. Structure and Iconography

Tamás Péter Kisbali

PhD (History of art), Assoc. Professor, Department of Art History, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, kisbalim@gmail.com, ORCID 0000-0002-6871-2616

Abstract. In the article two 8th century BC Syro-Hittite relief blocks from Kahramanmaraş (south-eastern Turkey) are examined. Their “unusual” features include the depiction of architectural framing elements and reliefs on all four sides. The author proposes a new interpretation of the visual program, comparable to the monumental architectural ensembles of the region (e.g. Carchemish). Some clarifications and ideas regarding the iconographic details and the reconstruction of damaged parts are also offered.

Keywords: Ancient Anatolia, Iron Age, Syro-Hittite kingdoms, sculpture, relief, architectural framing

В этой заметке хотелось бы рассмотреть два памятника — базальтовые блоки с рельефами. Они были найдены на территории Кахраманмараша в Турции. Этот современный город, известный до 1973 г. как Мараш, стоит над древним поселением — столицей княжества Гургум. Место происхождения позволяет сразу обозначить «необычность» этих двух вещей. Мараш — одно из самых богатых мест на находки каменных рельефов первых веков I тыс. до н. э. Отсюда происходит порядка 40 погребальных стел и ряд

других изваяний — при том, что город не раскапывался систематически и все памятники — случайные находки во вторичных контекстах [Orthmann 1971: 84–90; Tiryaki 2010: XII]. По материалу и технике изготовления, по стилю, по отдельным иконографическим мотивам наши два памятника однозначно составляют часть сиро-хеттского мира. Датируются серединой VIII веком до н. э. Однако присутствие архитектурных мотивов и использование не только одной, но всех сторон каменного блока, отличают их от других образцов этого корпуса.

Этим двум рельефам в научной литературе было уделено сравнительно мало внимания. Кроме изначальных публикаций [Garbini 1959; Schachner, Schachner 1996], памятники кратко рассматриваются в книге Винфрида Ортманна о позднехеттской скульптуре и в исследовании Доминика Бонаца о надгробиях [Orthmann 1971; Bonatz 2000]. Памятники рассмотрены в неопубликованной диссертации С. Гёкхана Тирьяки о надгробиях из Гургума (Кахраманмараша) [Tiryaki 2010]. В других трудах памятники просто упоминаются (напр. [Aro 2003: 325–326, п. 9]). Из всего перечисленного хотелось бы отметить совместную статью Шенай Шахнер и Андреаса Шахнера, где был впервые опубликован памятник № 1 — а также проведено его сравнение с памятником № 2; в этом труде очень много ценных наблюдений, но хочется их развить и добавить некоторые свои.

1. Первый рельеф¹ (№ 1)

Памятник был найден при строительных работах на территории городского базара Мараша, в конце 1980-х гг. Его пытались нелегально вывезти из страны, но турецким властям удалось пресечь эту попытку, и блок в 1989 году поступил в Археологический музей Антаки (илл. 1–2). Публикация состоялась позже, в 1996 году [Schachner, Schachner 1996].

Каменный блок производит впечатление маленького архитектурного сооружения. Явно выделяется «главный фасад» — одна из длинных сторон, с «перспективной» рамой.

Главная фигура изображена строго фронтально. Это тоже отличает рассматриваемый памятник от основного корпуса стел, для которых характерно профильное изображение. Есть лишь несколько памятников — сидящих статуй, которым присуща фронтальность (см. напр. [Bonatz 2000: Taf. XII–XIII]).

С двух сторон женщину фланкируют меньшие фигуры, изображенные в профиль, повернутые к ней. Предметы в их руках, видимо, веер и мухобойка. Разномасштабность изображенных фигур, в целом, не редко на сиро-хеттских стелах. Однако в большинстве случаев перепад не такой разительный. И сопровождающие фигуры — скорее родственники, предстоящие перед усопшим. Здесь же речь

¹ Базальт. Выс. 76 см, глуб. 33 см, шир. 56 см. Середина VIII века до н. э. Археологический музей Хатая, Антанкья, инв. № 17915. О памятнике см. [Schachner, Schachner 1996; Bonatz 2000: Kat. С 59; Tiryaki 2010: 118, Nr. 38].

идет о большом разрыве в статусе, и об очевидном сопровождении центральной фигуры двумя прислуживающими. Предметы (мухобойка и веер) тоже указывают на знатный статус центральной фигуры.

Обращусь теперь к архитектурному обрамлению. Ступенчатые мерлоны — частый мотив в искусстве древнего Ближнего Востока [Garbini 1958; Porada 1967]. Они применяются в реальной архитектурной практике, но также, из-за ассоциации с монументальным строительством, защитными стенами, башнями, получили символическое наполнение. В сиро-хеттском ареале, помимо двух рассматриваемых рельефов, известна, например, посмертная стела с мерлонами и лувийской надписью TILSEVET [Hawkins 2000: 178–179]. В ассирийском искусстве зубцы вездесущи. Они есть на изображенной архитектуре, но могут стать и мотивом в искусстве малых форм. Интересно рассмотреть пластинки из слоновой кости [Mallowan 1966: 367–369, fig. 250; Mallowan, Davies 1970: Pl. VI.13, VII.16]: ряды мерлонов обрамляют процессию, будто намекая на то, что шествие протекает вдоль стен или по священной дороге, то есть использованы не просто как орнаментальный пояс.

Детали под балкой хорошо соотносятся с так называемыми «руками-консолями» [Schachner, Schachner 1996: 212; Soldi 2017], известными как по ассирийским, так и по северо-сирийским ансамблям. Мерлоны и руки-консоли — это четкое обозначение особого статуса здания. Подобное архитектурное обрамление можно найти во

многих «архитектурных моделях» в Древнем мире — очень близкими к двум рассматриваемым памятникам оказываются, например, два скульптурных наиска, найденных в лидийских Сардах [Кишбали 2018; Kisbali 2019: 25–26] — однако среди сиро-хеттских стел это редкое явление.

На остальных трех гранях памятника изображена вереница женщин, на коротких сторонах по одной, на длинной торцевой — трое. Они одеты идентично, жесты тоже приблизительно одинаковы: правая рука согнута, с открытой кистью, ближе к груди, левая рука вытянута вперед. Отличается только крайне правая фигура на торцевой стороне: в ее руках округлые предметы — парный ударный инструмент типа кимвалов. Сохранность второй короткой стороны, к сожалению, очень плохая, но прослеживается край окружности — деталь ручного барабана/бубна [Schachner, Schachner 1996: 206–207].

Здесь изображено шествие, которое ведут две музыкантши с ударными инструментами; а остальные могут быть певицами или плакальщицами. Такое осторожное предположение я делаю потому, что, как правило, в сиро-хеттских изображениях шествий все участники несут какой-нибудь предмет — то есть эти фигуры не могут быть дароносицами, но чем-то должны быть заняты.

Безусловно, три стороны задуманы как единый фриз. Женщины образуют процессию, огибающую памятник против часовой стрелки, справа налево. Подразумевается либо круговой обход памятника, либо линейное движение

процессии от начальной точки к финальной — к главному фасаду (илл. 3). Это в очередной раз усиливает концепцию рельефного каменного блока как здания.

Не находя параллели среди заупокойных стел, интересно сравнить эту структуру с монументальными ансамблями. Самый близкий пример — комплекс «Царских ворот» в Каркемише, возведенный в X–IX вв. до н. э. [Gilibert 2011: 41–50].

Ортостаты имели сложную программу, включающую в себя изображение культовой процессии, связанной как с богами города, так и, как предполагают исследователи, с культом предков, почитанием царей и цариц правящего дома. Этот последний аспект — культово-поминальный — кстати, может быть актуальным и для наших двух блоков с рельефами.

На одном сегменте ряда ортостатов мы находим изображение 15 женщин в длинных одеяниях, с разными предметами в руках [Gilibert 2011: 46, fig. 18]. На угловом блоке расположена женщина (богиня Кубаба или обожествленная царица) на троне. Вектор движения изображенной процессии соответствует кардинальному направлению от ворот в сторону Храма бога грозы. После углового ортостата лестница вела в сторону монументальной постройки неизвестного назначения, но, возможно, это был храм Кубабы. То есть изображенная процессия, как это часто бывает, взаимодействовала с реальным пространством.

Таким образом, программу первого памятника можно представить в условном развороте, наподобие монументального ансамбля в Каркемише. С тем отличием, что рельефный блок включает и процессию, и «цель» шествия. В монументальных ортостатных фризах изображения «цели» нет — в нем и нет необходимости, ведь «цель», например храм или дворец, присутствует в реальном пространстве ансамбля.

2. Второй рельеф² (№ 2)

Этот памятник был обнаружен в мае 1958 года исследователем Пьеро Мериджи. Каменный блок, встроенный в стену цитадели Мараша (совр. Кахраманмараш), был извлечен и перенесен в музей (илл. 4–5). Вскоре, в 1959 году, последовала публикация памятника Джованни Гарбини [Garbini 1959]. Виннфрид Ортманн относит памятник к стилистической группе «Мараш III», и допускает, что изображена богиня [Orthmann 1971: 88]. Аргументов или вариантов реконструкции не приводит. В книге Доминика Бонаца этот памятник появляется лишь как параллель к упомянутому выше рельефу, подробно не анализируется [Bonatz 2000: 59]. В диссертации С. Гёкхана Тирьяки описан коротко, без интерпретации [Tiryaki 2010: 113, Nr. 24, Lev. XXI].

² Базальт. Выс. 60 см, шир. 50 см. Середина VIII века до н. э. Музей в Кахраманмараше, инв. № 199. О памятнике см. [Garbini 1959; Orthmann 1971: 527, Maraş B/24; Tiryaki 2010: 113, Nr. 24].

Памятник имеет плохую сохранность. По формату это квадратный в сечении столб. Уцелели изображение женщины на одной стороне, рамки или конструкции на соседней. Изображение на третьей, если оно было, уничтожено следами вторичного использования. Четвертая сторона полностью утрачена. По верхнему краю проходит фриз мерлонов, но рельефных (в отличие от объемных зубцов первого памятника). Слом проходит по животу женской фигуры. Изначальная высота предмета неизвестна.

Обратимся сначала к грани с наилучшей сохранностью. Это изображение женщины, по костюму и позе сильно напоминающую рассмотренных до этого участниц процессии.

При анализе ее изображении возникает два основных вопроса. Первый: какие атрибуты она держит? Второй: изображена ли она стоя или сидя?

Предмет в левой руке довольно легко идентифицируется: это чаша на высокой ножке, подобную которой можно увидеть в Каркемише («Царские ворота», ортостат № 73).

Второй предмет, который она держит в вытянутой правой руке, ставит больше вопросов. Это продолговатое нечто, с завитком. Сохранность не позволяет однозначно определить, заканчивается ли предмет на самом деле там, где слом, или еще продолжался ниже. По мнению Гарбини (и Мериджи) — это поводок [Garbini 1959: 207]. В качестве иконографической параллели он приводит изображения

божеств, попирающих животных, например, стелу из Тиль Барсипа (VIII век до н. э., Лувр, АО 11503). Гарбини также считает, что женщина на марашском памятнике — сидит, и в совокупности он отмечает, что, значит, в этом памятнике мы имеем единственный пример иконографии сидящей (а не стоящей) богини, держащей животное на поводке. Эта интерпретация, пожалуй, неубедительная.

Шахнеры поддерживают идентификацию предмета как поводка ('eine Leine') [Schachner, Schachner 1996: 211], но не комментируют. Тирьяки обозначает предмет как веревку или поводок, но под вопросом [Tiryaki 2010: 113].

Впрочем, некоторые персонажи гургумских стел держат животные на поводках — однако это не божества с крупными хищниками, и не женщины, а мужчина и юноша, видимо, с ловчими птицами (стела из Пазарджыка, Музей в Кахраманмараше [Bonatz 2000: 33, D5; Tiryaki 2010: Nr. 25]; стела Тархунпияса, Лувр, АО 19222).

Я хотел бы предложить другую возможную идентификацию. Мы снова обращаемся к Каркемишу. Среди разнообразных предметов в руках жриц-участниц шествия, есть и продолговатые ленты. Они условно определяются как ткань, или пряжа [Gilibert 2011: 45–46]. Этот вариант тоже не идеальный — формальные отличия между предметами в Каркемиша и Мараше есть — но, все же, кажется более убедительным, чем поводок.

Линия слома проходит примерно в том месте, где обычно можно определить, сидит или стоит изображенная фигура на сиро-хеттских рельефах. Гарбини считает, что она сидит, что, по его мнению, больше согласуется с

предполагаемым исходным размером всего памятника. Он это аргументирует тем, что прямоугольная рама «ясно показывает, что утраченная часть должна быть не очень большой» [Garbini 1959: 207, п. 5]. Этот довод не кажется убедительным: замкнутой является только квадратная верхняя панель, вертикальные же части рамы не завершаются, а продолжались ниже линии слома.

Далее, по моим наблюдениям, в сиро-хеттских рельефах мастера достаточно вольно обращаются с пропорциями человеческой фигуры и не согласовывают их в зависимости от положения тела — в качестве наглядного примера можно привести рельеф со сценой «семейной трапезы» [Bonatz 2000: Kat. С 60, Taf. XXI]. Нижняя часть тела (ноги) сидящей фигуры, как правило, непропорционально длинная, то есть если условно представить, что сидящая фигура «встает» с места, то она оказывается выше, чем фигура, задуманная как стоящая. Таким образом, я предположил бы, что общие пропорции всего памятника не сильно зависят от того, в каком именно положении мы реконструируем женскую фигуру — ее высота может быть приблизительно одинаковой как в стоящей, так в сидящей позе.

Далее, если женщина сидит, то надо искать предмет мебели. Изображений сидящих женщин на рельефах из Мараша много. Стул в большинстве случаев имеет спинку. Верхний край этой детали обычно доходит до середины спины сидящей фигуры, реже — до плеч. Можно найти и изображение стульев без спинки, но ощутимо реже, чем со

спинкой. Таким образом, если на памятнике № 2 женщина сидит, то она, скорее всего, сидит на стуле без спинки. В целом я склонен думать, что она стоит.

Что мы можем сказать о структуре и программе этого памятника? В первом памятнике очевидно, что есть основная сторона — фасад с фронтально посаженной женской фигурой. Во втором же случае такой уверенности, по крайней мере у меня, нет. Сохранившаяся женская фигура может быть как главной, так и сопровождающей. Другие исследователи, особенно Гарбини, исходили из того, что она — главная, и, возможно, даже божественного статуса — по сути просто потому, что она сохранилась. По иконографии же, она скорее сопровождающая, направляющаяся в сторону главной фигуры. На это указывает и типологическая близость с участницами шествия на первом памятнике, и набор предметов, близких к дароносицам из ортостанского ряда в Каркемише.

Далее я исхожу из предположения, что структура и программа этого памятника схожи с предыдущим, и здесь тоже присутствовал мотив процессии с обозначением цели на одной из граней³.

Возможен такой вариант реконструкции: на утраченной третьей грани могла располагаться женщина, идентичная сохранившейся, продолжающая вектор движения. «Главная» фигура в таком случае оказывается на следующей по очереди стороне блока. Это могла быть,

³ Хотя можно допустить, что главный фасад в этом памятнике отсутствовал.

например, женщина, выделенная с помощью фронтального разворота или особого набора атрибутов. При такой реконструкции получается интересная программа: процессия из двух человек направляется к женщине. Архитектурная рамка, таким образом, представляет либо отправную точку шествия — например, ворота или башню, либо храмовую или дворцовую постройку, находящуюся за спиной главной фигуры.

Второй вариант реконструкции: допущение, что архитектурная рамка — это и есть «главный фасад» и цель движения процессии. Шествие в таком случае огибает три грани блока. Значение «рамки» увеличивается — и здесь, как в первом случае, архитектурное обрамление задает ориентир.

В этом контексте интересно обратиться к наблюдению, озвученному еще в статье четы Шахнеров. Они отметили сходство рамочной конструкции с известной по резным костяным пластинкам иконографией «женщины в окне» [Schachner, Schachner 1996: 211–212]. Мотив мог быть заимствован для Мараша не полностью, но, скорее, как формула — изображение особого сооружения, за балюстрадой которого является лик или фигура богини. Или же, учитывая, что лика здесь не было, это могло, тем не менее, быть изображением башни или ворот — ворота особенно важны для сиро-хеттских комплексов, и мы уже видели, как в монументальных ансамблях процессия часто берет свое начало от входа цитадели.

В рамках этой статьи у меня нет возможности остановиться на другой важной проблеме — на назначении этих памятников. Но, вероятнее всего, они могли служить votivными алтарями в храме, или быть задействованными в культе усопших. Рассмотренных два памятника представляют собой особую группу внутри корпуса сиро-хеттских рельефов. Они не просто перекликаются с монументальной архитектурой, а являются компактным скульптурным воплощением всего пространства ансамбля.

Литература

Кишбали 2018 — *Кишбали Т. П.* Художественные особенности рельефного наиска из Сардов с изображением богини // *Н. А. Налимова и др. (ред.). «На ионийский лад я пою...» Сборник статей в честь Н. М. Никулиной.* М.: КДУ, «Университетская книга», 2018. С. 81–97.

Aro 2003 — *Aro S.* Art and Architecture // *C. Melchert* (ed.). *The Luwians.* Leiden — Boston: Brill, 2003. P. 281–337.

Bonatz 2000 — *Bonatz D.* Das syro-hethitische Grabdenkmal. Untersuchungen zur Entstehung einer neuen Bildgattung in der Eisenzeit im nordsyrisch-südostanatolischen Raum. Mainz: Verlag Philipp von Zabern, 2000.

Garbini 1958 — *Garbini G.* The Stepped Pinnacle in Ancient Near East // *East and West.* 1958. Vol. 9, No. 1. P. 85–91.

Garbini 1959 — *Garbini G.* A New Altar from Marash // *Orientalia, Nova Series.* 1959. Vol. 28, No. 2. P. 206–208.

Gilibert 2011 — *Gilibert A.* Syro-Hittite Monumental Art and the Archaeology of Performance. Berlin — New York: Walter de Gruyter, 2011.

Hawkins 2000 — *Hawkins J. D.* Corpus of Hieroglyphic Luwian Inscriptions. Vol. 1: Inscriptions of the Iron Age. Berlin — New York: Walter de Gruyter, 2000.

Kisbali 2019 — *Kisbali T. P.* “Orientalizing” Art in Anatolia (8th–6th Centuries B.C.) // Actual Problems of Theory and History of Art: Collection of articles. 2019. Vol. 9. P. 22–29.

Mallowan 1966 — *Mallowan M.* Nimrud and its Remains. Vol. 1. London: Collins, 1966.

Mallowan, Davies 1970 — *Mallowan M., Davies L. G.* Ivories from Nimrud (1949–1963). Vol. 2: Ivories in Assyrian Style. London: The British School of Archaeology in Iraq, 1970.

Orthmann 1971 — *Orthmann W.* Untersuchungen zur späthethitischen Kunst. Bonn: Rudolf Habelt Verlag, 1971.

Porada 1967 — *Porada E.* Battlements in the Military Architecture and in the Symbolism of the Near East // *D. Fraser, H. Hibbard, M. J. Lewine* (eds.). Essays in the History of Architecture Presented to Rudolf Wittkower. London: Phaidon, 1967. P. 1–12.

Schachner, Schachner 1996 — *Schachner Ş., Schachner A.* Eine späthethitische Grabstele aus Maraş im Museum von Antakya // *Anatolica*. 1996. Vol. XXII. S. 203–226.

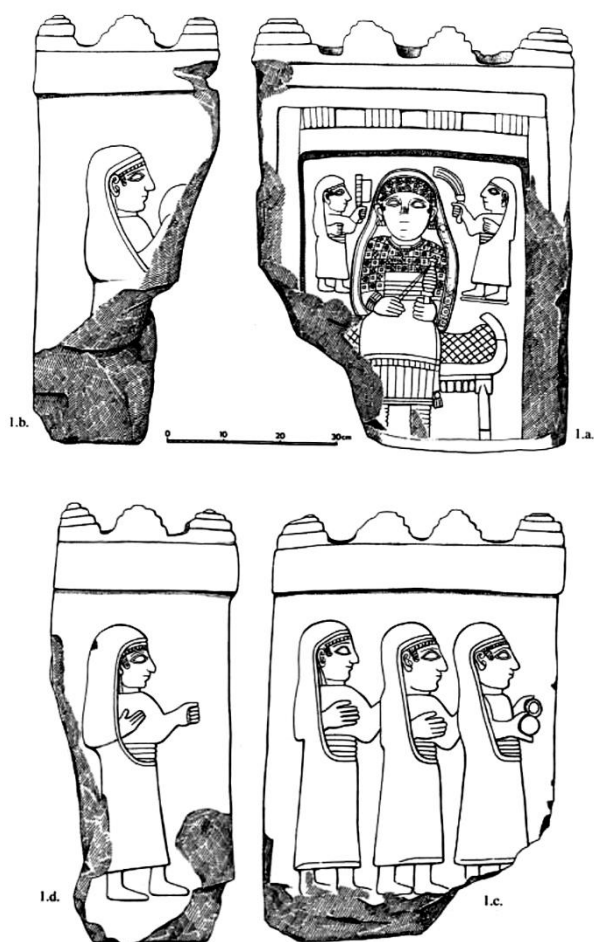
Soldi 2017 — *Soldi S.* Assyrian Clay Hands in the Architecture of the Ancient Near East // *Metropolitan Museum Journal*. 2017. Vol. 52. P. 8–23.

Tiryaki 2010 — *Tiryaki S. G.* Erken demirçağ Gurgum (= Kahramanmaraş) kabartmalı mezar taşları. Doktora tezi ... Antalya: Akdeniz Üniversitesi, 2010.

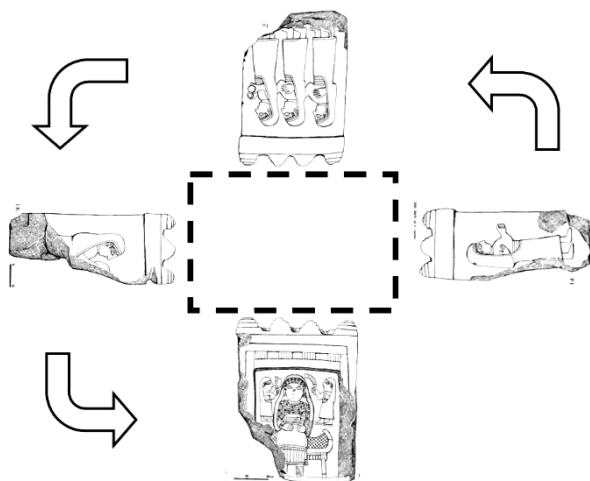
Иллюстрации

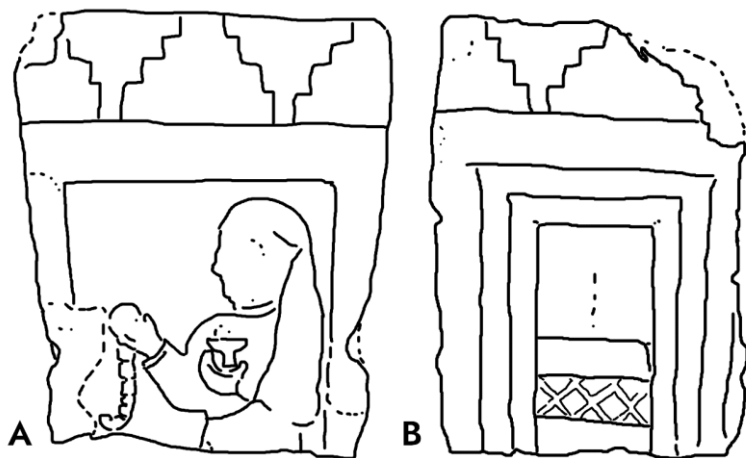
Илл. 1. Рельеф № 1. Археологический музей Хатая, Антанкья, инв. № 17915. Фотография Екатерины Михайловой.

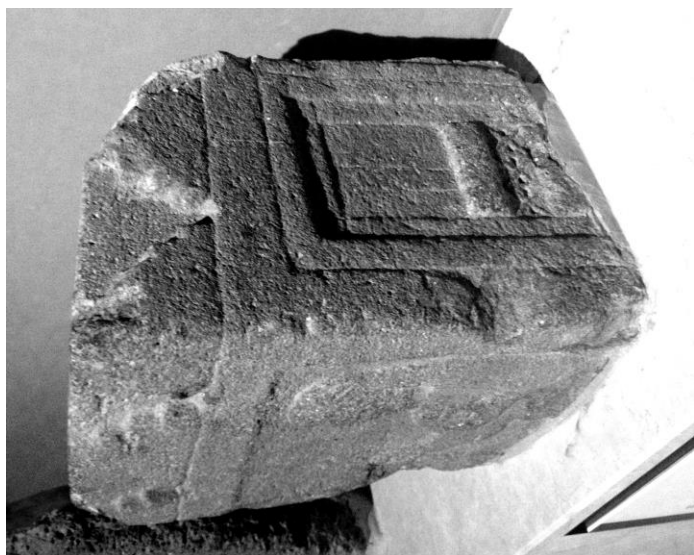
Илл. 2. Рельеф № 1. Прорисовка по [Schachner, Schachner 1996: Abb. 1].

Илл. 3. Рельеф № 1. «Движение» процессии на памятнике. Схема автора, с использованием прорисовок [Schachner, Schachner 1996: Abb. 1].

Илл. 4. Рельеф № 2. Прорисовка автора.

Илл. 5. Рельеф № 2. Музей в Кахраманмараше, инв. № 199.
 Фото © Bora Bilgin, hittitemonuments.com.

Декорированные хлоритовые чаши из ранненеолитических памятников Северной Месопотамии

Татьяна Владимировна Корниенко

Доцент, кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежной истории Воронежского государственного педагогического университета, Воронеж, Россия, zigzinatvk@gmail.com, ORCID 0000–0003–1952–5504

Аннотация. Декорированные чаши из хлорита, их фрагменты, и переделанные из их фрагментов объекты найдены на многих ранненеолитических памятниках Северной Месопотамии в бытовом и ритуальном контекстах. В статье рассматриваются вопросы определения очага, ареала и хронологии распространения, а также функционального назначения данных объектов материальной культуры.

Ключевые слова: финальный эппалеолит, неолит, Северная Месопотамия, ритуал, декорированные чаши из хлорита

Decorated Chlorite Bowls from Early Neolithic Sites of Northern Mesopotamia

Tatiana V. Kornienko

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of International History, Voronezh State Pedagogical University, Voronezh, Russia, zigzinatvk@gmail.com, ORCID 0000–0003–1952–5504

Abstract. Decorated chlorite bowls, their fragments, and objects remade from their fragments have been found in many Early Neolithic sites of Northern Mesopotamia in domestic and ritual contexts. The article examines the issues of determining the focus, areal and chronology of distribution, as well as the functional purpose of these objects of material culture.

Keywords: Final Epipaleolithic, Neolithic, Northern Mesopotamia, ritual, decorated chlorite bowls

Декорированные чаши из хлорита, а также их фрагменты, являясь относительно редкими находками, обнаружены на многих ранненеолитических¹ памятниках Северной Месопотамии. Цель настоящей работы — представить основные характеристики, обсудить вопросы очага, ареала, времени распространения и функционального назначения данных объектов.

¹ X — начало VIII тыс. до н. э., здесь и далее даты калиброванные; подробнее см.: [Корниенко, 2021].

До недавнего времени очаг распространения ранненеолитических каменных декорированных чаш, сделанных преимущественно из хлорита, связывали с территорией Северного Леванта [Kozłowski, Aurenche 2005: 25, 169]. Однако исследования последних лет, и в особенности в районе Верхнего Тигра [Karul 2020], внесли коррективы в понимание данного вопроса.

На сегодняшний день наиболее ранние хлоритовые сосуды встречены в слоях позднего эппалеолита Кёртик Тепе², где в целом, вместе с материалами PPNA времени, преимущественно внутри погребений, найдено более ста их экземпляров (большинство сохранились фрагментарно); что в несколько раз превосходит количество известных образцов подобных объектов из других ранненеолитических поселений Северной Месопотамии. Значительное количество выявленных в Кёртик Тепе хлоритовых сосудов, их возраст, высокий уровень техники обработки, богатство форм и декора указывают на то, что данный населенный пункт в прото- и ранненеолитическую эпоху мог являться центром производства и очагом распространения подобных объектов [Özkaya, Şahin 2020: 380].

Черепки и целые чаши из хлорита со многими типичными для Кёртик Тепе выгравированными узорами найдены не только на ранненеолитических поселениях соседних с ним районов Юго-Восточной Анатолии, но

² Конец XI — первая пол. X тыс. до н. э.; подробнее см.: [Корниенко 2021].

также на раннеолитических памятниках Среднего Евфрата, расположенных на расстоянии примерно 400 км. Вместе с тем, сравнительный анализ данных показывает, что на отдельных поселениях Северной Месопотамии фиксируются особые формы в изготовлении хлоритовых чаш, как и использование локальных мотивов и сюжетов в декорировании таких объектов.

Размеры хлоритовых чаш из раннеолитических памятников Северной Месопотамии охватывают диапазон с максимальным диаметром приблизительно от 5 до 25 см, высотой от 4 до 30 см; толщина стенок обычно 0,6–0,8 см. Хлоритовые сосуды в большинстве случаев сфероидальных форм, с не выраженным или слабо выраженным венчиком; плоскодонные (рис. 1, 2.2). Чаще они открытой формы, но есть и закрытые. По материалам Кёртик Тепе известны сосуды в форме усеченного конуса, кубической с прямыми стенками и цилиндрической формы вазы, а также низкие открытые чаши, напоминающие миски [Özkaya, Coşkun 2011: fig. 17–20, 22; Özkaya et al. 2013: 40, 54–61]. Из ритуального захоронения хлоритовых предметов (рис. 2.1, 2.3) в основании западной стены неординарного Строения M1a Телля Абр 3 происходит уникальный по форме для эпохи докерамического неолита сосуд, скульптурно выполненный из черного хлорита в виде фигуры быка [Yartah 2013: 163–164, fig. 96, 152]. Вероятно, это один из наиболее ранних примеров зарождения традиции использования подобного изобразительного приема в изготовлении сосудов. Для

последующих эпох — керамического неолита и энеолита — сделанные из глины зооморфные и антропоморфные сосуды, оставаясь редкими находками, известны уже как на территории Северной Месопотамии [Мунчаев, Мерперт 1981: 251–253], так и в соседних регионах [Палагута 2012: 106–138].

При изготовлении сосудов из хлорита в переходную к неолиту эпоху применялись разные техники нанесения рисунка: рельеф (валики и гребни), резьба (от простой линейной до сложной объемно-выемчатой), сверление. Вместе с тем, довольно часто у сосудов по краям венчика есть отверстия, которые, вероятно, использовались для подвешивания.

Декор многих сосудов из хлорита представлен геометрическими узорами, демонстрирующими значительное разнообразие. Распространены также условные и реалистичные зооморфные изображения. Большинство мотивов стандартизированы: плетеный орнамент, зигзагообразные параллельные и перпендикулярные линии, концентрически расходящиеся круги, расположенные в определенном порядке заштрихованные треугольники и прямоугольники, изображенные в профиль копытные животные с рогами (Bovidae), крестообразные фигуры птиц с распахнутыми крыльями и показанной в профиль головой. Повторения и вариации таких изображений на хлоритовых сосудах известны по материалам многих поселений из разных областей Северной Месопотамии PPNA и раннего PPNB времени: Кёртик Тепе, Халлан Чеми, Гусир Хююк,

Хасанкейф, Демиркёй, Чемка Хююк, Гёбекли Тепе, Ени Махалле, Телль Абр 3, Мурейбит, Джерф эль-Ахмар и других.

Соблюдалась определенная гармония между композицией выгравированного рисунка и формой сосуда; мотивы варьируются в зависимости от формы изделий. Видимая поверхность тулова некоторых сфероидальных хлоритовых чаш Кёртик Тепе, Ени Махалле и ряда других памятников полностью покрыта узорами, напоминающими плетение, иногда с включением в этот насыщенный рисунок изображений показанных в профиль рогатых копытных животных [Özkaya, Coşkun 2011: fig. 20; Şanlıurfa müzesi. Arkeolojik eser kataloğu... 2017: 156]. Целиком сохранился хлоритовый сосуд подобной формы, техники изготовления и композиции декора, где помимо двух животных в плетеный орнамент включена также фигура охотника с копьем в поднятой руке [Yartah 2013: 179, fig. 96, 173]. Этот единственный из известных сегодня экземпляр с изображением сцены охоты был обнаружен в ходе раскопок североевфратского поселения Телля Абр 3 вместе с другими символически ценными объектами в закладе под очагом неординарного Строения M1b.

На ряде конусообразных и цилиндрической формы сосудов Кёртик Тепе выгравированные фигуры змей расположены по одной или группами по кругу на внешней поверхности тулова, находясь, как правило, в вертикальном положении. Иногда в таких композициях фигуры змей чередуются с фигурами птиц. В некоторых

случаях по кругу на внешней поверхности стенок сосудов фиксируются вертикально расположенные узоры из линий и заштрихованных треугольников или прямоугольников, которые, судя по более реалистичным рисункам с подобными элементами на других объектах, могли условно изображать представителей членистоногих (скорпионов и/или многоножек) [Özkaya, San 2007: fig. 17, 18; Coşkun et al. 2010: 65, fig. 2, 7; Özkaya, Coşkun 2011: 96, fig. 17–20, 22–23; Özkaya et al. 2013: 40, 54–56, 58–61]. На трех конусообразных открытых сосудах Кёртик Тепе выгравированы схематично показанные антропоморфные фигуры в рогатых головных уборах. Их руки опущены, руки и ноги немного расставлены в стороны [Özkaya, San 2007: fig. 18; Özkaya et al. 2013: 58, 61]. На двух из этих сосудов выгравированные фигурки людей в рогатых головных уборах чередуются с фигурками маленьких двойных concentрических кругов, изображениями змей, птиц или скорпионов. На одной из чаш выгравировано только изображение человека в рогатом головном уборе. Представленные на сосудах Кёртик Тепе иногда в окружении змей, птиц и скорпионов антропоморфные персонажи в необычных головных уборах, исходя из имеющихся данных о символических изображениях и социальном развитии ранненеолитических сообществ Северной Месопотамии, вполне обоснованно, на наш взгляд, трактуются как шаманы [Benz, Bauer 2015; Корниенко 2018].

В целом из натуралистических мотивов наиболее распространенными на хлоритовых сосудах Северной

Месопотамии определяются змеи, птицы и горные козлы (бараны или другие копытные животные). Фигуры змей, птиц, скорпионов, а также рыб в ряде случаев показаны очень условно. Мотивы фигур рогатых животных часто соседствуют с узорами концентрически расходящихся кругов, которые могли помимо других значений представлять змей. Изображения фигур птиц (стилизованные, крестообразные), как правило, соседствуют с условными изображениями змей и/или воды в виде вертикально и горизонтально представленных зигзагообразных линий. Изображения на поверхности сосудов фигур людей в различных сюжетных сценах известны по материалам Кёртик Тепе и Телля Абр 3.

Данные контекста обнаружения в закрытых комплексах многих декорированных хлоритовых сосудов и их фрагментов говорят об участии этих объектов в различных ритуалах, прежде всего, в совершении строительных закладов, тайников и погребальных обрядах. Возможно, до помещения этих сосудов в тайники, погребения, заклады они использовались в церемониальном приготовлении пищи.

Интересно, что на раннеолитических поселениях Северной Месопотамии фрагменты хлоритовых сосудов нередко перерабатывали в подвески, декорированные плакетки и «выпрямители древков» [Karul 2011: fig. 17; Özkaya, Coşkun 2011: fig. 31, 32; Rosenberg 2011: 81; Tell Qaramel... 2012: fig. 84.6; Yartah, 2013: 157–158, 176, fig. 136, 145, 168; Stordeur 2015: fig. 4.3; Karul 2020: 89,

fig. 16, 17]. Эти переработанные из черепков хлоритовых сосудов символически украшенные предметы в ряде случаев также встречаются в тайниках, строительных закладах и погребениях.

Помимо хлоритовых на ранненеолитических поселениях Северной Месопотамии широко использовались сосуды, сделанные из известняка, реже из мрамора, иных пород камня, а также емкости из гипса и глины [Lebreton 2008; Özkaya, Coşkun 2011: 95–96; Mazurowski 2012: 74–76; et al.]. Как правило, это более грубые образцы. Они тоже различных форм и размеров, но гораздо меньшей вариативности в оформлении по сравнению с коллекцией экземпляров, сделанных из хлорита. Их внешние поверхности нередко обожжены. Очевидно, такие ёмкости в большинстве случаев изготавливались для ежедневного бытового использования, на что указывает корреляция их данных о сырье, особенностях оформления, следах истертости и обжига, сопутствующих материалах и месте обнаружения.

Отметим, что для изделий из хлорита ранненеолитических памятников Северной Месопотамии, включая среднеевфратский регион, определено анатолийское происхождение сырья [Santallier et al. 1997]. Версия о том, что большие куски хлорита могли быть принесены течением Евфрата, не вызывает доверия, поскольку это хрупкий камень, а сосуды вырезали из довольно крупных фрагментов породы, которые вряд ли могли быть перемещаемы рекой. Более вероятным представляется, что или сосуды или материал, из которого

они сделаны, доставлялись на ранненеолитические поселения Среднего Евфрата, из анатолийского региона людьми [Lebreton 2008: 569]. Дж. Ибаньес считает, что такие объекты, вероятно, производились в Анатолии и часть из них, также как обсидиан, предназначалась для межрегионального обмена [Ibañez 2008: 671]. Этой точки зрения придерживается и Д. Стордёр на основании сопоставления редких объектов из хлорита, найденных в Джерф эль-Ахмар, с материалами современных ему памятников Северной Месопотамии из других регионов [Stordeur 2015: 21]. Высказано предположение, что материал, принесенный извне или редкий, отбирался для изготовления символически значимых предметов из-за его выразительного цвета [Lebreton 2008: 570]. Вместе с тем, импортное сырье или предметы, из него сделанные, могли иметь особую символическую ценность также из-за участия в межобщинном обмене. О том, что контакты между населением северосирийского, юговостоанатолийского и североиракского очагов неолитизации активно поддерживались, говорят разного рода данные, в том числе материалы, касающиеся ритуальных практик общественного значения.

Таким образом, многие из отмеченных обстоятельств, включая определение области, где добывалось сырье, говорят в пользу анатолийского происхождения традиции изготовления искусно сделанных и украшенных вырезанным рисунком чаш из хлорита. Престиж редких пород камня и сделанных из них предметов был таков, что,

когда хлоритовые изделия изнашивались или разбивались, их обломки переделывали в новые объекты. Наиболее ранняя и представительная из известных коллекций хлоритовых сосудов обнаружена в Кёртик Тепе, который мог являться очагом (или одним из очагов) распространения традиции изготовления таких изделий, как и самих изделий, на дальние расстояния. При этом наличие уникальных форм, мотивов и сюжетов в оформлении ряда североевфратских сосудов из хлорита, что выявлено на примере рассмотренных данных Телля Абр 3, говорит скорее в пользу их местного производства. В данном случае, вполне вероятно, привозным было только сырье.

Большинство выявленных мотивов и сюжетов декора хлоритовых чаш относится, тем не менее, к набору известных изображений, представленных на изделиях больших и малых форм других категорий символически значимых объектов, характерных для ритуального контекста памятников Северной Месопотамии PPNA, раннего и среднего PPNB времени. Этот факт, как и особенности сырья, сложность и изящество в оформлении, а также обнаружение большинства хлоритовых чаш, их фрагментов и сделанных из их фрагментов предметов в погребениях, тайниках и строительных закладах, говорит о большой вероятности их ритуального предназначения.

В конце эпохи среднего докерамического неолита Б (MPPNB)³ традиция искусного

³ Первая половина VIII тыс. до н. э.; подробнее см.: [Корниенко 2021].

изготовления декорированных сосудов из хлорита, как и многих других символически оформленных объектов из камня, на территории Северной Месопотамии затухает. Такие изменения в материальной культуре рассматриваемого региона, отражающие трансформацию социальной структуры, картины мира и обрядовых практик у населения, были связаны с более глобальными процессами в изменении экосистем и развитии человеческих коллективов, приведшими на рубеже XI и VIII тыс. до н. э. к началу нового этапа неолитизации в Передней Азии.

В завершение хотелось бы выразить признательность руководителю раскопок Телля Абр 3 доктору Т. Ярта (Т. Yartah) за предоставленный доступ к материалам его диссертационного исследования и разрешение использовать иллюстрации этой работы в своих публикациях.

Литература

Корниенко 2018 — *Корниенко Т. В.* К вопросу об особенностях функционирования властных структур и принципов социального взаимодействия в коллективах охотников-собирателей Северной Месопотамии на пороге перехода к неолиту // *Stratum plus*. 2018. № 1. С. 59–76.

Корниенко 2021 — *Корниенко Т. В.* Вопросы физической географии, периодизации и хронологии в исследовании первичных очагов «неолитической революции» на территории центральной части Плодородного полумесяца

// Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2021. № 4. С. 5–16.

Мунчаев, Мерперт 1981 — *Мунчаев Р. М., Мерперт Н. Я.* Раннеземледельческие поселения Северной Месопотамии. Исследования советской экспедиции в Ираке. М.: Наука, 1981.

Палагута 2012 — *Палагута И. В.* Мир искусства древних земледельцев Европы (культуры балкано-карпатского круга в VII–III тыс. до н. э.). СПб.: Алетейя, 2012.

Benz, Bauer 2015 — *Benz M., Bauer J.* On Scorpions, Birds and Snakes — Evidence for Shamanism in Northern Mesopotamia during the Early Holocene // *Journal of Ritual Studies*. 2015. Vol. 29. № 2. P. 1–23.

Coşkun et al. 2010 — *Coşkun A., Benz M., Erdal Y. S., Koruyucu M. M., Deckers K., Riehl S., Siebert A., Alt K. W., Özkaya V.* Living by the Water — Boon and Bane for the People of Körtik Tepe // *Neo-Lithics*. 2010. № 2. P. 60–71.

Ibañez 2008 — *Ibañez J. J.* Conclusion // *J. J. Ibañez (dir.)*. Le site néolithique de Tell Mureybet (Syrie du Nord): En hommage à Jacques Cauvin (BAR International Series; 1843). Oxford: Archaeopress — Maison de L'Orient de la Méditerranée Jean Pouilloux, 2008. P. 661–677.

Karul 2011 — *Karul N.* Gusir Höyük // *M. Özdoğan, N. Başgelen, P. Kuniholm (eds.)*. The Neolithic in Turkey. New Excavations & New Research. The Tigris basin. Istanbul: Arkeoloji ve Sanat Yayinlari, 2011. P. 1–17.

Karul 2020 — *Karul N.* The Beginning of the Neolithic in Southeast Anatolia: Upper Tigris Basin // *Documenta Praehistorica*. 2020. Vol. XLVII. P. 76–95.

Kozłowski, Aurenche 2005 — *Kozłowski S. K., Aurenche O.* Territories, Boundaries and Cultures in the Neolithic Near East (BAR International Series; 1362). Oxford: Archaeopress, 2005.

Lebreton 2008 — *Lebreton M.* Les récipients en pierre // *J. J. Ibañez* (dir.). Le site néolithique de Tell Mureybet (Syrie du Nord): En hommage à Jacques Cauvin (BAR International Series; 1843). Oxford: Archaeopress — Maison de L'Orient de la Méditerranée Jean Pouilloux, 2008. P. 569–573.

Mazurowski 2012 — *Mazurowski R. F.* Ground and Pecked Stone Industry and Objects of Art // *R. F. Mazurowski, Y. Kanjou* (eds.). Tell Qaramel 1999–2007. Warsaw: Polish Centre of Mediterranean Archaeology University of Warsaw, 2012. P. 72–89.

Özkaya, San 2007 — *Özkaya V., San O.* Körtik Tepe. Bulgular işığında kültürel doku üzerine ilk gözlemler // *M. Özdoğan, N. Başgelen* (yay.). Türkiye’de Neolitik Dönem. İstanbul: Arkeoloji ve Sanat Yayınları, 2007. S. 21–36; fig. 1–28.

Özkaya, Coşkun 2011 — *Özkaya V., Coşkun A.* Körtik Tepe // *M. Özdoğan, N. Başgelen, P. Kuniholm* (eds.). The Neolithic in Turkey. New Excavations & New Research. The Tigris Basin. İstanbul: Arkeoloji ve Sanat Yayınları, 2011. P. 89–127.

Özkaya et al. 2013 — *Özkaya V., Coşkun A., Soyukaya N.* Körtik Tepe. Uygarlığın Diyarbakır’daki ilk adımları = The First Traces of Civilization in Diyarbakir. İstanbul: Arkeoloji ve Sanat Yayınları, 2013.

Özkaya, Şahin 2020 — *Özkaya V., Şahin F. S.* Körtik Tepe kültürü uygarlığın ilk yetkin deneyimi // 41. Kazı sonuçları toplantısı. 2020. Cilt 4. S. 375–389.

Rosenberg 2011 — *Rosenberg M.* Hallan Çemi // *M. Özdoğan, N. Başgelen, P. Kuniholm* (eds.). The Neolithic in Turkey. New Excavations & New Research. The Tigris Basin. İstanbul: Arkeoloji ve Sanat Yayınları, 2011. P. 61–78.

Santallier et al. 1997 — *Santallier D., Maréchal C., Véra R.* Éléments de parure du néolithique Syrien. Identification et

provenances des matériaux // Revue d'archéométrie. 1997. № 21. P. 55–65.

Stordeur 2015 — *Stordeur D.* Le village de Jerf el Ahmar (Syrie, 9500–8700 avant JC). L'architecture, miroir d'une société néolithique complexe. Paris: CNRS Éditions, 2015.

Şanlıurfa müzesi. Arkeolojik eser kataloğu 2017 — *N. Karul, G. Kozbe ve A. Yavuzkır* (yay.). Şanlıurfa müzesi. Arkeolojik eser kataloğu. Şanlıurfa: Tasarım PR, 2017.

Tell Qaramel... 2012 — *R. F. Mazurowski, Y. Kanjou* (eds.). Tell Qaramel 1999–2007. Warsaw: Polish Centre of Mediterranean Archaeology University of Warsaw, 2012.

Yartah 2013 — *Yartah T.* Vie quotidienne, vie communautaire et symbolique à Tell 'Abr 3 — Syrie du nord, données nouvelles et nouvelles réflexions sur l'horizon PPNA au nord du Levant 10000 à 9000 BP. Vol. 1, 2. Thèse de doctorat.. Lyon: Université Lyon 2, 2013.

Иллюстрации

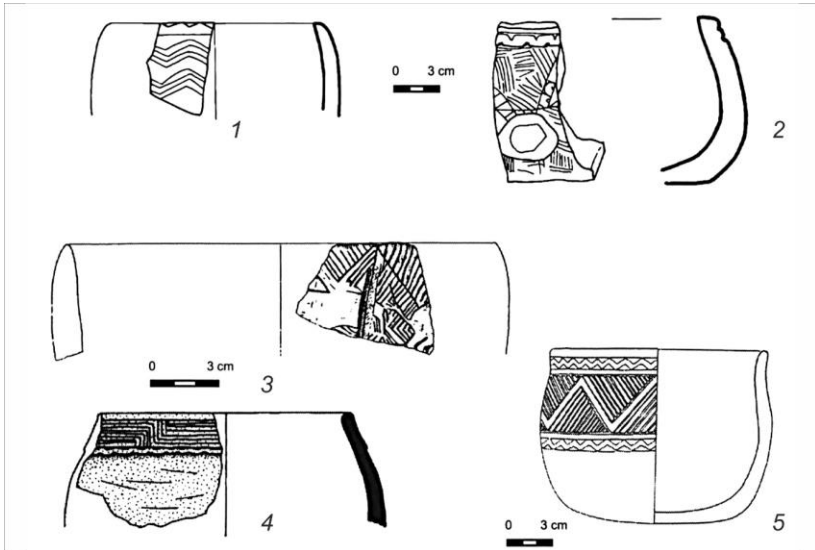

Рис. 1 Каменные чаши с выгравированным сложным декором: 1, 4 — из Халлан Чеми; 2 — из Чайоню; 3 — из Гёбекли Тепе; 5 — из Джерф эль-Ахмар (по: [Kozłowski, Aurenche 2005: 169]).

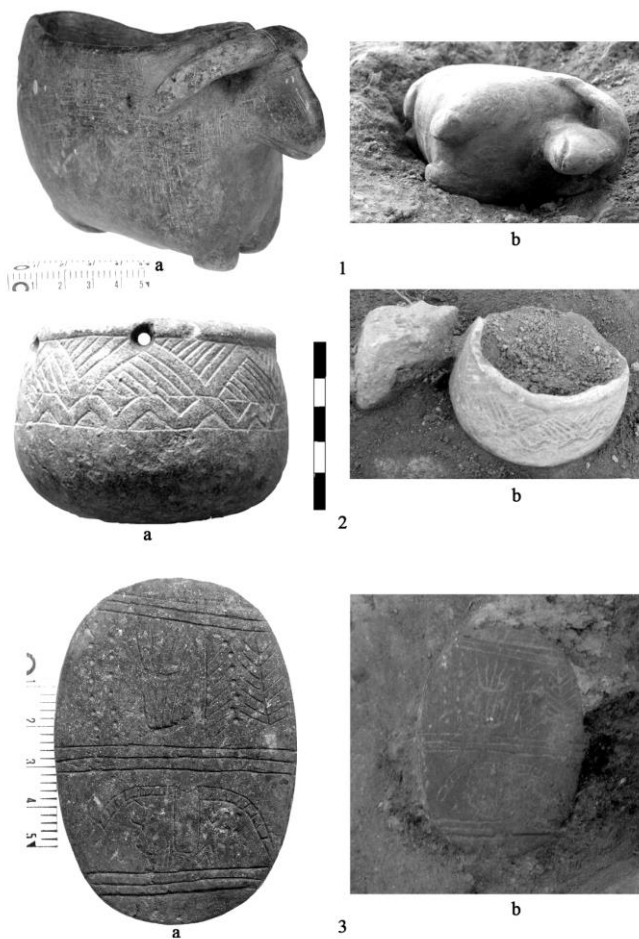

Рис. 2. Телль Абр 3. Хлоритовые объекты из строительного заклада и заполнения неординарного Строения М1а: 1 — зооморфный сосуд в виде фигуры быка; 2 — сфероидальной формы чаша с геометрическим орнаментом; 3 — декорированная плитка (по: [Yartah 2013: fig. 87]).

Уникальный комплекс «Козыменко — Ключко» из Украины¹

Татьяна Михайловна Кузнецова

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник,
Институт археологии РАН, Москва, Россия, tmulya-kuznecova@yandex.ru, ORCID 0000–0001–7926–2721

Аннотация. Рассматривается комплекс бронзовых предметов, происходящих из разрушенного погребения в Украине: удила со стержнями, украшенными рельефным орнаментом; пронизи-распределители в виде головок барана и зеркало-?. Место находки этого комплекса неизвестно, поэтому он именуется как комплекс «Козыменко — Ключко», чтобы не остаться безымянным и войти в данные материалов скифской эпохи под именем людей, которые ввели его в научный оборот и датировали концом VII–VI вв. до н. э. В статье оценивается хронологическое сочетание вещей, определяющих дату этого комплекса и функция предмета, называемого зеркалом.

Ключевые слова: Украина, скифский период, Северный Кавказ, курганы, зеркало, конская упряжь.

¹ Работа выполнена в рамках темы НИР ИА РАН «Причерноморская и Центральноазиатская периферия античного мира и кочевнические сообщества Евразии: на перекрестке культур и цивилизаций» (№ НИОКТР 122011200269–4).

Unique complex «Kozymenko — Klochko» from Ukraine

Tatiana M. Kuznetsova

Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, mamulya-kuznecova@yandex.ru, ORCID 0000-0001-7926-2721

Abstract. The article considers a complex of bronze objects originating from a destroyed burial in Ukraine: a bit with bars decorated with a relief ornament; pierced-distributors in the form of heads of a ram and a mirror-?. The location of the discovery of this complex is unknown, therefore it is referred to as the «Kozymenko-Klochko» complex, so as not to remain nameless and enter the data of materials of the Scythian period under the name of the people who introduced it into scientific circulation and dated it to the end of the 7th–6th centuries BC. The article evaluates the chronological combination of objects that determine the date of this complex and the function of an object called a mirror.

Keywords: Ukraine, Scythian period, North Caucasus, barrows, mirror, horse harness

Рассматриваемый комплекс бронзовых предметов, происходящих из разрушенного погребения, был представлен как зеркало-фиала, удила и подвески-«баранчики» (рис. 1) в книге, посвященной материалам частной коллекции древних бронз А. В. Козыменко, найденных на территории Украины.

Научное исследование коллекции, проведенное В. И. Клочко², позволило спасти от безвестности большое количество археологических источников. Анализируемый комплекс относится к их числу. Точное место находки этого комплекса осталось неизвестным, поэтому он именуется как комплекс «Козыменко — Клочко», чтобы не остаться безымянным и войти в базы данных изделий скифской эпохи под именем людей, которые ввели его в научный оборот. Издатели датировали инвентарь погребения концом VII–VI вв. до н. э. [Клочко, Козыменко 2017: 263, 330, илл. 6.2.1].

Состав комплекса.

1. Удила состоят из двух звеньев (двухчастные), «стержневидные», бронзовые, литые. Внешние окончания звеньев — стремечковидные, наружные петли треугольных очертаний с двумя выступами по сторонам каждой из «подножек». Внутренние окончания звеньев — кольчатые, соединены перпендикулярно относительно друг друга. Сечение стержней — округлое. На одной из сторон стержней каждого звена — рельеф из 5 (левое) и 6 (правое) косых крестов, разделенных поперечным рубчиком.

Длина удил ≈ 18 см; длина звеньев $\approx 9,7\text{--}9,8$ см; высота «стремечка» $\approx 2,3$ см, ширина «стремечка» $\approx 2,2$ см;

² Сердечно благодарю зав. кафедрой археологии Национального университета Киево-Могилянской Академии д. и. н. В. И. Клочко, за все, сделанные по моей просьбе уточнения относительно комплекса, и предоставленную качественную фотографию.

размеры внутренних окончаний $\approx 2,5 \times 2,4$ см; диаметр стержней грызл $\approx 0,9$ см (рис. 1, 1).

2. Две пронизи-распределители уздечных ремней, бронзовые, литые. Представляют собой четырёхгранные столбики с двумя округлыми отверстиями по бокам. Каждая пронизь увенчана объёмной головкой барана, выполненной в технике круглой скульптуры.

Высота $\approx 2,2$ см, ширина грани $\approx 1,5$ см, диаметр отверстий $\approx 0,7-0,9$ см (рис. 1, 2).

3. Зеркало-фиала³ (зеркало-сосуд) бронзовое, литое. Диск плоский, с бортиком по краю. Ручка боковая, плоская, слегка сужающаяся к концу, который имеет вид фигуры, близкой овалу.

На стволе ручки (со стороны бортика на диске) — геометрический орнамент: рельеф из 4-х разнонаправленных (2 — от центра к концу и 2 — от центра к диску) равнобедренных треугольников, сходящихся вершинами в центральной части ствола ручки. Нижний треугольник на ручке ограничен рельефной полосой, отделяющей его от овальной фигуры на конце. Верхний треугольник ограничен бортиком на диске. В месте соединения ручки с диском (на диске) расположен рельефный равнобедренный треугольник, обращенный вершиной к центру диска. Орнамент присутствует на диске и ручке только со стороны бортика, на противоположной стороне орнаментации нет.

³ Определение авторов публикации.

Общая длина зеркала = 30 см; диаметр диска = 18 см; высота бортика $\approx 0,5$ см; длина ручки = 12 см; ширина ручки в средней части $\approx 2,3$ см; размеры овальной фигуры на конце $\approx 2,5 \times 1,9$ см (рис. 1, 3).

Характеристика находок

1. Стремечковидные удила, как уже отмечали исследователи, один из самых распространенных типов удил скифского времени. В археологической литературе этот тип объединил удила с разнообразной конфигурацией внешних окончаний [Галанина 1983: 35–36]. Находки подобных предметов отмечены в материалах скифского архаического периода как Северного Причерноморья, так и Северного Кавказа [Могилов 2008: 16, рис. 5–6].

Бронзовые удила со стремечковидными наружными петлями и стержнями, украшенными рельефным орнаментом из поперечных рубчиков и косых крестов, ранее встречались только в памятниках скифской архаики Северокавказского региона.

Группу северокавказских удил, имеющих подобный «орнамент» на стержнях, составляют 6 предметов: одна пара найдена в Келермесском могильнике, курган 3/Ш–4/Ш [Галанина 1983: 36, табл. 3, 13]; фрагмент одного звена происходит с территории могильника Цемесская долина (Цемдолина), находка вне комплекса⁴; одна пара

⁴ Пользуюсь случаем выразить глубокую благодарность зав. Отдела скифо-сарматской археологии ИА РАН, к. и. н. А. А. Малышеву за

обнаружена в Первом Разменном/Костромском кургане [ОИАК 1900: 14, рис. 48]; три пары найдены в кургане 1/1908 г. Ульского могильника [Эрлих 2015: 44–45, табл. 4]. Датировка стремечковидных удил базируется на материалах Келермесского и Новозаведённого могильников и определяется исследователями рубежом VII–VI вв. до н. э. [Галанина 1983: 53; Эрлих 2015: 45].

В отличие от северокавказских удил, имеющих полукруглые очертания внешних окончаний звеньев, у украинской находки форма стремечка — треугольная. Орнамент стержней близок костромским и ульским. Наблюдения показали, что орнамент у всех рассматриваемых удил наносился на восковую модель, без трафарета.

Очень интересно, что аналогичный орнамент (рис. 2) присутствует на стволе и подставке подо львом у ручки безусловно греческого зеркала (сл. нах., 2016 г.) из Белгородской области [Оборин 2019: 1, рис. 1].

2. Полных аналогий бронзовым пронизям-распределителям уздечных ремней в виде «баранчиков» в памятниках Северного Причерноморья и Кавказа не выявлено. Самые близкие по форме и оформлению предметы происходят из скифских лесостепных комплексов: Роменский уезд; к. № 38 у с. Гуляй-Город; к. № 20⁵ из раскопок Т. В. Кибальчича у с. Аксютинцы;

предоставленную возможность ознакомиться с не опубликованным материалом.

⁵ Номер кургана установлен по указателю Т. В. Кибальчича [Кибальчич 1876: 22, № 486, 487].

к. «Захарейкова Могила»; к. № 3 у с. Теклевка/Теклівка; к. № 10 у с. Поповка/Попівка [Могилов 2008: 350, рис. 129, 42–48].

А. Р. Канторович, скрупулёзно рассмотревший зооморфные изображения, отнес, отмеченные выше, к «келермесско-новозаведенскому» типу, выявил в их изменении движение от более натуралистичных к более схематичным и определил вероятную дату типа 2-й третью VII — 1-й половиной VI вв. до н. э. [Канторович 2015: 474–476]. Исходя из того, что рассматриваемые пронизираспределители из комплекса «Козыменко — Ключко», близки предметам из указанных памятников, их можно датировать первой половиной VI в. до н. э.

3. Односоставные зеркала с боковой ручкой, по форме сходные с рассматриваемым предметом (рис. 1, 3), получили в литературе название «пелопоннесских». У части из них на стволе ручки присутствуют гравированные изображения: женская фигура (д. Аджигол, к. IJ, с. Староживотинное и случайная находка со Ставропольского края), лев (пгт Акимовка, к. № 3, погр. 6) [Кузнецова 2002: 89–90, табл. 35, 36. № 1; 516-а⁶; Кузнецова 2010: 8, рис. 6. № 4-а] или треугольники (Перещепино I, к. 2/2002 г., погр.): «стреловидное» [Кулатова, Супруненко 2010: 114]. Последний орнамент

⁶ В издании [Кузнецова 2002: 318; Кузнецова 2010: 385] — ошибка в указании общей длины зеркала № 516-а — по алфавитному указателю (№ 316-а — по каталогу № 1, часть 3): должно быть 356 мм.

(рис. 3) близок декору на ручке экземпляра из комплекса «Козыменко — Ключко».

Однако, если предмет из комплекса «Козыменко — Ключко» сближает с «пелопоннесскими» зеркалами абрис и наличие геометрического орнамента, то различаются они по методу формовки металла, поскольку «пелопоннесские» зеркала кованые (рис. 3), а анализируемое изделие — литое (рис. 1, 3).

При этом очертания предмета из комплекса «Козыменко — Ключко», его параметры и способ изготовления (литьё) более всего соответствует фрагментарной находке (ручке), происходящей из землянки № 1 Немировского городища (рис. 4). Дата землянки определена последней третью (не позднее конца) VII в. до н. э., что обусловило и дату обнаруженной в ней ручки [Вахтина, Кашуба, 2016: 45]. Связав немировскую ручку с греческими зеркалами, исследователи столкнулись с проблемой несоответствия между временем появления зеркал в Греции в VI в. до н. э. и датой, рассматриваемой ими ручки, предложив передатировать зеркала и Греции, и лесостепной Скифии более ранним периодом — VII в. до н. э. [Вахтина, Кашуба, 2016: 46–47]. О том, что немировский экземпляр по форме находит ближайшие аналогии среди патер (античных греческих и римских сосудов в виде неглубокой «сковороды» или «блюдца»), уже приходилось говорить [Кузнецова 2017]. Сопоставление зеркал с бортиком и патер показало, что у обеих категорий фронтальная сторона ручки определяет рабочую сторону предмета. У патеры рабочая сторона — ковш, у зеркал отражающая

поверхность гладкая, а бортик на диске последних всегда расположен с оборотной его стороны. Это и позволило предположить, что ручка немировского экземпляра могла принадлежать сосуду, о чём свидетельствует наличие глубоких каннелюр только с одной ее стороны, противоположной той, которую у зеркал можно было бы использовать как рабочую сторону [Кузнецова 2017]. То же можно сказать и о предмете из комплекса «Козыменко — Ключко», атрибутировав его в качестве сосуда (патеры).

В данном случае определение даты зависит от атрибуции предметов, имеющих по абрису и наличию геометрического орнамента сходство с греческими зеркалами (рис. 3). При определении их как зеркал, в датировке следует руководствоваться хронологией греческих форм, и тогда она не может быть установлена временем ранее второй четверти VI в. до н. э.

Однако даты металлических сосудов (патер) не имеют пока таких хронологических ограничений. А поскольку рассматриваемые вещи представляют собой сосуды (патеры), их нижняя дата может быть обусловлена временем не позднее конца VII в. до н. э. по дате землянки № 1 Немировского городища за отсутствием иных хроноиндикаторов.

Таким образом время бытования вещей из комплекса «Козыменко — Ключко» может быть ограничено концом VII в. до н. э. — первой половиной VI в. до н. э. Их сходство с находками из скифских памятников

Северопонтийской лесостепи и Северного Кавказа даёт основание связать этот комплекс со скифами.

Учитывая, что захоронение рассматриваемых предметов в скифском памятнике не могло совершиться ранее появления скифов в Причерноморье после похода на Ближний Восток в 585 г. до н. э., то погребение, из которого они происходят, следует датировать концом первой четверти VI в. до н. э. [Кузнецова 2017].

Литература

Вахтина, Кашуба 2016 — *Вахтина М. Ю., Кашуба М. Т.* Раннескифские зеркала с боковой ручкой в Северном Причерноморье: греческое или местное производство? // *А. С. Балахванцев, С. В. Кулланда* (отв. ред.). Кавказ и степь на рубеже эпохи поздней бронзы и раннего железа: материалы международной научной конференции, посвященной памяти М. Н. Погребовой. М.: Институт востоковедения РАН, 2016. С. 43–48.

Галанина 1983 — *Галанина Л. К.* Раннескифские уздечные наборы (по материалам Келермесских курганов) // *Археологический сборник Государственного Эрмитажа*. 1983. Вып. 24. С. 32–55.

Канторович 2015 — *Канторович А. Р.* Скифский звериный стиль Восточной Европы: классификация, типология, хронология, эволюция: диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. Т. 1–3. М., 2015: Архив ИА РАН. Р–2, № 2844–2846.

Кибальчич 1876 — *Кибальчич Т. В.* Древности. Указатель к археологическим находкам 1875–1876 гг. Киев: Университетская типография, 1876.

Клочко, Козыменко 2017 — *Клочко В. И., Козыменко А. В.* Древний металл Украины. Киев: САМ, 2017.

Кузнецова 2002 — *Кузнецова Т. М.* Зеркала Скифии VI–III вв. до н. э. Т. 1. М.: Индрик, 2002.

Кузнецова 2010 — *Кузнецова Т. М.* Зеркала Скифии VI–III вв. до н. э. Т. 2. М.: Таус, 2010.

Кузнецова 2017 — *Кузнецова Т. М.* Сосуд или зеркало (к вопросу о бронзовой ручке из Немирова) // Старожитності раннього залізного віку. Археологія і давня історія України. Археологія і давня історія України. Вип. 2 (23). 2017. С. 470–475.

Кулатова, Супруненко 2010 — *Кулатова І. М., Супруненко О. Б.* Кургани скіфського часу західної округи Більського городища. Київ: ПП Видавництво «Друкарня «Гротеск»», 2010.

Могиллов 2008 — *Могиллов О. Д.* Спорядження коня скифської доби у Лісостепу Східної Європи. Київ, Кам'янець-Подільський, 2008.

Оборин 2019 — *Оборин Ю. В.* Ручка античного зеркала борисфенитського типу. 2019. С. 1–5. URL: https://www.academia.edu/39705879/Oborin_THE_BORYSTHENITIC_TYPE_ANTIQUUE_MIRRORS_HANDLE (дата обращения: 01. 12. 2019).

ОИАК 1900 — Отчет Императорской археологической комиссии за 1897 г. СПб.: Типография Главного управления уделов, 1900.

Эрлих 2015 — *Эрлих В. Р.* Конское снаряжение и предметы вооружения // *А. И. Иванчик, А. М. Лесков* (ред.). Ульские курганы. Культово-погребальный комплекс скифского времени на Северном Кавказе (Степные народы

Евразии; IV). М. — Берлин — Бордо: Палеограф, 2015. С. 44–57.

Рисунки.

Рис. 1. Комплекс «Козыменко — Клочко»: 1 — удила; 2 — пронижи-распределители уздечных ремней; 3 — патера/зеркало-? (по [Клочко, Козыменко 2017: 263, илл. 6.2.1]).

Рис. 2. Ручка зеркала из Белгородской обл., сл. нах. 2016 г. (по [Оборин 2019, рис. 1]).

Рис. 3. Зеркало «пелопоннесского» типа: Перещепино I, к. 2/2002 г., погр. (по [Кулатова, Супруненко 2010: 113–114, рис. 123]).

Рис. 4. Ручка патеры из землянки № 1 Немировского городища (по [Кузнецова 2002: 207, рис. 28; Вахтина, Кашуба 2016: 44, рис. 4]).

Рис. 1.

Рис. 2.

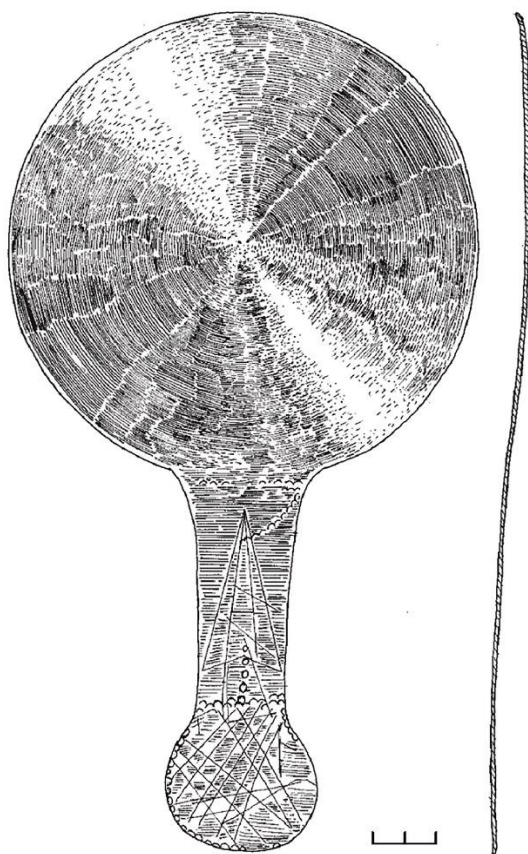

Рис. 3.

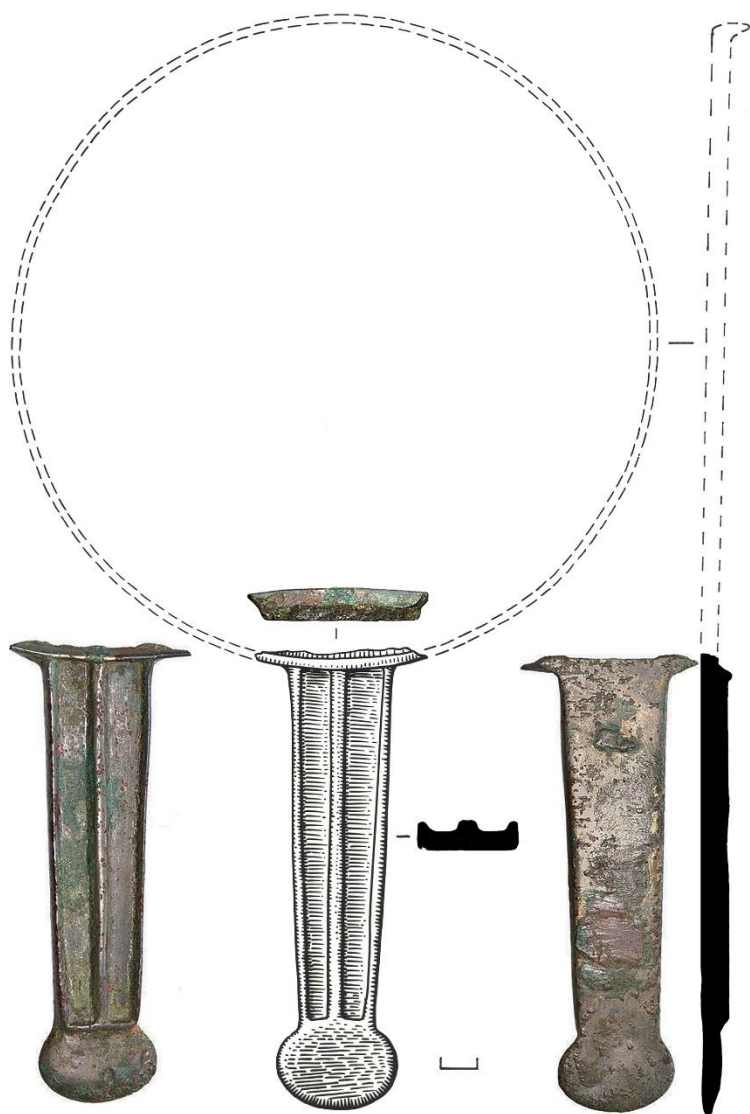

Рис. 4.

Залог в гортинских законах V в. до н. э. в контексте способов обеспечения исполнения обязательства на древнем Ближнем Востоке и в Древней Греции

Александр Владимирович Логинов¹, Богдан Анатольевич Збарацкий², Тихон Георгиевич Давыдов³

¹ Кандидат исторических наук, доцент, Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Москва, Россия, avloginov@msal.ru, ORCID 0000–0003–4872–9311

² Кандидат юридических наук, заместитель директора НИИ, Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Москва, Россия, BAZBARACKIJ@msal.ru, ORCID 0000–0003–3847–2655

³ Кандидат филологических наук, старший преподаватель, кафедра классической филологии филологического факультета, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, член временного научного коллектива, Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Москва, Россия, davydovtg@my.msu.ru, ORCID 0000–0002–3103–2844

Аннотация. Статья посвящена залогу в гортинских законах V в. до н. э. В ней доказывается, что залог в Гортине имел посессорный характер, то есть предполагал

передачу владения предметом залога залогодержателю-кредитору. В гортинских законах нет упоминаний ипотеки. Предметом же залога могло быть как движимое, так и недвижимое имущество. В гортинских законах также нет обеспечительной купли-продажи. Отсутствие ипотеки, по мнению авторов статьи, объясняется тем, что на Крите V в. до н. э. не было реестра заложенных вещей. Должник мог относительно легко произвести отчуждение заложенной вещи, из-за чего кредитор стремился завладеть предметом залога.

Ключевые слова: древнегреческое право, залог, ипотека, вещные способы обеспечения обязательств, Гортина, Крит, гортинские законы, раннее греческое законодательство, кабальное рабство.

Благодарности: работа выполнена в рамках гранта РФФИ «Изучение этапов становления древнегреческого права» — «Study of the stages of formation of ancient Greek law» (20–78–00095).

Pledge in the Gortyn Laws in the 5th century BC in the context of the forms of security in the ancient Near East and Ancient Greece

Alexandr V. Loginov¹, Bogdan A. Zbaratskiy², Tycho G. Davydov³

¹ Candidate of Science (History), Assistant Professor, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia, avloginov@msal.ru, ORCID 0000–0003–4872–9311

² Candidate of Science (Law), Deputy Director of the Scientific Research Institute, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia, BAZBARACKIJ@msal.ru, ORCID 0000–0003–3847–2655

³ Candidate of Science (Philology), Senior Lecturer, Department of Classics of the Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University, Research Member, Kutafin Moscow State University (MSAL), Moscow, Russia, davydovtg@my.msu.ru, ORCID 0000-0002-3103-2844

Abstract. The paper deals with the pledge in the Gortyn Laws of the 5th century BC. It aims to prove that the pledge in Gortyn had a possessory character, so it assumed the transfer of ownership of the subject of the pledge to the pledgee. There is no mention of the hypothec in the Gortyn Laws. The subject of the pledge could be both movable and immovable property. Sale on condition of release is not mentioned in Gortyn laws, too. As we see it, the hypothec may have been out of use because there was no registry of pledged things in Crete in the 5th century BC. The debtor could quickly get rid of the pledged thing; that is why the creditor sought to take it into his possession.

Keywords: Ancient Greek law, pledge, hypothec, real security, Gortyn, Crete, Gortyn Laws, Early Greek Laws, Debt Bondage.

Acknowledgments: the work was supported by the Russian Science Foundation, Project № 20-78-00095.

Исследование залога в работах по истории древнего мира — крайне важная тема, так как с залоговыми отношениями тесно связаны гражданский оборот и институт долгового рабства. Однако залог в древнегреческом праве следует признать темой, несколько отошедшей на второй план в историографии. Залог в

критских законах оказался совсем на периферии внимания исследователей.

Критский залог невозможно изучать, не обращаясь к общегреческому контексту и оставляя без внимания достижения науки в области залогового права других регионов Греции (Афин, полисов Северной Македонии и Халкидики). Для начала рассмотрим основные особенности развития историографии, посвящённой в целом древнегреческому залогу и залоговым отношениям в Афинах и полисах Македонии и Халкидики, о которых сохранилось относительно много источников; коснёмся основных идей, которые стали господствующими в историографии; наконец, перейдём к рассмотрению мнений, существующих в науке относительно критского залога.

Прежде чем перейти к обзору историографии древнегреческого залога XIX — начала XX веков, необходимо сразу сказать, что на формирование позиций исследователей того периода оказывало существенное влияние римское право. Для римского права характерно существование трех форм залога [Перетерский и др. 2010: 388–391; Дождев 1996: 464–466]: 1) *fiducia* (основанный на доверии переход права собственности на предмет залога от залогодателя к залогодержателю без права распоряжения имуществом); 2) *pignus* (залогодержателю отходило лишь владение заложенным имуществом); 3) *hypotheca* (владение и право собственности на предмет залога сохранялись за залогодателем).

Уже Р. Дарест считал, что в Греции первоначальный вид вещного обеспечения исполнения обязательств¹ в форме обеспечительной купли-продажи² (πρᾱσις ἐπὶ λύσει)³ с наделением кредитора правами собственника, который сравним с римской *fiducia*, был заменён ипотекой, которая не предполагает перехода ни владения, ни права собственности на предмет залога кредитору. Р. Дарест также предположил, что греческий залог был субститутивным — то есть предполагающим подмену (субституцию) основного обязательства дополнительным [Dareste 1877: 171–173].

С этой точкой зрения не был согласен Э. Санто, который пытался доказать, что греческая ипотека не была субститутивным залогом [Szanto 1887: 281]. Э. Санто не соглашался с позицией Р. Дареста и по вопросу

¹ «При вещном обеспечении имеет место наделение кредитора правом удовлетворять свои требования к должнику из конкретного имущества, предоставляемого самим должником либо третьим лицом в качестве обеспечения, причем кредитор при вещном обеспечении пользуется преимуществом перед другими кредиторами лица, предоставившего вещное обеспечение» [Бевзенко 2018: 6].

² См. об обеспечительной купле-продаже: «Экономически обеспечительная купля-продажа представляет собой форму кредита с обеспечением (цена покупки — это сумма займа; цена выкупа — это сумма займа с процентами; срок выкупа — это срок, на который предоставлен заем; предмет купли-продажи — это обеспечение, остающееся в распоряжении (в собственности) кредитора до выплаты суммы займа с процентами)» [Бевзенко 2018: 4].

³ Dareste 1877: 171. См. о πρᾱσις ἐπὶ λύσει у Демосфена [Казакевич 1958: 36–37]. Правда, Э. Л. Казакевич называет πρᾱσις ἐπὶ λύσει формой ипотеки [Казакевич 1958: 37].

происхождения ипотеки из обеспечительной купли-продажи, считая выдачу заложника (*pexus*) древнейшей формой обеспечения исполнения обязательства, из которой могла быть выведена и формула ипотеки [Szanto 1887: 283, 285, 287].

Впоследствии с Э. Санто полемизировал Г. Ф. Хитциг, согласившийся с Р. Дарестом в том, что греческая ипотека была субститутивным залогом [Hitzig 1895: 87]. В итоге эта точка зрения и устоялась в историографии [Swoboda 1905: 79; Pringsheim 1950: 170–171; Finley 1981: 74; Thür 2006: 33; Thür 2008: 186]. Однако спор о происхождении ипотеки продолжался: Г. Свобода выступил против утверждения Р. Дареста о том, что ипотека произошла из *πρᾶσις ἐπὶ λύσει*. По мнению Г. Свободы, *πρᾶσις ἐπὶ λύσει* и ипотека появились одновременно [Swoboda 1905: 79].

В целом в историографии способов обеспечения исполнения обязательств XIX — начала XX веков представляется возможным выделить в качестве основных тем следующие вопросы: 1) о субститутивном характере греческого залога, 2) об одновременном появлении обеспечительной купли-продажи и ипотеки⁴.

⁴ В отечественной историографии научная мысль конца XIX — начала XX веков странным образом отражена в работах известного правоведа С. Ф. Кечекьяна, проигнорировавшего существование *πρᾶσις ἐπὶ λύσει* и связавшего непосессорный залог *ὑποθήκη* с недвижимостью, а посессорный залог *ἐνέχυρον* — с движимыми вещами [Кечекьян 1944: 192–193; Кечекьян 1963: 57], о чём никогда не говорилось в историографии, и что опровергается данными источников (например, Dem. XXXV 10–13). См. о залоге корабля в форме *ὑποθήκη* в Афинах [Lipsius 1915: 690–691].

Особенностью данного периода историографии является то, что объектом исследования было общегреческое залоговое право, в то время как источники были в основном из Афин.

Новый период в историографии определяется важными работами по афинскому праву, вышедшими в 1950-е годы.

В 1951 году была опубликована монография М. Файна, посвящённая афинским ὄροι. Однако М. Файн обобщённо высказался и относительно истории греческих форм обеспечения исполнения обязательств. Он считал, что в конце V — начале IV веков до н. э. в Греции существовало три формы вещного обеспечения исполнения обязательств: 1) залог преимущественно движимых вещей — ἐνέχυρον — с передачей владения кредитору, 2) обеспечительная купля-продажа — πρῶσις ἐπὶ λύσει —, праформу которой он видел ещё во времена Солона, 3) ὑποθήκη, характеризующаяся владением предметом залога должником, возникновение которой первоначально связано с обеспечением морских займов и которая только с IV века до н. э. предполагала залог земли [Fine 1951: 61–62, 90–93]. Анализируя афинский материал, М. Файн пришёл к выводу, что в Афинах даже в IV веке до н. э. обеспечительная купля-продажа πρῶσις ἐπὶ λύσει — самая распространённая форма обеспечения обязательств [Fine 1951: 91–92].

Теория М. Файна о первичности πρῶσις ἐπὶ λύσει как вещного обеспечения обязательства при займах под залог земли не совместима с гипотезой М. Финли,

сформулированной им в книге о ὄροι, вышедшей в следующем, 1952 году. По мнению М. Финли, афинская обеспечительная купля-продажа $\pi\rho\acute{\alpha}\sigma\iota\varsigma \epsilon\pi\iota \lambda\acute{\upsilon}\sigma\epsilon\iota$ — форма, которая появилась в эпоху, когда отчуждение земли должника осложнялось правовыми и социальными механизмами. $\pi\rho\acute{\alpha}\sigma\iota\varsigma \epsilon\pi\iota \lambda\acute{\upsilon}\sigma\epsilon\iota$ появилась, чтобы укрепить положение кредитора по отношению к должнику [Finley 1973: 35]. Правда, когда это произошло, М. Финли не уточнил. По данному вопросу М. Финли выступил против позиции, восходящей к Р. Даресту, предполагавшей, что история становления греческого залога была похожа на генезис римского залога. Стоит отметить, что М. Финли отказался привлекать неафинский материал для своего исследования [Finley 1973: VII-VIII].

После книги М. Финли в историографии уже чётко отделялось афинское залоговое право от общегреческого, активно обсуждалась проблема единства греческого права⁵.

Новый этап развития историографии можно отсчитывать от статьи Э. М. Харриса, вызвавшей оживлённую полемику и имеющей значение не только для исследований по афинскому праву. Фактически Э. М. Харрис возобновил старую дискуссию о соотношении ипотеки и $\pi\rho\acute{\alpha}\sigma\iota\varsigma \epsilon\pi\iota \lambda\acute{\upsilon}\sigma\epsilon\iota$. Э. М. Харрис

⁵ См. последний по времени виток обсуждения этого вопроса, инициированный разделом М. Гагарина в «Кембриджском руководстве по древнегреческому праву» [Gagarin 2005: 29–40; Thür 2006: 24–57; Gagarin 2008: 7–8; Harris 2018, 188–193; Rubinstein 2018: 104–130]. См. об этом вопросе в отечественной историографии [Суриков 2004: 16–19]. О предыстории вопроса см. [Harris 2018: 188].

считал, что ὑποθήκη и πρᾶσις ἐπὶ λύσει не различались [Harris 1988: 358–359; Harris 1993: 74]. Опираясь на идею Ф. Прингсхейма о том, что залог (а не только задаток) обеспечивал уплату цены в сделках купли-продажи в Греции [Pringsheim 1950: 170–171], Э. М. Харрис предположил, что залог был отнесён греками к категории купли-продажи: кредитор как бы покупал заложенную вещь [Harris 1988: 365]. Принципиальным в этой теории стал вопрос о собственнике предмета залога, так как при πρᾶσις ἐπὶ λύσει им был залогодержатель, а при ипотеке — залогодатель. Э. М. Харрис полагал, что собственником себя считал тот, кому это было выгодно, никаких общих дефиниций и критериев определения, кто является собственником, не существовало [Harris 1988: 367, 369]. Нельзя считать такое объяснение приемлемым, так как оно предполагает противоречия и конфликты в установлении собственника заложенной вещи, что несовместимо с развитым гражданским/экономическим оборотом, тем более, что греки, как считается, различали правовую природу собственности и владения [Kränzlein 1963: 11–12; Суриков 2015: 270].

В более поздней работе Э. М. Харрис доказывал, что под обозначением πρᾶσις ἐπὶ λύσει на самом деле скрывается ипотека [Harris 2012: 433–441], из чего становится совершенно непонятным, почему способ вещного обеспечения называется «продажей», ведь главное в купле-продаже — переход собственности. К тому же формы

титульного обеспечения⁶ следует признать довольно распространёнными, особенно на ранних этапах развития правовых систем [Сарбаш 2008: 7–10].

Относительно теории Э. М. Харриса мнения учёных разделились. М. Юни её поддержала [Youni 1996: 145], А. Кренцлейн доказывал, что эта теория неверна [Kränzlein 2010: 265]. Г. Тюр призвал не путать словоупотребление с правом: с юридической точки зрения всегда ясно, кто собственник в залоговых отношениях [Thür 2008: 175].

Дискуссия о соотношении *πρᾱσις ἐπὶ λύσει* и ипотеки вышла за пределы исследований афинского права. В 1990–2000-е гг. появились исследования, в которых активно дискутируется этот вопрос, но посвящённые надписям IV–II вв. до н. э. из городов Македонии и Халкидики с упоминанием договоров купли-продажи. По мнению М. Фарагуны и Г. Тюра, эти надписи представляют собой не письменные договоры купли-продажи, а выписки из публичного реестра [Faraguna 2000: 106; Thür 2008: 176]. По крайней мере, в части этих надписей упоминается обеспечительная купля-продажа наподобие афинской *πρᾱσις ἐπὶ λύσει* [Youni 1996: 135; Thür 2008: 179–180, 185–186].

⁶ «Титульное обеспечение представляет собой вещный способ обеспечения обязательств, отличающийся однако от известных ст. 329 ГК РФ вещных способов обеспечения (залог, удержание) тем, что для обеспечительных целей используется не особое вещное право (залог), а право собственности на предмет обеспечения, которое передается кредитору в обеспечительных целях» [Бевзенко 2015: 7].

В последние годы вышли работы А. Колорио, посвящённые посессорному залогу ἐνέχυρον в афинском праве. Этот тип залога предполагал передачу владения предметом залога кредитору. Согласно А. Колорио, ἐνέχυρον может обозначать как предмет залога, которым кредитор завладел с помощью насилия⁷, так и имущество, которое стало залогом по соглашению сторон [Colorio 2013: 46; Colorio 2014: 84]. А. Колорио предположил, что захват предмета залога с помощью насилия кредитором (ἐνεχυρασία) предшествовал появлению посессорного залога ἐνέχυρον [Colorio 2014: 71]⁸.

Если выделять особенности последнего периода развития историографии, посвящённой вещным способам обеспечения исполнения обязательств в Греции, стоит обратить внимание на то, что исследователи крайне редко привлекают критские надписи.

В историографии мы наблюдаем два взаимосвязанных явления: с одной стороны, крайне мало внимания уделяется критскому материалу, с другой, в работах по истории Крита вопросы залогового права практически не рассматриваются⁹.

⁷ А. Колорио считает, что как ἐνεχυρασία обозначаются разные способы психологического принуждения должника исполнить обязательство [Colorio 2013: 46–47].

⁸ Можно предположить и противоположное: посессорный залог ἐνέχυρον обусловил появление практики захвата залога кредитором с помощью насилия (ἐνεχυρασία).

⁹ Исключением является вопрос о кабальных рабах, которые изучались в рамках историографии рабства.

Уже в монографии Ф. Бюхелера и Э. Цительманна о «Большом кодексе гортинских законов» (*G (IC IV) 72*)¹⁰ проблема залога не удостоена не только отдельного раздела, но даже не описаны случаи упоминания залога [Bücheler, Zitelmann: 1886]. В книге Я. Симона лишь однажды упоминается об ипотеке в гортинских законах [Simon 1886: 91]. В монографии Р. Ф. Виллеттса залог также упоминается лишь вскользь [Willets 1977: 184–185]. В предисловии к его изданию «Большого кодекса гортинских законов» есть лишь описание случаев залога применительно к гортинскому семейному праву [Willets 1967: 20–21]. Л. Н. Казаманова считала, что в V веке до н. э. на Крите не было частной собственности на землю¹¹, в связи с чем в «Большом кодексе гортинских законов» не упоминается ни купля-продажа, ни залог земли, а продавать и закладывать можно было только движимое имущество [Казаманова 1964: 86, 88]¹². В IV веке до н. э.,

¹⁰ Текст критских законов цитируется по изданию М. Гагарина и П. Пёрлман [Gagarin, Perlman 2016]. Ссылки даются также на это же издание. Однако в работе мы использовали также издания М. Гвардуччи [Guarducci 1950], Р. Ф. Виллеттса [Willets 1967] и М. Биль [Bile 2016]. В скобках мы также даём ссылки на издание М. Гвардуччи [Guarducci 1950], если оно учитывает эту надпись, так как это издание — самое распространённое, хотя нумерация гортинских надписей М. Гагарина и П. Пёрлман совпадает с нумерацией *IC IV* М. Гвардуччи.

¹¹ Крайне сомнительное утверждение как с точки зрения теории права [Дождев 1996: 341; Маттеи, Суханов 1999: 23; Скловский 2010: 125], так и потому, что в *G (IC IV) 43 Aa 1–9* и *G (IC IV) 80*, вероятнее всего, упоминается залог земли. Об этом ниже.

¹² С этим утверждением нельзя согласиться. Это противоречит надписи *G (IC IV) 80*, где прямо говорится о купле-продаже домов и

как считала Л. Н. Казаманова, появляется частная собственность на землю и вместе с ней земельная ипотека [Казаманова 1964: 90–91]¹³. В монографии С. Линка раздела о залоге опять нет [Link 1994]. В последней обзорной монографии, посвящённой истории Крита, Г. Зелентаг упоминает залог лишь в связи с разбираемыми пассажами, которые посвящены другим темам [Seelentag 2015: 166, 170, 173, 193, 260–261, 263, 317, 326–329, 425].

Возможно, столь малое место, уделяемое залогу в работах по античному Криту, связано с тем, что исследователи обращаются в первую очередь к «Большому кодексу гортинских законов», из которого можно извлечь немного информации о способах обеспечения обязательств. Однако самое печальное в изучении именно гортинского залогового права то, что исследователями истории Крита до 2010-х годов даже не ставился вопрос, соответствуют ли гортинские термины ἐνέκυρον, ἐνεκυράδδεν, κατὰθεσις, κατατίθεσθαι и родственные им слова¹⁴ понятию «залог» (pignus, hypotheca), то есть не

деревьев (участков с деревьями?). У нас, вероятнее всего, есть пример залога земли в Гортине V века до н. э.: *G (IC IV) 43 Aa*, *G (IC IV) 80*. В «Большом кодексе гортинских законов» (*G (IC IV) 72 VI, IX 1–18*) запрещается продавать и закладывать имущество в некоторых случаях, но не сказано, что речь идёт только о движимых вещах. Упомянутые случаи мы разбираем ниже. См. о частной собственности на землю, по крайней мере, в V в. до н. э. на Крите [Gagarin, Perlman 2016: 101].

¹³ Стоит отметить, что мы не нашли в гортинских правовых надписях после V века до н. э. упоминаний залога [Guarducci 1950: 220–300].

¹⁴ Необходимо, правда, сказать, что в «Большом кодексе гортинских законов» есть гапакс [ἐν]κιοῖτᾱνς/ἐνκιοῖτᾱν: *G (IC IV) 72 IX 24–28, 35*

ставился вопрос о выявлении специфики гортинских юридических институтов, связанный с обеспечением обязательств.

Ситуация с изучением способов обеспечения обязательств в гортинских законах улучшилась только в 2010-е годы. М. Гагарин и П. Пёрлман в 2016 году выпустили комментированное издание законов острова Крит 650–400 гг. до н. э. [Gagarin, Perlman: 2016]¹⁵, которое

(см. статью об ἐγκοιτός в Rodríguez Adrados, Rodríguez Somolinos 1980–2019), которое в G 72 (IC IV) IX 24–28 находится в ряду перечисляемых лиц, которые были связаны какими-то обязательствами и умерли:

αἱ ἀν[δ]εκσ-
ἀμ[ε]νος ἔνεκαμένο[ς] ἔν[κ]-
οιοτὰνς ὀπέλου ἔδιαβλόμε-
νος ἔδιαφεπόμενος ἀποθά-
ναι

В этом же колоне (G (IC IV) 72 IX 33–36) перечисляются свидетели (μαίτορες) юридических актов (слова в Gen.): κένκοιοτᾶν καὶ διαβολᾶς καὶ διρέσιος. Из этих контекстов невозможно получить какую-то информацию о сущности правовых институтов, скрывающихся под ἐν[κ]οιοτᾶνς/ἐνκοιῶτᾶν [Gagarin, Perlman 2016: 403]. Для объяснения значения этого слова обычно привлекаются свидетельства Гесихия, который существительное κοῖον/κῶιον объяснял как ἐνέχυρον, а глагол κοιάζω или κφάζω как ἐνεχυράζω [Guarducci 1950: 166; Willets 1967: 74; Genevros 2017: 38]. Однако контексты в G (IC IV) 72 всё равно не позволяют определить, в чём отличие правового института, называемого ἐν[κ]οιοτᾶνς/ἐνκοιῶτᾶν, от правовых институтов, обозначаемых с помощью ἐνεχυράδδω и κατατίθεμαι и производных от них. Мы можем лишь предполагать вслед за М. Гвардуччи, Р. Ф. Виллетсом, М. Биль и М. Гагариным, что речь, возможно, идёт о залоге [Guarducci 1950: 166; Willets 1967: 74; Bile 1988: 330; Gagarin, Perlman 2016: 403]. Ж. Женевруа ещё более осторожен и предполагает, что речь идёт о какой-то форме вещного или личного обеспечения (gages ou garanties) [Genevros 2017: 38].

¹⁵ См. рецензии [Lewis 2017; Harris 2018: 203].

облегчило работу с критскими законами. В том же году вышла работа, в которой залог в критских законах был исследован подробнее всего на данный момент. А. Маффи в разделе «Оксфордского руководства по древнегреческому праву», посвящённом гортинским законам¹⁶, написал, что неизвестно, сохранял ли в Гортине должник владение предметом залога или нет, то есть была ли ипотека. А. Маффи [Maffi 2016: 13] считает, что в Гортине слово *κατάθεσις* обозначало залог, а *ἐνεχουρασία* — обращение взыскания¹⁷ после неуплаты долга (repossession). Стоит, однако, отметить, что слово *ἐνεχουρασία/ἐνεκουρασία* вообще не встречается в критских законах [Gagarin 2016: 542]. Мнение А. Маффи также несовместимо с позицией М. Биль, считавшей, что критский глагол *ἐνεκουράδδω* значил ‘брать в залог’, а существительное *ἐνέκουρον* — ‘залог’ [Bile 1988: 330]. У глагола *κατατίθημι* М. Биль предполагает значение ‘давать залог’, а у *κατατίθεμαι* — ‘брать залог’. Однако она подчёркивает, что *κατατίθημι/κατατίθεμαι* характерен для гортинских надписей VI в. до н. э. и исчезает в V в. до н. э. [Bile 1988: 250, 330]. Существительное *κατάθεσις*, по мнению М. Биль, обозначало залог, как и *ἐνέκουρον* [Bile

¹⁶ К сожалению, в аналогичном разделе «Кембриджского руководства по древнегреческому праву» Дж. Дэвис лишь пересказал текст норм гортинских законов [Davies 2005: 322–325].

¹⁷ Этот вопрос является принципиальным, так как залог — форма обеспечения исполнения обязательств, а обращение взыскания происходит, когда обязательство не исполнено.

1988: 330]. Вопрос о разнице в значениях ἐνεκυράδδω и κατατίθεμαι, она оставляет без ответа [Bile 1988: 330]. Ж. Женевруа в своём «Словаре критских институций согласно надписям (VII–II вв. до н. э.)» также пишет, что глагол ἐνεκυράδδω значил ‘брать залог’, κατατίθημι — ‘давать залог’, а κατατίθεμαι — ‘брать залог’ [Genevrois 2017: 39, 328].

При этом мы не можем говорить, что один термин постепенно заменялся другим: оба слова существуют в текстах одного времени¹⁸, хотя, действительно, ἐνέκυρον и производные от него в Гортине встречаются только в V в. до н. э., однако и производное от κατατίθεμαι встречается лишь в одном гортинском тексте VI в. до н. э.¹⁹. Впрочем, нужно отметить, что формы ἱνεκυράκ[σει], ἐνεκ[ύροις] и

¹⁸ См. производные от ἐνέκυρον в надписях, датируемых первой пол. V в. до н. э. ([ἐνεκ]ύρον в *Gortyn I*, ἐνεκύρον в *G (IC IV) 42*, ἐνεκ[υρ-][άκ]σανς и ἐνεκύρον в *G (IC IV) 43 Aa*, ἐνεκυράκσει в *G (IC IV) 43 Ab*, ἐνεκυράδδεν в *G (IC IV) 43 Ba 8*, ἐνεκυράκσαντ[α] в *G (IC IV) 45*), и производные от κατατίθεμαι в надписях этого же периода (κα[τά]θεσιν в *G (IC IV) 43 Ba*, καταθεμένοι и καθένς в *G (IC IV) 47*, καταθέμενος в *G (IC IV) 41 VI*). То же самое касается надписей, датируемых второй пол. V в. до н. э.: производные от ἐνέκυρον встречаются в *G (IC IV) 85* — ἐνεκυράκσοντι, [ἐνεκ]ύρακσαν, *G (IC IV) 75 C 3–7* — ἐνεκυράδδεν, *G (IC IV) 75 A* — ἐνεκυράκσαντα, *G (IC IV) 81* — ἐνεκύρακσαν, ἐνεκυράκσοντι, *G (IC IV) 80* — ἐνεκυραστὰν, *G (IC IV) 102* — ἐνεκ[υρ], *G (IC IV) 91* — ἐνεκυρα[-], а производные от κατατίθεμαι в *G (IC IV) 72 IX 1–18* — καταθέμεν, κα[τάθε]σιν, καταθεῖτο, καταθεμένοι, *G (IC IV) 72 Col. VI 2–11* — καταθίθεθαι, *G (IC IV) 72 X 25–29* — καταθένς, καταθέθαι, *G (IC IV) 91* — καταθέν[ς]. Сами надписи мы разбираем ниже.

¹⁹ В надписи *G (IC IV) 30* — καταθίοντ[ι]: см. ниже.

ἐνέκυρα можно найти в текстах VI в. до н. э. в текстах из других городов Крита²⁰.

М. Гагарин и П. Пёрлман предполагали, что термин ἐνεκυράδδω отличается от κατατίθεμαι тем, что обозначал залог для обеспечения краткосрочных займов [Gagarin, Perlman 2016: 310]. Такое направление мысли нам кажется более перспективным. Если мы посмотрим на то, что является объектом соответствующих глаголов, то становится видным, что под ἐνέκυρον и ἐνεκυράδδεν можно понимать заклад²¹, то есть залог движимого имущества с передачей владения кредитору²², по отношению же к недвижимости и закабалённому человеку используются κατατίθεμαι и производные от него²³. В пользу этого

²⁰ Форма ἐνεκυράκ[σει] в Axos I (см. ниже), ἐνεκ[ύροις] в Ele 16 Aa и ἐνέκυρα в Ele 16 Ac (см. ниже).

²¹ См. в G (IC IV) 43 Aa ἐνεκ[υρ-][άκ]σανς и ἐνέκυρον по отношению к залогу урожая, в G 43 Ab ἐνεκυράκσει по отношению к рабу, в G 85 ἐνεκυράκσonti и [ἐνεκ]ύρακσαν применительно к рабу, в G (IC IV) 75 C 3–7 ἐνεκυράδδεν относится к имуществу, которое можно унести, в G (IC IV) 81 ἐνεκυράκσonti относится к выносимому из дома имуществу. Сами надписи мы цитируем и разбираем ниже.

²² На то, что в Афинах под ἐνέχυρον скрывается заклад, указывали: Г. Ф. Хитциг (ἐνέχυρον = Faustpfand: Hitzig 1895: 1), Ю. Липсиус [Lipsius 1915: 690–691], С. Ф. Кечекьян [Кечекьян 1944: 192–193; Кечекьян 1963: 57], М. Файн [Fine 1951: 61–62], А. Р. В. Харрисон [Harrison 1968: 254].

²³ В G (IC IV) 43 Ba κατέκειθαι и κα[τά]θεσιν относятся к насаждениям, которые естественно закладывать вместе с землёй, на которой они растут, в G (IC IV) 47 формы καταθεμένοι и καθένς относятся к заложенному кабальному рабу κατακείμενος δόλος, в G (IC IV) 41 VI καταθέμενος тоже употребляется в отношении закабалённого

говорит и наблюдение Ж. Женевруа, который обратил внимание на соответствие встречающейся в гортинских текстах пары $\pi\rho\acute{\iota}\alpha\sigma\theta\alpha\iota/\kappa\alpha\tau\alpha\theta\acute{\iota}\theta\epsilon\theta\alpha\iota$ ²⁴ и атт. $\pi\rho\acute{\iota}\alpha\sigma\theta\alpha\iota/\theta\acute{\epsilon}\sigma\theta\alpha\iota$ ($\acute{\omega}\nu\epsilon\acute{\iota}\sigma\theta\alpha\iota/\acute{\tau}\acute{\iota}\theta\epsilon\sigma\theta\alpha\iota$), которая в Афинах относится к купле-продаже и залогу недвижимости [Genevrois 2017: 329]. Однако, если пользоваться аналогией с Афинами, мы не должны ожидать строгого разграничения значения терминов $\acute{\epsilon}\nu\epsilon\kappa\upsilon\rho\acute{\alpha}\delta\delta\omega$ и $\kappa\alpha\tau\alpha\theta\acute{\iota}\theta\epsilon\mu\alpha\iota$ и производных от них²⁵.

Если подводить итоги рассмотрения историографии, следует признать, что обеспечение обязательств в гортинских законах изучено совершенно недостаточно.

Наше исследование показало, что залог в гортинских законах обладал очень важной особенностью — он всегда имел посессорный характер, то есть предполагал переход владения предметом залога кредитору. Это касалось как движимых вещей, так и недвижимости. Ипотека и

$\kappa\alpha\tau\alpha\kappa\acute{\epsilon}\mu\epsilon\nu\omicron\varsigma$, в *G (IC IV) 72 IX 1–18* $\kappa\alpha\tau\alpha\theta\acute{\epsilon}\mu\epsilon\nu$, $\kappa\alpha[\acute{\tau}\alpha\theta\epsilon]\sigma\acute{\iota}\nu$, $\kappa\alpha\tau\alpha\theta\acute{\epsilon}\acute{\iota}\tau\omicron$ и $\kappa\alpha\tau\alpha\theta\epsilon\acute{\mu}\epsilon\nu\omicron\iota$ относятся к наследуемому имуществу, которое обозначается как $\kappa\rho\acute{\epsilon}\mu\alpha\tau\alpha$ — термином, который в критских законах, вероятнее всего, включает в себя участок земли [Gagarin, Perlman 2016: 101], в *G (IC IV) 72 Col. VI 2–11* $\kappa\alpha\tau\alpha\theta\acute{\iota}\theta\epsilon\theta\alpha\iota$ также употребляется по отношению к наследству отца, обозначенному как $\kappa\rho\acute{\epsilon}\mu\alpha\tau\alpha$, в *G (IC IV) 72 X 25–29* $\kappa\alpha\tau\alpha\theta\acute{\epsilon}\nu\varsigma$ и $\kappa\alpha\tau\alpha\theta\acute{\epsilon}\theta\alpha\iota$ употреблены по отношению к закабалённому $\kappa\alpha\tau\alpha\kappa\acute{\epsilon}\mu\epsilon\nu\omicron\varsigma$.

²⁴ См. пару $\pi\rho\acute{\iota}\alpha\sigma\theta\alpha\iota$ и $\kappa\alpha\tau\alpha\theta\acute{\iota}\theta\epsilon\theta\alpha\iota$ в: *G (IC IV) 43 Ba*; *G (IC IV) 72 VI 13*; *G (IC IV) 72 VI 37–38*; *G (IC IV) 72 IX 1–18*. См. $\acute{\omega}\nu\epsilon\theta\theta\alpha\iota$ и $\kappa\alpha\tau\alpha\theta\acute{\iota}\theta\epsilon\theta\alpha\iota$ в *G (IC IV) 72 VI 4–5*. См. также $\pi\rho\acute{\iota}\alpha\mu\epsilon[v\omicron\nu]$ и $[\kappa\alpha]\tau\alpha\theta\acute{\epsilon}\mu\epsilon\nu\omicron\varsigma$ в *Gortyn 7* ниже.

²⁵ В Афинах значения $\acute{\epsilon}\nu\epsilon\chi\upsilon\rho\omicron\nu$ и $\acute{\upsilon}\lambda\omicron\theta\acute{\eta}\kappa\eta$, а также их родственных слов пересекались [Lipsius 1915: 690–691; Berneker 1964: 1285].

обеспечительная купля-продажа не упоминаются в гортинских законах.

Мы рассмотрели все критские законы конца VI–V веков до н. э., в которых упоминаются залого. Однако необходимо обратить внимание на то, что подавляющая часть этих памятников до нас дошла из Гортины. Не из Гортины только две²⁶ очень фрагментарно сохранившиеся надписи: *Ele16* (*IC II XII 16*, Aa et Ac) VI в. до н. э. или VI–V вв. до н. э. [Effenterre, Ruzé 1994: 67; Gagarin, Perlman 2016: 240] из Элефтерны и *Axos 1* (*JHS* 1949, 34) конца VI в. до н. э. [Gagarin, Perlman 2016: 176] из Аксоса. Поэтому мы должны говорить не о критском, а о гортинском залоговом праве. Стоит отметить также, что в рамках гортинского законодательства доля памятников,

²⁶ Есть, правда, ещё надпись из Даталы *D_{a1}* (*SEG* 27.631) ок. 500 г. до н. э., сделанная на бронзовом полукруглом предмете, на который, по мнению М. Гагарина и П. Пёрлман, был перенесён для каких-то нужд текст закона [Gagarin, Perlman 2016: 181–182]. Согласно этому тексту, за Спенситием и его потомством закреплялись должность пойникаста и привилегии. Одна из привилегий звучит так: μήδε ρύτιον αἰλῆν τὸν ποιnikaστὰν (B 6–7) — «не брать ρύτιον пойникаста». А. Эффентер и Ф. Рузе в *Nomima I* перевели ρύτιον αἰλῆν как «брать в залог» [Effenterre, Ruzé 1994: 104]. Однако М. Биль понимала под ρύτιον ‘наказания’ (représailles) [Bile 1988: 186]. С ней согласен Ж. Женевруа, посвятивший этому слову отдельную словарную статью [Genevrois 2017: 308–310]. М. Гагарин понимает под этим словом отчуждение имущества как наказание [Gagarin, Perlman 2016: 188]. Даже если под ρύτιον здесь действительно имеется в виду какая-то форма вещного обеспечения обязательств, это упоминание слишком краткое, чтобы делать какие-то выводы о юридической природе этого критского института.

имеющих отношение к обеспечению обязательств, довольно большая: из 113 гортинских надписей конца VI–V веков до н. э., которые М. Гагарин и П. Пёрлман считают содержащими законы [Gagarin, Perlman 2016: 534–535], лексика, связанная с залогами, упоминается в 14²⁷. Текст всех этих надписей мы приведём (в основном тексте или в сносках). Следует отметить, что в более поздних (после рубежа V–IV веков до н. э.) гортинских правовых надписях залоги вообще не упоминаются [Guarducci 1950: 220–300].

К сожалению, часть гортинских надписей V века до н. э. сохранилась слишком плохо, чтобы делать какие-то выводы о залоговом праве по их содержанию: *Gortyn I* (SEG 23.585), *Gortyn 7* (SEG 49.1223), *G (IC IV)* 102, *G (IC IV)* 85, *G (IC IV)* 86²⁸. В *G (IC IV)* 42 (сторона B) лишь упоминаются судьи по заложенным делам.

Рассмотрим оставшиеся гортинские надписи.

В надписи *G (IC IV)* 43, датируемой примерно первой половиной V века до н. э., есть несколько упоминаний

²⁷ Помимо перечисленных Дж. К. Дэвисом [Davies 1996: 34] гортинских источников, упоминающих залоги (*G (IC IV)* 30, 41 V/VI, 43A, 45, 47, 72, 75, 81, 85, 86, 91, 102), мы также привлекли *Gortyn I*, *Gortyn 7* и *G (IC IV)* 42, сохранившиеся, правда, плохо. В *G (IC IV)* 86 залоги не упоминаются, но эта надпись связана с *G (IC IV)* 75, 81, 85 [Gagarin, Perlman 2016: 454–455]. Вместе с *G (IC IV)* 86 надписей, которые мы рассматривали, получается пятнадцать.

²⁸ *G (IC IV)* 85 и *G (IC IV)* 86, возможно, представляют собой части одной надписи [Gagarin, Perlman 2016: 454]. Но *G (IC IV)* 86 тоже сохранилась плохо, в ней не встречается ни один из терминов обеспечения обязательств, хотя лексика похожа на *G (IC IV)* 81 [Gagarin, Perlman 2016: 455].

залога [Gagarin, Perlman 2016: 308]. На стороне Аа этой надписи написано (строки 1–9):

αἶ κ' ἄλος ἄδ-
ίκοις ἐνεκ[υρ-]
[ἀκ]σανς μὴ κ-
αρπόσειτ[αι, τ-]
ἀς τιμᾶνς τοῖ-
ν ἐνεκύρον κ-
αταστασεῖ ἄι
φεκάστο ἔγρ-
ατται.

«Если [кто-либо], не по праву взяв в залог сад (?), не соберёт урожай, пусть предоставит стоимость залога, как предписано для каждого».

αἶ κ' (элидированная форма от κα) — соответствует ион.-атт. εἰ ἄν (= ἐάν) [Bile 1988: 262].

ἄλος — соответствует ион.-атт. ἄλωις. Здесь и далее видим типичное для дорийского диалекта на Крите отсутствие омеги (с проистекающим неразличением долгого и краткого — ω/ο), а также характерную для Крита псилозу [Bile 1988: 101–103]. При этом, как видно далее (см. μὴ в 3 строке надписи), η и ε различаются, что подтверждается как научными исследованиями, посвящёнными специально критскому диалекту [Bile 1988: 78], так и фундаментальными исследованиями вариантов

греческого алфавита [Jeffery 1963: 509]. Р. Кёрнер, М. Гагарин и П. Пёрлман понимали ἄλος как Асс. pl. от ἄλωϝ ‘гумно’ [Koerner 1993: 396; Gagarin, Perlman 2016: 311]. Вероятно, стоит согласиться с Р. Кёрнером, М. Гагариным и П. Пёрлман в том, что ἄλος здесь нельзя понимать как ‘кто-то другой’, так как это была бы очень необычная гипотеза правовой нормы [Gagarin, Perlman 2016: 311]. Однако ἄλωϝ помимо гумна может также обозначать ‘сад’, ‘цветник’, ‘площадь’²⁹. Едва ли ἄλος употребляется здесь в значении ‘гумно’, так как гумно в Древней Греции представляло собой открытую площадку с невысоким ограждением, на которой раскладывали снопы, по которым гоняли скот [Isager, Skydsgaard 1995: 53–55]. Очевидно, что такая площадка имела незначительную стоимость по сравнению с капитальными постройками или участком возделываемой земли. Довольно странным было бы брать в залог, во-первых, относительно малоценное имущество, а во-вторых, брать в залог гумно при том, что заложен также (или только?) урожай (см. в тексте μὴ καρπόσεται).

ἀδίκος — Р. Кёрнер склонялся к тому, что ἀδίκος значит то, что залогодержатель не вернул предмет залога после исполнения обязательства должником [Koerner 1993: 397]. М. Гагарин и П. Пёрлман пишут, что непонятно, как можно

²⁹ См. статью ἄλωϝ в [Rodríguez Adrados, Rodríguez Somolinos: 1980–2019]. Однокоренное ἄλωή обозначало сад, виноградник, пшеничное поле, гумно и, наконец, производственный комплекс, включающий в себя виноградник, винодавилю и сушильную винограда: см. статью ἄλωή в [Rodríguez Adrados, Rodríguez Somolinos: 1980–2019].

взять залог ᾄδίκος [Gagarin, Perlman 2016: 312]. Р. Кёрнер отмечал, что нельзя исключать, что данное положение было дополнением к какому-то не сохранившемуся закону о залогах [Koerner 1993: 397–398]. Нам же хотелось бы отметить, что в гортинских законах есть пример запрета брать залог: см. *G (IC IV)* 80 строки 8–11 ниже. Поэтому можно вслед за Р. Кёрнером предположить, что был другой закон, запрещающий брать залоги в определённых случаях³⁰. Такие запреты, по нашему мнению, были в интересах залогодателя, так как древнегреческий залог имел субститутивный характер, то есть предполагал подмену обязательств, следствием чего, как подметил ещё Ф. Прингсхейм, было то, что дать залог фактически значило удовлетворить требования кредитора [Pringsheim 1950: 171]. Из субститутивности залога вытекает также то, что в случае неисполнения обязательства предмет залога целиком переходит в собственность залогодержателя, даже если его ценность была много больше долга. Если предмет залога более ценный, чем то, что причитается по первоначальному обязательству, кредитору выгоднее оставить у себя залог, чем принять исполнение обязательства должником. Должник же в этом случае заинтересован в том, чтобы не давать залог и не допускать принятия залога кредитором³¹.

³⁰ См. запрет в Афинах брать залог в праздники, описанный у Демосфена: *Lex ap. D.* 21.10.

³¹ См. описание поведения залогодержателя/кредитора у Демосфена: θύρας ἀφαίρειν καὶ στράμαθ' ὑποσλᾶν καὶ διάκονον, εἴ τις ἐχρήτο, ταύτην

ἐνεκ[υρ][άκ]σανς — part. aor. act. (от глагола, который в ионийско-аттическом диалекте звучит как ἐνεχυράζω) с псизолой; то же явление видим далее в ἐνέκυρον (= атт. ἐνέχυρον). Глагол встречается в четырёх надписях, содержащих гортинские законы (*G (IC IV) 43 Aa 2–3; G (IC IV) 45 A 5–6; G (IC IV) 81 14, 17, 18, 21–22; G (IC IV) 85 2–3, 6*), но не в «Большом кодексе гортинских законов» (*G (IC IV) 72*) [Bile 1988: 330]. См. о его значении чуть выше.

ἐνεχυράζειν. ἃ σὺ πάντ' ἐποίηεις ἐνιαυτὸν ὅλον μετ' Ἀνδροτίωνος (D. 24.197. Цит. по [Butcher, Rennie 1921]) — «Ты срывал двери, вытаскивал из-под людей ковры, описывал (ἐνεχυράζειν) единственную служанку-рабыню, если у кого-либо таковая была... Все это ты творил на протяжении целого года вместе с Андротионом» (Пер. В. Г. Боруховича). Именно из-за субститутивности залога его можно спутать с обращением взыскания после неисполнения обязательства. О том, что под ἐνεχυράζω в Афинах, по крайней мере иногда, понималось обеспечение исполнения обязательств, можно судить по фрагменту из Эскина, в котором запрет магистрату отчуждать своё имущество, чтобы сохранялась возможность его конфисковать, объясняется через аналогию — имущество магистрата как бы залог того, что он будет честно исполнять свои обязанности: *πάλιν υπεύθυνον οὐκ ἔᾱ τὴν οὐσίαν καθιεροῦν, οὐδὲ ἀνάθημα ἀναθεῖναι, οὐδ' ἐκποιήτον γενέσθαι, οὐδὲ διαθέσθαι τὰ ἑαυτοῦ, οὐδ' ἄλλα πολλά: ἐνὶ δὲ λόγῳ ἐνεχυράζει τὰς οὐσίας ὁ νομοθέτης τὰς τῶν υπενθύνων, ἕως ἂν λόγον ἀποδώσι τῇ πόλει* (Aeschin. Ctes. 21). Цит. по [Adams 1919]. «Кроме того, подотчётное лицо не имеет права ни жертвовать своё состояние богам, ни делать приношения в храмы, ни быть усыновлённым, ни завещать своё имущество, ни многое другое — одним словом, законодатель смотрит на достояние подотчётного как на залог, пока тот не сдаст отчёта государству» (Пер. С. А. Ошерова, М. Л. Гаспарова). Если развивать сравнение Эскина, то конфискация имущества магистрата после суда — это обращение взыскания. Путаёт исследователей также то, что в Греции обращение взыскания, чаще всего, происходило без помощи суда, силами самого кредитора [Swoboda 1905: 80; Finley 1973: 28].

τιμῶνς — Acc. pl.³² Употребление τιμῶ (атт. τιμή) во мн. ч. обусловлено *constructio ad sensum* (т. к. «для каждого»).

ἄι — в критских надписях многозначный союз, в данном случае выступающий как сравнительный [Bile 1988: 262]. *LSJ* и *DGE* не учитывают данный союз. По нашему мнению, он соответствует ион.-атт. ἤ. См. ἤ в *LSJ* и *DGE*.

φεκάστο — видим типичное для региона сохранение дигаммы.

ἔϋρατται — ассимилятивное написание. В данном тексте ἔϋρατται едва ли значит ‘подавать публичный иск’ [Liddell, Scott 1996: 360]. Традиционное понимание фразы ἄι ἔϋρατται в гортинских законах — «как написано» [Guarducci 1950: 101; Bile 1988: 262; Gagarin, Perlman 2016: 311].

А. Маффи считал, что в *G (IC IV) 43* мы видим земельную ипотеку (*land mortgage*) [Maffi 2016: 13]. Однако с этим нельзя согласиться: в *G (IC IV) 43* Аа залогодержатель/кредитор явно владел предметом залога, раз по какой-то причине он не собрал урожай, а ипотека предполагает сохранение владения у должника³³. В *G (IC*

³² О невыпадении *v* см. [Bile 1988: 129].

³³ *Proprie pignus dicimus, quod ad creditorem transit, hypothecam, cum non transit nec possessio ad creditorem (Dig. 13.7.9.2)* — «О залоге (*pignus*) в собственном смысле мы говорим, когда [владение] переходит к кредитору, об ипотеке, — когда владение не переходит к кредитору». Цит. по: Кофанов 2003. См. о том, что ипотека необязательно связана с недвижимостью: Брагинский, Витрянский 2001: 461.

IV) 43 Ва 1–7 неясно, владел ли кредитор заложенной землёй³⁴.

Скорее всего, в *G (IC IV) 43 Аа* мы видим залог будущего урожая³⁵. Если бы речь шла просто о залоге земельного участка, было бы совершенно непонятно, почему кредитор, не собравший урожай, должен заплатить стоимость всего участка, пусть и взяв залог незаконно. Поэтому ситуация может быть реконструирована следующим образом: должник взял на себя обязательство под залог будущего урожая, недобросовестный

³⁴ *G (IC IV) 43 Ва 1–7*: θιοί. τὰν ἐ[v] Κησκόραι καὶ τὰν ἐμ Πάλαι πυταλιὰν ἔ[ε]-δοκὰν ἃ πόλις πυτεῦσαι. α-ἴ τις ταύταν πρίαιτο ἢ κα-ταθε[ί]το, μὴ κατέκεθαι τῶ-ι πριαμένοι τὰ[v ὁ]νὰν μηδ-ἐ [τὰ]ν κα[τά]θεσιν.

πυταλία — под этим словом М. Гагарин и П. Пёрлман понимают фруктовый сад или виноградник [Gagarin, Perlman 2016: 98].

κατέκεθαι — κατέχεσθαι [Gagarin, Perlman 2016: 309].

«Боги! Полис дал сад в Кискоре и Пале, чтобы возделывать. Если кто-то его купит или возьмёт в залог, недействительны для покупателя ни плата, ни залог».

³⁵ Ср. залог урожая καρπεία в эллинистическом Египте, при котором залогодержатель/кредитор владел участком и собирал урожай [Фрезе 1912: 116–118]. На стороне Ва этой надписи речь также могла идти о залоге урожая (*G (IC IV) 43 Ва 7–9*):

μηδ' ἐνεκ-
υράδδεν αἱ μὴ ἐπι[μ]ετρ[ῆ]ι τὰ-
ν ἐπικαρπίαν. νας

«Не брать в залог, если не определит доход [от участка]».

См. о значении ἐπικαρπία как 'доход от участка' [Genevrois 2017: 188–189]. При залоге оценивать именно доход с участка логичнее всего, если этот доход (урожай) заложен.

залогодержатель при этом или не собрал урожай, или допустил его гибель, предмет же залога при залоге урожая возникает только в момент сбора урожая. Из-за субститутивности залога первоначальное обязательство подменяется новым: должник теперь обязан возвратить стоимость предмета залога, который при этом по злему умыслу кредитора не возник. Поэтому самое справедливое решение в том, чтобы кредитор отдал должнику стоимость не появившегося предмета залога, которую должник может вернуть кредитору, исполняя уже вторичное обязательство из залога, заменившее первое. Можно обратить внимание на то, что в этом тексте ничего не сказано о том, что обязательство из залога должника будет прекращено, когда кредитор заплатит ему стоимость залога.

Из этой надписи следует, что, если кредитор собрал всё-таки урожай, платить штраф, равный стоимости залога, он не будет. То есть в данном случае норма кажется очень несправедливой по отношению к должнику, у которого противозаконно (*ἀδίκως*) взяли имущество в залог. Иными словами, этой нормой кредиторов как будто подталкивают к тому, чтобы незаконно захватывать участки в залог, собирая с них урожай. Ситуация кажется вопиющей, если мы не предположим, что существовал не дошедший до нас закон, который запрещал в каких-то случаях захват залога и предписывал наказание за это³⁶. Норма в нашей надписи

³⁶ Ср. ограничения на залог урожая в «Законах Хаммурапи» [Driver, Miles 1952: 146].

дополняла его, регулируя ситуацию, когда кредитор не только незаконно взял залог, но и попытался мошенничеством увеличить долг залогодателя.

В *G (IC IV) 43 Ab* говорится о неправомерном захвате раба или рабыни и их одежды в залог:

α[ῖ] κα δόλον ἢ
δόλαν ἀδίκως
ἐνεκυράκσει
ἢ ἐδύσει ἢ ἀπ[ολ]-
ύσεται, ἐκς ἡμι-
ίνας καταστα-
σεῖ ἔᾰι τοῖ ἐλ-
ευθέροι ἔγρα-
τται, τὰ δὲ τρί-
τρα τᾷ[ς] ῥήμα-
ς καὶ τᾷς ἀντιδή-
μας ἄπερ [τ]οῖ ἐ
[λευθέροι (?)].

«Если кто-либо не по праву возьмёт в залог раба или рабыню, разденет или снимет [одежду и обувь], половину пусть положит за него, как написано в отношении свободного, одну треть за одежды и обувь, как предписано в отношении свободного (?)).».

δόλον — атт. δοῦλον.

ἀδίκος — В «Большом кодексе гортинских законов» содержится запрет на захват раба, относительно которого идёт судебный спор (*G (IC IV) 72 1–3*: см. текст ниже). Эта ли норма имеется в виду здесь или другая, непонятно.

ἐδύσει — ср. ион.-атт. ἐκδύω ‘раздевать’ [Давыдов 2021: 249]. М. Гвардуччи указывает, что ἐδύσει и ἀπ[ολ]ύσεται соотносятся с существительными *ῥήμας* и *ἀνπιδήμας* [Guarducci 1950: 101].

ἀπ[ολ]ύσεται — Ф. Бехтель обратил внимание на совпадение *cop.* *aor.* и *fut.* в критских надписях [Bechtel 1923: 753–754], правда, привёл надпись с формой ἐδδύσει.

ἡμίνας — в ион.-атт. этого слова нет, зато оно есть в критских надписях и в Сицилии, откуда заимствуется в латинский язык в виде лексемы *hemina* (синоним атт. *κοτύλη* у Плавта и др.) [Liddell, Scott 1996: 773].

ἔ — Асс. Sg. от οὔ, которое встречается в том числе у Гомера [Authenrieth 1999: 183; Liddell, Scott 1996: 465, 1267].

τρίτρα — ‘в три раза больше’ [Liddell, Scott 1996: 1824]. Однако М. Гвардуччи поддерживает мнение, что *τρίτρα* здесь обозначает треть [Guarducci 1950: 101], что вероятнее всего: более ожидаемо, что за похищение одежды и обуви раба штраф в три раза меньше, чем за похищение одежды и обуви свободного, а не наоборот.

ῥήμας — G. sg. от ῥῆμα, соотв. атт. *εῖμα*. Критск. G. fem. к ῥῆμα — *ῥήμας* [Liddell, Scott 1940], gen. pretii.

ἀνπιδήμας — атт. ἀμφιδήμα ‘обувь’ [Liddell, Scott 1940]. Согласно *DGE* ἀνπίδημα — обувь или какое-нибудь

украшение [Rodríguez Adrados, Rodríguez Somolinos 1980–2019].

а́йлер — по поводу *āi* см. выше. В *LSJ* и прочих словарях не зафиксировано, ближайший аналог учитывается в словаре А. Байи (словарная статья *а́йлер* и *а́йлер*) [Bailly 2020].

Можно согласиться с Р. Кёрнером, что речь, вероятно, идёт о незаконном захвате раба/рабыни и одежды под предлогом обеспечения выплаты долга собственника [Koerner 1993: 398]. Едва ли можно думать, что раба или одежду захватывают в обеспечение выплаты долга раба. Р. Кёрнер [Koerner 1993: 398] сравнивал эту норму с *G (IC IV) 72 Col. I. 1–3* (см. ниже). Для нас интересно то, что кредитор — согласно норме в *G (IC IV) 43 Ab* — пытался представить грабёж как взятие залога, что многое говорит о самих залоговых отношениях: кредитор в нормальной ситуации стремился завладеть предметом залога, потому что, во-первых, из-за субститутивности залога в случае неисполнения обязательства должником весь предмет залога переходил в его собственность, а, во-вторых, кредитор боялся, что должник может осложнить ему обращение взыскания на имущество. Именно поэтому в *G (IC IV) 43 Aa* и *Ab*³⁷ (и в других гортинских надписях) залоговые имеют посессорный характер, то есть предполагают переход владения предметом залога кредитору. Если бы

³⁷ Из надписи *G (IC IV) 43 Va* нельзя понять, какой залог имеется в виду, посессорный или нет (см. этот текст в сносках выше).

залог не были бы посессорными, должник мог, например, перезаложить уже заложенную вещь или продать её. В условиях отсутствия публичного реестра уведомлений о залоге имущества на Крите и то, и другое было возможно.

В надписи *G (IC IV) 47 A 1–10*, датируемой первой половиной V века до н. э. [Gagarin, Perlman 2016: 318], есть упоминание о человеке, ставшем заложником исполнения обязательств — *κατακείμενος*:

[?] κατακείμενος αἰ κ' ἀδική-
σει δόλος ἢ δόλα, ὅτι μὲν κ[α κα]-
[τα]θεμένο κελομένο ἀμάρτη-
ι τοῖ καταθεμένοι τὰν δίκαν
ἤμην, ὅτι δὲ κ' αὐτὸς πρὸ φιαυτ-
ὦ τοῖ ἀρκαίοι πάσται τὰν δίκ-
αν ἤμην τοῖ δὲ καταθεμένοι μ-
ή. αἰ δὲ κα νικαθῇ ὁ καθένς, ἀπ-
οδότο τοῖ καταθεμένοι ὅτι κ'
ὀπήληι.

«Если совершит преступление заложенный раб или рабыня, если по приказу залогодержателя совершал преступление, то вчинить иск против залогодержателя, если же сам для себя делал, то вчинить иск прежнему владельцу, залогодержателю же — нет. Если залогодатель проиграет [в суде], пусть отдаст залогодержателю то, что должен».

κατακείμενος — слово, встречающееся также в *G (IC IV)* 41 Col. V, VI и *G (IC IV)* 72 Col. I 56 — Col. II 1, Col. X 26. Ещё Г. Свобода и М. Гвардуччи сравнивали *κατακείμενος* с римским *nexus* [Swoboda 1905: 72; Guarducci 1950: 96]. М. Гвардуччи полагала, что *κατακείμενος* — человек, ставший рабом, пока не погасит долг [Guarducci 1950: 96]. М. Гагарин и Р. Кёрнер считали, что *κατακείμενος* — свободный или раб, попавшие во временное рабство к кредитору до уплаты долга [Koerner 1993: 387; Gagarin, Perlman 2016: 81, 299], с чем необходимо согласиться. В *G (IC IV)* 41 Col. VI *κατακείμενος* обозначает человека, попавшего в кабальное рабство до уплаты долга (см. ниже). То же самое касается *G (IC IV)* 72 I 56 — II 1 (см. разбор этого фрагмента ниже). Из *G (IC IV)* 41 Col. VI³⁸ очевидно,

³⁸ *G (IC IV)* 41 Col. V 11–17: *vac. ἀλλό-
τριον δ' αἱ τί κ' ἀδικ-
έσει ὁ κατακείμεν-
ος, αὐτὸν ἀτῆθαι. αἱ
δέ κα μὲ ἔκκη ὅπο κατα-
στασεῖ, ὁ νικάσας
κ' ὁ καταθέμενος [-]*

ἀλλότριον... τί — А. Эффентерр, Ф. Рузе и Р. Кёрнер считали, что закабалённый совершал какое-то (τί) преступление в отношении третьего лица (ἀλλότριον): «wenn der Schuldknecht einem anderen irgendein Unrecht tut...» [Koerner 1993: 385]; «si c'est à un tiers que l'engagé a fait un tort quelconque...» [Effenterre, Ruzé 1995: 238]. По мнению М. Гагарина и П. Пёрлман, в этом тексте речь идёт о том, что преступление совершается в отношении другого человека, но они не переводят τί: «and if the indentured person wrongs another...» [Gagarin, Perlman 2016: 299]. На наш взгляд, возможна и другая интерпретация: τί можно рассматривать не как *Acc. relationis*, а как определяемое слово

что катакеίμενος обладал хотя бы частичной деликтоспособностью, то есть способностью лица нести ответственность за вред, причиненный противоправными действиями. В *G (IC IV) 72 X* содержится запрет заключать некоторые виды договоров относительно катакеίμενος³⁹. Из

к прилагательному ἀλλότριον, которое в таком случае находится в сильной позиции в предложении.

ἀδικέσει — aor. con. [Bile 1988: 236].

ἀτῆθαι — inf. praes. pass. от *ἀτάομαι [Liddell, Scott 1996: 268].

νικάσανς — part. aor. act. (= атт. νικήσας).

«Если закабалённый совершает преступление в отношении чего-то чужого, пусть он будет наказан. Если он не имеет имущества, чтобы заплатить, выигравший [судебный процесс] и залогодержатель...».

Эта норма противоречит *G (IC IV) 47 A*, если мы принимаем мнение М. Гагарина и П. Пёрлман, что катакеίμενος там относится к δοῦλος [Gagarin, Perlman 2016: 319–320]. В *G (IC IV) 47 A* сказано, что за преступления закабалённого отвечает, если приказывал, залогодержатель, если же закабалённый действовал по своему усмотрению, — залогодатель. Возможно, в *G (IC IV) 47* имеется в виду раб, отданный в залог (δοῦλος катакеίμενος), а в *G (IC IV) 41 Col. V* свободный, ставший заложником исполнения обязательства (закабалённый). Поэтому он и обладает деликтоспособностью и может иметь имущество. Стоит отметить, что у *G (IC IV) 41 Col. V* не сохранилось начало, из-за чего нельзя утверждать с уверенностью, о ком идёт речь в строках 1–11 (см. мнения М. Гагарина и П. Пёрлман [Gagarin, Perlman 2016: 300] и А. Эффентерра и Ф. Рузе [Effenterre, Ruzé 1995: 242].

³⁹ *G (IC IV) 72 X 25–29*: ἀντρο[π]ον μὲ ὀνεῖθα-

ι κατακείμενον πρίν κ' ἀλλύσ-
εται ὁ καταθένης, μεδ' ἀμπίμο-
λον, μεδὲ δέκσασθαι μεδ' ἐπίσ-
πένσασθαι μεδὲ καταθέθαι.

«Ни закабалённого человека не покупать до тех пор, пока его не освободит залогодатель, ни обвиняемого — не принимать, не брать обещание [относительно него], не брать в залог».

G (IC IV) 72 X следует, что *κατακείμενος* по крайней мере иногда не был человеком, заложившим свою личность, так как в этой надписи упоминаются вместе *καθένης* — залогодатель, то есть человек, отдавший в залог закабалённого (см. ниже), и *κατακείμενος*. То есть *κατακείμενος* — это человек, попавший в кабальное рабство до уплаты долга как путём самозаклада, так и отданный в кабальное рабство другим человеком. Является ли он войкеем, как считали А. Эффентерр и Ф. Рузе, сказать с уверенностью нельзя [Effenterre, Ruzé 1995: 240].

κα][τα]θήμενο — ‘тот, кто получает раба в залог’ [Liddell, Scott 1996: Suppl. 172]. Слово, встречающееся помимо этой надписи в *G (IC IV) 41 V, VI* и *Gortyn 7. В G (IC IV) 41 VI καταθέμενος* выступает как владелец

ἀλλύσεται — приставка *ἀνα-* апокопирована и имеет ассимилятивное написание.

ἀμπίμολον — прил., ‘в отношении которого идёт суд’ [Bile 1988: 279, n. 83; 351].

ἐπισπένσθαι — М. Гвардуччи понимает это слово как *spondetor* [Guarducci 1950: 145], акцентируя внимание на этимологическом родстве с лат. *spondeo* ‘торжественно обещать’ [Бартошек 1989: 300], ‘торжественно обещать в форме стипуляции’ [Дыдынский 1896: 419]. Р. Ф. Виллетс переводит это слово как «accept him (in pledge)» [Willets 1967: 76]. Однако в данном случае становится непонятным, почему в следующей фразе снова повторяется запрет брать в залог закабалённого (*μεδὲ καταθέθαι*) — уже с употреблением *terminus technicus* для залога — *καταθέθαι*: «nor take him in mortgage» в переводе Р. Ф. Виллетса. М. Биль считает, что в гортинских законах *ἐπισπένσθαι* в общем и целом обозначает обещание (*promesse*) [Bile 1988, 354–356]. М. Гагарин и П. Пёрлман понимают *ἐπισπένσθαι* в этом тексте как ‘брать обещание (доставить)’ [Gagarin, Perlman 2016: 412]. Правда, непонятно, почему речь должна идти обязательно о доставке.

попавшего в кабальную зависимость до уплаты долга *κατακείμενος*, то есть залогодержатель/кредитор (см. надпись ниже). У *G (IC IV) 41 V* не сохранилось конца надписи⁴⁰. Поэтому о правовом статусе *καταθέμενος* в этой надписи можно лишь делать предположения. *Gortyn 7* сохранилась очень плохо (см. выше).

κα][τα]θεμένο κελομένο — gen. abs.

ἤμην — inf. praes. act. [Bile 2016: 87]

φαντοῖ τοῖ ἀρκαῖοι — соответствует атт. *ἐαυτῷ τῷ ἀρχαίῳ*.

πάσται — критский термин [Liddell, Scott 1996: 1346], образованный от *πάομαι* ‘получать, приобретать, владеть’ [Liddell, Scott 1996: 1301] (соответствующего атт. *κτάομαι*): *ἀρκαῖοι πάσται* — прежний владелец (новый владелец — это кредитор: см. ниже).

καθένης — part. aor. [Bile 1988: 220] слово встречается несколько раз в гортинских законах: *G 30*, *G 47 а*, *G (IC IV) 72 IX 11–12*, *X 27*, *G (IC IV) 91*. М. Гагарин считает, что словом *καθένης* обозначался залогодатель/должник [Gagarin, Perlman 2016: 381]. В дополнениях к словарю Г. Дж. Лидделла и Р. Скотта *καθένης* трактуется как «тот, кто отдаёт в залог раба» [Liddell, Scott, 1996: Suppl. 172]. Надпись *G (IC IV) 30* сохранилась плохо⁴¹, *G (IC IV) 91*

⁴⁰ См. чуть выше.

⁴¹ *G 30 VI* в. до н. э. [Gagarin, Perlman 2016: 290]:

[—]ν μηνταῖον τριπεδοῦ[—]

[—]αριον ἐπιστάμην μεδι[μνο—]

[—κατασ]τᾶσαι ὅτοι κα καταθίοντ[ι —]

сохранилась лучше⁴². Относительно надписи *G (IC IV) 91* можно предполагать, что καθένς мог отработать раньше времени свой долг (αἵψα [δ]ὲ φεργακσάμενος ὁ καταθέν[ς], получив право собрать урожай с, очевидно, своего участка (ἐ)πὶ τοῦτοι ἔμεν τὸν κα[ρ]πὸν). Из этой надписи можно сделать вывод о том, что καθένς — это человек, у которого, по крайней мере, иногда заложена не только личность, но и имущество. Из *G (IC IV) 72 IX*⁴³ и *X* (см. выше) явно

[—] κσένιον ρόσμο[v—]. По мнению М. Гагарина, в данной надписи, возможно, речь идёт о самозакладе [Gagarin, Perlman 2016: 290].

⁴² *G (IC IV) 91* вторая пол. V в. до н. э. [Gagarin, Perlman 2016: 459]:

[—] φεργασίας, αἵψα [δ]ὲ φεργακσάμενος ὁ καταθέν[ς —]

[— ἐ]πὶ τοῦτοι ἔμεν τὸν κα[ρ]πὸν

v. vac. ὅτι δὲ κ[αὶ] ἐσπραττα[ι]ς [—]

[—] κε ὁ γρ [с.5]οσ[с.3–4] ἐνεкура[—]

«работы... если залогодатель, быстро отработав... урожай будет его... Когда и эспраттам... [...] залог[...]». Эспратты — магистраты в Гортине с неясными полномочиями [Gagarin, Perlman 2016: 433–434].

⁴³ *G (IC IV) 72 IX* 1–18: αἱ κ' ὁ-

πέλο[v ἄργυρον πα]τροιόκον κα-
ταλίπει, ἐ αὐ[τὰν ἐ διὰ τὸν]ς π-
άτροαν[ς καὶ τ]ὸνς μάτροαν-
ς καταθέμεν ἐ [ἀποδ]όθαι τῷ ὁ-
πλέματος [καὶ] δικαίαν ἔμεν τ-
ὰν ὄνὰν καὶ τὰν κα[τάθε]σιν. αἱ
δ' ἀλλᾶ[ι πρί]αιτό τις κρέματα ἐ
καταθεῖτο τῶν τᾶς πα[τρ]ιοόκο, τ-
ὰ μὲν [κρ]έματα ἐπὶ τᾷ πατροιόκ-
οι ἔμεν, ὁ δ' ἀποδόμενος ἐ κατ-
αθένς τοῖ πριαμένοι ἐ καταθε-
μένοι, αἱ κα νικαθεῖ, διπλεῖ κα-
ταστασεῖ καὶ τί κ' ἄλλ' ἄτας εἶ, τ-
ὁ ἀπλόον ἐπικαταστασεῖ.

следует, что καθένς — это залогодатель. *G (IC IV) 47 A* также позволяет предположить, что καθένς — обозначение залогодателя.

ἀποδότο — imperat. aor. act. 3 sg.

Мы согласны с М. Гагариным и П. Пёрлман в том, что катакеίμενος относится к последующему предложению (к δοῶς), а не является концом предыдущего (М. Гагарин и П. Пёрлман правы в том, что сложно представить предложение, оканчивающееся на слово в Nom. sg.) [Gagarin, Perlman 2016: 312]. Добавим, что в тексте надписи речь идёт именно о катакеίμενοι, поэтому логично считать, что катакеίμενος в 1 строке относится к

πα]τροῦκον — πατρῷῳχον [Liddell, Scott 1996: 1349], дочь-наследница, соответствует атт. πατροῦχος [παρθένος] [Liddell, Scott 1996: 1349].

ὀπλέματος — синкопированная форма от «ὀφήλωμα, ατος, τό, Cret. for ὀφεῖλημα» [Liddell, Scott 1996: 1278]. Gen. sg. [Bile 1988: 115]. Формы, образованные от данного корня, в критском диалекте обладают большой вариативностью [Bile 1988: 115].

καῖ — красис καὶ + αῖ.

κ' — κα (= κε).

ἄλλ' — ἄλλο.

ἄτας — Gen. generis.

εἴ — атт. ἤ (praes. con. act. от εἰμί), итеративный период.

«Если, будучи должным серебро, оставит дочь-наследницу, то если она сама или кто-либо за нее заложит что-либо из имущества отца или имущества матери или продаст [в счёт] долга, то пусть и купля и залог будут законными. Если кто-либо имущество дочери-наследницы продаст или заложит иным способом, то пусть имущество будет у дочери-наследницы, а продавец или залогодатель, если проиграет [в суде], пусть заплатит покупателю или залогодержателю вдвойне, а если у него другое наказание, то пусть заплатит простой [штраф]».

предложению с δοῦλος. К тому же, вынесенное в самое начало предложения слово κατακεῖμενος хорошо соотносится с актуальным пониманием порядка слов в греческом предложении: в данном случае это слово маркировано, и поэтому оно принимает первое место в предложении [Boas van, Huitink 2010: 148–149].

Существенным для нашего исследования будет то, что залогодержатель мог приказать рабу что-то сделать, следовательно, залогодержатель владел рабом⁴⁴. В пользу этого вывода свидетельствует также то, что залогодатель назван «старым владельцем»⁴⁵ (τοῖ ἀρχαίοι πάστοι)⁴⁶.

Залогодержатель упоминается и в т. н. «Малом кодексе гортинских законов» (*G (IC IV) 41*), который датируется примерно первой половиной V века до н. э. [Gagarin, Perlman 2016: 291]. В колонне VI этой надписи речь идёт о

⁴⁴ Посессорный характер залога хорошо отражён также в строках 16–21 этой надписи.

⁴⁵ О том, что греки различали собственность и владение [Kränzlein 1963: 11–12; Суриков 2015: 270].

⁴⁶ Р. Кёрнер предположил, что здесь речь идёт о двойной собственности на предмет залога (и залогодержателя, и залогодателя) [Koerner 1993: 410]. Тем самым Р. Кёрнер поддержал теорию П. Кошакера о существовании у греков «разделённой» собственности [Koschaker 1931: 50–52]. Однако предпосылок для существования «расщеплённой» собственности, как это было в эпоху феодализма [Покровский 1998: 209], у древних греков мы не видим, поэтому нам представляется более близкой к истине точка зрения А. Эффентерра и Ф. Рузе, которые исключали «двойную» собственность на раба в этой надписи [Effenterre, Ruzé 1995: 98].

преступлениях против кабального раба, который явно находится во владении залогодержателя⁴⁷:

2—16. αἱ δέ τις
τ]ὸν κατακείμεν-
ον ἀδικήσει, ὁ κατ-
αθέμενος μολησε-
ῖ καὶ πρακσῆται τ-
ὰς τιμὰς αἱ ἐλευθέ-
ρο, κ' ὅτι κ' ἐσπράκσ-
εται τὰνν ἡμίναν ἔ-
κεν τὸν κατακείμ-
ενον, τὰν δὲ τὸν κατ-
αθέμενον. αἱ δέ κ' ὁ κα-
ταθέμενος μὴ λῆι
μολῆν, ἥ κ' ἀποδοῖ τὸ ὁ-
πήλομα αὐτὸς μολή-
το.

ἔκεν — атт. ἔχειν (inf. praes. act.)

ἥ — временной союз ‘когда’ [Bile 1988: 262]

«Если кто-либо совершил преступление в отношении закабалённого, залогодержатель пусть подаст иск и получит штраф как за свободного. Когда получит,

⁴⁷ Закабалённый *κατακείμενος* упоминается также в *G (IC IV) 41 Col. V 11–17*, однако из *G 41 Col. V 11–17* нельзя понять, находился ли закабалённый во владении кредитора. См. текст *G 41 Col. V 11–17* в сноске выше.

половина пусть будет у закабалённого, половина у залогодержателя. Если залогодержатель не хочет подавать иск, пусть сам [закабалённый], когда заплатит долг, подаёт иск».

Стоит обратить внимание на то, что залогодержатель может получить весь штраф, так как половина, причитающаяся кабальному рабу, может быть засчитана в счёт уплаты долга. Из строк 12–16 следует, что залогодержатель может не захотеть подавать иск. Причина, вероятно, в том, что половина штрафа за раба может сократить срок кабального рабства или даже покрыть сумму долга. Можно представить себе ситуацию, когда залогодержателю выгоднее как можно дольше держать в кабальном рабстве человека, а не получить судебный штраф за преступление против него, половина которого может пойти в счёт погашения долга.

Можно согласиться с М. Гвардуччи и Р. Кёрнером [Guarducci 1950: 97; Koerner 1993: 389], что в правовом статусе закабалённых смешиваются черты рабов и свободных⁴⁸.

⁴⁸ Закабалённый является объектом правоотношения до момента выплаты долга или иного исполнения обязательства, одновременно обладая существенными признаками субъекта права, к которым относятся дееспособность в виде деликтоспособности и сделкоспособности, но владеет ими в ограниченном формате. Мы здесь видим, что у закабалённого есть право получить часть штрафа, однако он не может подавать иск, пока не освободится от кабальной зависимости, таким образом, у закабалённого как у субъекта права налицо наличие ограниченной дееспособности.

Залог упоминается в двух надписях второй половины V века до н. э. [Gagarin, Perlman 2016: 430, 445) *G (IC IV) 75* и *G (IC IV) 81*, содержание которых частично совпадает.

В *G (IC IV) 75 C*⁴⁹ в 3–7 строках читаем:

αἱ κά τις πρ-
εἴγυς εἶ ἔ ἄλ[ος μ]ὲ νυνατὸ-
ς εἶ ἔρπεν [εἶ κ]α δέει ἐνεκυρ-
άδδεν, ἄλλον π[ρὸ] τοῦτο ἐνεκ-
[υ]ράδδοντ[α] ἄπατον ἔμεν. ὁ-
νυμαίνετο δὲ [τ]ὸ ὄνυμα [...]

πρεῖγυς — критский аналог атт. **πρέσβυς** [Liddell, Scott 1996: 1261]. Критская лексема иначе отражает индоевропейский лабиовелярный (*pre(i)s-g^weu-)⁵⁰.

ἄλος — соотв. атт. ἄλλως [Gagarin, Perlman 2016: 432]. Об отсутствии геминаты см. *DGE* [Rodríguez Adrados, Rodríguez Somolinos 1980–2019], см. также ἄλλον в ст. 4 ниже.

⁴⁹ *G 75 A* мы цитируем ниже в сносках. В тексте *G (IC IV) 75 B* не сохранились начало и конец, есть лишь списки вещей без терминов залога. Возможно, это списки вещей, которые можно/нельзя закладывать (см. разные предположения относительно того, что можно/нельзя закладывать в этих списках, Р. Кёрнера и М. Гагарина с П. Пёрлман [Koerner 1993: 424; Gagarin, Perlman 2016: 432]. Что-то более определённое о *G (IC IV) 75 B* сказать нельзя.

⁵⁰ Детальный анализ этимологии и диалектных форм см. [Beekes 2010: 1231–1232].

ἐῖ — praes. con. act. (см. выше).

νυνατὸς — критск. (атт. δυνατός)⁵¹.

ἔρπεν — inf. praes. act.; в дорийской группе диалектов первоначальное значение ‘идти медленно’, ‘ползти’ расширилось до ‘идти’, ‘приходить’ (значение А 2 в Liddell, Scott 1996: 692). В аористе его формы имеют супплетивный характер: ἔμολον, ἤνθον [Liddell, Scott 1996: 692].

ἄπατος — критское слово, ‘обладающий защитой от наказания’ [Liddell, Scott 1996: 181], ‘защищённый иммунитетом, который не может быть наказан’ [Rodríguez Adrados, Rodríguez Somolinos 1980–2019].

ὄνυμαίνετο <...> [τ]ὸ ὄνυμα — figura etymologica (букв. «пусть именуется имя»), возможно влияние устной поэтической традиции, проявляющееся в зеркальном отражении ὄνυμαίνετο — τὸ ὄνυμα.

«Если кто-либо старый или другим образом немощный, чтобы прийти, если должен получить залог, то другому [лицу] берущему залог быть без наказания. Пусть будет названо имя...»

М. Гагарин и П. Пёрлман предполагают, что речь идёт, скорее всего, о том, что залогодержатель должен перед свидетелем объявить имя человека, которому он поручает забрать залог [Gagarin, Perlman 2016: 433]. Р. Кёрнер считал, что тот, кто исполняет поручение, должен назвать

⁵¹ См. [Bile 1988: 138, п. 259].

имя поручителя [Koerner 1993: 426]. Из этого текста мы также должны сделать вывод, что залог посессорный: старый или больной человек поручает забрать залог, чтобы стать его владельцем.

Текст другой надписи, *G (IC IV) 81*, является трудным для интерпретации из-за частого пропуска субъектов при глаголах:

δενδρέον καὶ φοικίας ὅ[κ' ὁμό-]
 [σον]τι τῶν ὁμόρον ἐννέα οἱ
 ἐπάνκιστα πεπαμένοι, μ.[ο-]
 [λεῦν, κ]αλεῦν δ' ἀντὶ μαιτύρο-
 ν δυὸν πρότριτον τὸν ἀπ[с.3]
 [с.2]σαντα μετρεσιόμενο-
 ν· αἱ δέ κα μὲ εἴει καλίον[τι ᾗ]
 [ἔγρ]αται, αὐτὸς μετρέθο τε
 καὶ προπονέτο προτέταρ[τον]
 [ἀν]τὶ μαιτύρον δυὸν παρέμε-
 ν ἐνσς ἀγοράν. ὁμνύμε[ν δ-]
 [ἐ ἔ] μὰν τοῦτο μὲν ἐστὶ ἀβλο-
 πίαι δικαίος πρὶν μολέθ[αι]
 [τὰν] δίκαν, ὃ δ' ἐνεκύρακσαν
 μὲ ἔμεν· νικεῖν δ' ὄτερά κ' οἱ π[λί-]
 [εξ ὀ]μόσοντι. *vac.* κ' αἱ κ' ἐς στέγα-
 ς ἐνεκυράκσοντι, πονίον[τι μ-]
 [ἐ 'νρ]οικεῖν ὃ ἐνεκύρακσαν συν-
 εκσομόσαθθαι τῶν ὁμό[ρον]

[τοῖ]ν ἐννέα τρίινς, οἷς κα προ-
φείπει, μὲ ἐνφουκεῖν ὃ ἐνεκὺ[ρα-]
[κς]α[ν' α]ἰ δέ τίς κα τοῖν ὁμόρ-
ον νας.

ὃ[κ'] — ὅκα (атт. ὅτε)⁵².

ὁμό[σον]τι — 3. Pl. aor. conj. act. от ὁμνυμι.

ἐπάνκιστα — *LSJ* понимает как Pl. n., употребляемый в качестве наречия, от ἐπάγχιστος ‘ближайший родственник’, которое само встречается лишь один раз и тоже в надписи [Liddell, Scott 1940]. Вероятно, как обозначение родственника понимала это слово М. Гвардуччи [Guarducci 1950: 188]. Но Р. Кёрнер, А. Эффентерр с Ф. Рузе и М. Гагарин с П. Пёрлман интерпретировали ἐπάνκιστα как относящееся к месту — ‘ближе всего’, ‘близко’ [Koerner 1993: 442; Effenterre, Ruzé 1995: 170; Gagarin, Perlman 2016: 446].

πεπαμένοι — от πάομαι (см. выше).

μαιτύρον — атт. μάρτυς [Liddell, Scott 1996: 1073].

πρότριτον — πρότριτα [Liddell, Scott 1996: 1537], ср. ниже протέтарτον.

μ.[ολεῖν] — однокоренные от μολέω на Крите относятся к действиям истца в суде [Bile 1988: 351; Liddell, Scott 1996: 1158]. См. ниже μολέθ[αι].

ἀπ...σαντα — от аористного причастия сохранились только приставка и конец слова.

⁵² См. [Bile 1988: 216]. См. об infinitivus pro imperativo в греческом [Allan 2010].

μετρεσιόμενον — мы понимаем данное футуральное причастие как целевое.

εἶμι — praes. cop. от εἶμι [Bile 1988: 226].

καλίον[τι] — part. praes. act. dat. sg. от глагола, соответствующего атт. καλέω.

παρέμεν — infinitivus pro imperativo [Bile 1988: 259, п. 27] как ὀμνύμεν, νικεῖν и συνεκσκομόσασθαι в следующих строках.

ένς — соотв. εἰς; данный вариант не учитывается словарями, но в *DGE* есть форма ένς [Rodríguez Adrados, Rodríguez Somolinos 1980–2019].

μάν — дорийский вариант μήν [Liddell, Scott 1996: 1078].

εῖ — см. выше прим. к ἦ (*G (IC 41) Col. VI*).

ἀβλοπίαι — Dat. modi Sg.

ένεκύρακσαν — залогодатель [Gagarin, Perlman 2016: 447].

ῥτερά — ὅτερος (атт. ὁπότερος)

κ' ... κ' — καί [Bile 1988: 108] и κα [Bile 1988: 148, 263].

ἐς — ἐκ [Liddell, Scott 1996: 498].

πονίον[τι] — part. praes. act. от глагола, соответствующего атт. φονέω (Dat. sg.) [Gagarin, Perlman 2016: 447].

[’νϜ]οικεῖν — inf. praes. act. от глагола, соответствующего атт. ἐνοικέω.

συνεκσκομόσασθαι — гапакс, inf. aor. med., ‘клясться всем вместе, отрицая’ [Bile 1988: 353; Liddell, Scott 1996: 1709].

τρίνς — асс. m. [Bile 1988: 217]

«...деревьев и дома, если клянутся 9 соседей, владеющих ближайшим [полем], то подавать иск и позвать за три дня перед двумя свидетелями... чтобы измерить. Если [залогодатель] не придёт к зовущему, как написано, пусть [залогодержатель] сам измерит и объявит перед двумя свидетелями за четыре дня [так], чтобы присутствовать на агоре. Пусть поклянется [залогодержатель], когда это [имущество] невинимо согласно закону, прежде чем подать иск, залогодатель же [должен поклясться], что нет. Пусть победит та [сторона], если многие [люди] поклянутся. И если они взяли залог из дома у залогодателя, говорящего, что [он] не живёт [в нём], залогодатель пусть поклянется с тремя из девяти соседей, которых он позвал, что залогодатель не живёт [в доме]. А если кто-то из соседей...»

Р. Кёрнер считал, что в начале *G (IC IV) 81* говорится о залоге в виде домов и растений [Koerner 1993: 443]. М. Гагарин и П. Пёрлман предполагают, что речь в первой части надписи идёт о залоге урожая с участка, как и в *G (IC IV) 75 A*⁵³. Вторая часть надписи (16–23), по мнению

⁵³ *G (IC IV) 75 A* 1–11 (большая часть текста реконструируется М. Гагариным и П. Пёрлман по *G (IC IV) 81*):

καλ[εῖν δ' ἀντὶ μαίτορον δυ-]
 [ὄν πρότερον τὸν] ἐνεκυρ-
 άξαντα μ[ετρεσιόμενον α-]
 [ὶ δέ κα μὲ εἶει] καλῖοντι ᾗ-
 ι ἔγραπται, α[ὐτὸς μετρέθο τ-]
 [ε καὶ προπονέτ]ο προτέταρ-

М. Гагарина и П. Пёрлман [Gagarin, Perlman 2016: 448], касается залога в виде движимого имущества, находившегося в доме должника. По мнению М. Гагарина и П. Пёрлман, в *G (IC IV) 75* А лицом, требующим оценки дохода, был залогодатель-должник, а в *G (IC IV) 81* — вероятнее всего, залогодержатель, который подал в суд на должника [Gagarin, Perlman 2016: 449]. Стоит отметить, что, согласно Р. Кёрнеру, в *G (IC IV) 81* требующим оценки был должник [Koerner 1993, 442]. Однако с точки зрения грамматики интерпретация М. Гагарина и П. Пёрлман кажется более убедительной⁵⁴.

ον ἀντὶ μαὶτού[ρον δυὸν παρέ-]
 [μεν ἐνς ἄγορ]άν. ὁμνύμεν δὲ
 ἔμ' μὲν τοῦτο μ[έν ἐστι ἀβλοπί-]
 [αι δικαίος πρὶν] μολέθαι τ-
 [ὰν δίκαν —]

⁵⁴ *G (IC IV) 81* можно также сравнить с очень плохо сохранившейся надписью *G (IC IV) 45*, которая, по мнению М. Гагарина, датируется первой пол. V в. до н. э. [Gagarin, Perlman 2016: 315]. На стороне В этой надписи два раза упоминается залогодержатель:

[—] . ας ἐς πόλιν η . . ε . . γαν
 [.] ανκε ἐγρυμμέν[α] vac. αἱ τις [—]
 [— ἄι] ἔγραται πεκάστο, ὀρκίετε-
 ρον ἡμεν τὸν ἐνεκυράκσαντ[α —]
 [—]α. vac. αἱ δὲ μὴ ὁμόσαιεν παρ τοῦ-
 ι δικαστῆι, νικήθαι τὸν τ' ἐνε[κυράκσαντα
 —]

[—] . ρόματος δ' ἐνεκυράδεν ὁ[—]

ἐγρυμμέν[α] — возможно, причастие от γρύπτω ‘гнуть’, которое согласуется с γαν [Gagarin, Perlman 2016: 316]. Согласно Гесихию аог. Π ἐγρυπον метафорически описывал землетрясение [Liddell, Scott 1996: 361]. Прилагательное γρυπάνιος употреблялось для обозначения неровности земли [Liddell, Scott 1996: 361].

ὀρκιότερον — ср. степень от прил., соответствующего атт. ὀρκίος (ср. контекст, цитируемый в Liddell, Scott 1996: 1252 и supplementum к нему [Liddell, Scott 1996: suppl. 231]: ὀρκιότεραν δ' ἔμεν τὰν δόλαν - «клятва рабыни будет более сильной» — букв. «рабыня будет более связанной клятвой»). Эту интерпретацию поддерживает М. Биль [Bile 1988: 181, 287, 352]. С ними не согласился Р. Кёрнер, который считал, что только залогодержатель был обязан принести клятву [Koerner 1993: 403]. Мнение Р. Кёрнера отражено в переводе М. Гагарина и П. Пёрлман [Gagarin, Perlman 2016: 315]. С Р. Кёрнером спорили А. Эффентер с Ф. Рузе и поддерживали интерпретацию М. Биль и словаря Лидделла-Скотта [Effenterre, Ruzé 1995: 252]. Стоит отметить, что в греческом, как и в других индоевропейских языках, сравнительная степень подразумевает наличие признака у всех сравниваемых объектов, а отсутствие признака обыкновенно выражается другими языковыми средствами.

ὁμόσαιεν — aor. opt. act. 3 pl. [Bile 1988: 238; Effenterre, Ruzé 1995: 253; Gagarin, Perlman 2016: 316]. Р. Кёрнер вынужден ради подтверждения своей интерпретации ὀρκιότερον постулировать ὁμόσαιεν как sg. [Koerner 1993: 403].

ἐνε[κυράσσαντα] — М. Гагарин и П. Пёрлман приняли реконструкцию Компаретти [Gagarin Perlman 2016: 315]. У М. Гвардуччи [Guarducci 1950: 103], Р. Кёрнера [Koerner 1993: 403] и А. Эффентерра с Ф. Рузе [Effenterre, Ruzé 1995: 253] — ἐνε[κυρ].

Πρόματος — исследователями по-разному реконструируется начало слова: [ἄ]γρόματος, предложенное Компаретти, который постулирует незасвидетельствованное слово ἄγρωμα, попавшее в *LSJ* со значением 'право охоты', и ἄροματος — М. Гвардуччи, которая без уверенности предлагала данное чтение, опираясь на коллацию Гальбгерра (в таком случае подразумевается слово ἄρωμα 'пашня') [Guarducci 1950: 104].

«... в город ... землю (?)... неровную (?) ... Если кто-то..., [как] написано для каждого, клятва залогодержателя будет более сильной... Если не поклянутся перед судьёй, проиграет залогодержатель и... а брать в залог...».

М. Гагарин и П. Пёрлман предполагают, что в *G (IC IV) 45* залогодержатель с помощью суда пытается завладеть предметом залога [Gagarin, Perlman 2016: 316]. Однако степень сохранности фрагмента не позволяет реконструировать ситуацию с уверенностью.

Если мы принимаем реконструкцию М. Гагарина и П. Пёрлман, то следует признать: залогодержатель должен поклясться, что имущество залогодателя в целости и сохранности (ὁμνύμε[ν δὲ ἔ] μὲν τοῦτο μὲν ἐστὶ ἀβλοπίαι), а залогодатель это отрицает (ὃ δ' ἐνεκύρακσαν μὲ ἔμεν). В этом случае залог должен был находиться во владении залогодержателя.

Наконец, мы рассмотрим надпись *G (IC IV) 80* второй половины V в. до н. э. [Gagarin, Perlman 2016: 440], представляющую собой текст соглашения Гортины с Риттием. Один из пунктов этого соглашения касается залоговых отношений (строки 8–11):

ἐνεκυραστὰν δὲ μὲ παρέρπε-
ν Γορτύνιον ἐς τὸ Ῥιττένιο. αἱ δὲ κα ν[ικ]αθεῖ τὸν ἐνεκύρον,
διπλεῖ καταστᾶσ-
αι τὰν ἀπλόον τιμὰν ἃῖ ἐν ταῖ ῥόραι ἔ[γρα]πται, πρᾶδδεν δὲ
τὸν Ῥιττένιον κόσμ-
ον.

ἐνεκυραστὰν — залогодержатель, Acc. sg. m. [Bile 1988: 330; Gagarin, Perlman 2016: 442]. См. ниже ἐνεκύρον.

παρέρπεν — infinitivus pro imperativo; см. комментарий к ἔρπεν в *G (IC IV) 75 C*.

καταστᾶσαι — inf. aor. act. (также pro imperativo).

ἀπλόον — прилагательное двух окончаний («общего рода» (épicène) в терминологии М. Биль [Bile 1988: 151]), что не находит отражения в словарях — впрочем,

словосочетание ἀλλόωνς τιμάνς определяется вслед за М. Биль как Acc. pl. f. [Rodríguez Adrados, Rodríguez Somolinos 1980–2019]

ἐν τᾷ ῥόρῳ — существует несколько вариантов интерпретации этого слова. М. Гвардуччи понимала его как гапакс ἐφόρῳ — место, где находились эфоры [Guarducci 1950: 78, 80]. М. Биль предложила видеть здесь φορᾶ со значением ‘налог’ [Bile 1988: 171, n. 70]. А. Эффентерр и Ф. Рузе интерпретировали это выражение как ἐν τᾷ (ἐ)π’ ὄρῳ (атт. οὐρᾷ) и трактовали как обозначение следующей части надписи [Effenterre, Ruzé 1994: 48–49]. Но в таком значении οὐρά, насколько можно судить [Liddell, Scott 1996: 1272], не употреблялось: οὐρά может означать ‘хвост’, ‘pudenda’, ‘арьергард’, ‘левое крыло фаланги’, перен. ‘эхó’ и ‘конец ветви’ [Liddell, Scott 1996: 1272]. Употребление данной лексики в переносном смысле в значении ‘надпись на оборотной стороне камня’ не имеет под собой основания и не засвидетельствовано в античности (стоит отметить, что при этом меняется просодия слова). Вариант М. Гвардуччи выбрали М. Гагарин и П. Пёрлман [Gagarin, Perlman 2016: 441]. К сожалению, ни одну из интерпретаций нельзя признать удовлетворительной.

πράδδεν — соотв. атт. πρᾶττεῖν [Bile 1988: 93].

«Гортинец пусть не приходит как залогодержатель к риттийцу. Если же [гортинец] проиграет [в суде] по поводу залога, пусть заплатит вдвойне простую стоимость, как написано у эфора (?), получить плату косму риттийцев».

Норму в 8–11 строках мы должны трактовать как направленную на защиту должников-риттийцев от захвата залога кредиторами-гортинцами, что, в свою очередь, говорит о том, что подобная практика имела место. Текст нельзя трактовать как описание ситуации после неуплаты долга: крайне странным в такой ситуации выглядел бы запрет на обращение взыскания.

В качестве довода против посессорного характера залога в гортинских законах можно бы было привести начало «Большого кодекса гортинских законов» (*G (IC IV) 72*). В Col. I. 2–3 написано:

ὅς κ' ἐλευθέροι ἐ δόλοι μέλλει ἀν-
τιπολεῖν, πρὸ δίκας μὲ ἄγειν⁵⁵.

«Если кто намеревается спорить из-за свободного или раба, до судебного решения пусть не уводит [в рабство]».

Скорее всего, речь идёт о запрете уводить в рабство до решения суда должника или его раба либо гаранта исполнения обязательства⁵⁶. Однако неясно, идёт ли речь о

⁵⁵ См. [Thumb 1932: 167].

⁵⁶ Эту ситуацию можно сравнить с историей из т. н. «Письма из Березани» [Виноградов 1971: 74–100], которое Ю. Г. Виноградов датировал второй половиной VI века до н. э., а В. П. Яйленко, Б. Браво, А. Эффентерр и Ф. Рузе — концом VI — началом V века до н. э. [Виноградов 1971: 77; Яйленко 1974: 138; Bravo 1974: 116; Effenterre, Ruzé 1995: 72]. См. возможные интерпретации содержания письма [Виноградов 1971: 91; Chadwick 1973: 36; Bravo 1974: 124 ff.; Яйленко 1975: 147; Miller 1975: 158].

порабощении человека для обеспечения исполнения обязательства или о порабощении как обращении взыскания после неисполнения обязательства должником (последний вариант поддерживала ещё М. Гвардуччи, сравнивая эту норму с *manus iniectio* римского права [Guarducci 1950: 151]). В первом случае залог не был бы посессорным.

В Col. I. 55 — Col. II. 2 приведена норма, которая как будто противоречит началу I колона:

[τ]ὸν δὲ νενικαμένον κα[ὶ τὸν κα]-
τακέιμενον ἄγοντι ἄπαιτον
ἔμεν.

«Тому, кто уводит [в рабство] проигравшего [в суде]⁵⁷ и закабалённого, быть без наказания».

Эту норму следует трактовать следующим образом: на законном основании будет владение кабальным рабом как предметом залога (*катаκέιμενος*) для обеспечения исполнения обязательства⁵⁸ и после суда кабальным рабом как предметом обращения взыскания (*νενικαμένος*) после неисполнения обязательства должником. Соответственно,

⁵⁷ М. Гвардуччи и Р. Ф. Виллетс считали, что *νενικαμένος* обозначает здесь приговорённого к уводу в рабство, наподобие римского *addictus* [Guarducci 1950: 152–153; Willets 1967: 57].

⁵⁸ М. Гвардуччи понимала *катаκέιμενος* или как *pexus*, или как *servus pignori datus* [Guarducci 1950: 153].

кабальные рабы как предмет залога (*κατακείμενοι*) по праву находились во владении кредитора. Норма на самом деле не противоречит изложенному в Col. I. 2–3, так как в Col. I. 2–3 очевидно имеются в виду случаи, когда неясно, можно ли обратиться взыскание на личность человека. Кабальный раб как предмет залога (*κατακείμενος*) должен был по праву находиться во владении кредитора. Об этом говорят и другие гортинские надписи: *G (IC IV) 47 A 1–21*, *G (IC IV) 41 Col. VI 2–16*. Те же, кто не был порабощён в обеспечение исполнения обязательства (не был *κατακείμενος*), могут и должны рассчитывать на судебное разбирательство и защиту до решения суда⁵⁹.

Подводя итоги нашего рассмотрения гортинских надписей, необходимо снова обратиться к историографии залога в гортинских законах. К сожалению, на залог именно в критских надписях в историографии обращалось мало внимания. Только А. Маффи в обобщающей работе по гортинскому праву 2016 года не проигнорировал важнейшую характеристику залога — кто владеет предметом залога. А. Маффи написал, что мы не знаем, сохранял ли в Гортине должник владение предметом залога

⁵⁹ См. также норму в *G (IC IV) 72 Col. XI 24–25*: ἀντροπον ὅ<v>κ' ἄγει πρὸ δίκας αἰεὶ ἐπιδέκεθαι — «человека, которого [кто-либо] уводит [в рабство] до решения суда, всегда принимать». Р. Ф. Виллетс, Р. Кёрнер и М. Гагарин с П. Пёрлман считают, что под ἐπιδέκεθαι здесь скрывается принятие под защиту [Willets 1967: 78; Koerner 1993: 464; Gagarin, Perlman 2016: 420–421].

или нет, то есть была ли ипотека [Maffi 2016: 13]. Как нам кажется, теперь мы можем ответить на вопрос А. Маффи.

Можно сказать, что залог имел посессорный характер, причём предметом такого залога могла быть как недвижимость (дом, участок земли: *G (IC IV) 43 Aa 1–9*, *G (IC IV) 80 (?)*)⁶⁰, так и движимое имущество (раб: *G (IC IV) 47 A 1–33*, *G (IC IV) 41 2–16*, *G (IC IV) 72 Col. I 1–55 — Col. II 2*, *G (IC IV) 85*, *G (IC IV) 43 Ab*; урожай: *G (IC IV) 81*, *G (IC IV) 43 Ba*; другое движимое имущество: *G (IC IV) 75 C 3–7*, *IC II XII 16 Ac 1*). Мы не нашли никаких свидетельств существования ипотеки в гортинских законах. В *G (IC IV) 43*, вопреки предположению А. Маффи, нет упоминаний земельной ипотеки (*land mortgage*).

В историографии относительно гортинских законов не был поставлен другой очень важный вопрос: была ли в Гортине обеспечительная купля-продажа, подобная афинской *πρᾶσις ἐπὶ λύσει* или обеспечительной купле-продаже в полисах Северной Македонии и Халкидики⁶¹. Мы можем сказать, что следов обеспечительной купли-продажи мы не нашли. Нет никаких оснований утверждать, что часто упоминающаяся в гортинском законодательстве

⁶⁰ А. Маффи писал, что, возможно, запрет на залог имущества жены или матери в *G (IC IV) 72 Col. VI 9–31* мог охватывать и недвижимость (если отец жены оставляет своим детям только дом: *G (IC IV) 72 Col. IV 46–48*) [Maffi 2016: 13].

⁶¹ См. об обеспечительной купле-продаже в полисах Северной Македонии и Халкидики [Youni 1996: 135; Thür 2008: 179–180, 185–186].

купля-продажа на самом деле имела обеспечительную функцию.

Как объяснить посессорный характер залога, отсутствие обеспечительной купли-продажи и ипотеки в Гортине?

Довольно очевидно, что переход владения человеком, ставшим предметом залога (*катаκείμενος*), к залогодержателю был в интересах кредитора⁶².

⁶² Ещё Л. Миттейс писал, что порабощение за долги в Греции эпохи классики и эллинизма, за исключением Афин, было распространённым явлением [Mitteis 1891: 445]. Потом Г. Свобода и Э. Вейсс детально исследовали правовое основание порабощения за долги в Греции [Swoboda 1905: 42f.; Weiss 1923: 496f.]. В. Л. Вестерманн поэтому говорил о лёгком переходе из свободного статуса в рабский и наоборот [Westermann 1955: 5], а М. Финли писал о спектре рабских статусов в Греции [Finley 1964: 235–237; Finley 1981: 135 ff.]. Противостоит этой традиционной точке зрения позиция И. А. Шишовой, которая писала, что в классическое время долговое рабство сохранялось только в отсталых районах, например, на Крите [Каллистов и др. 1968: 24], во всех развитых полисах его отменили [Каллистов и др. 1968: 46]. Однако в монографии 1968 года И. А. Шишова не привела свидетельств об отмене долгового рабства в развитых полисах Греции, кроме Афин. Рассмотрение источников, которые могли бы подтвердить её теорию, она провела в книге 1991 года. Там она доказывала, что в Беотии, скорее всего, или не было долгового рабства, или оно было существенно ограничено [Шишова 1991: 84, 87], хотя свидетельства об этом могут считаться лишь очень косвенными. Применительно к Хиосу она лишь предполагает отмену там самозаклада: данных традиции об этом нет [Шишова 1991: 98]. В настоящее время общепризнанным является тезис об отмене кабального рабства в Афинах при Солоне как об исключительном для Греции явлении [De Ste. Croix 1981: 162; Noussia-Fantuzzi 2010: 34, n. 80; Kyrtatas 2011: 94; Blok, Krul 2017: 622, 637]. Особенной является позиция Э. М. Харриса, который различает порабощение за долги (*enslavement for debt*) и закабаление (*debt-bondage*, *pechum*), являющееся формой обеспечения

Посессорный характер залога в отношении человека не мог не оказывать какого-то влияния на залог других вещей. Однако у нас есть все основания предполагать, что посессорность залога в отношении других вещей была обусловлена главным образом другой причиной.

В Гортине, как и на Крите в целом, не найдено свидетельств существования в какой-либо форме публичного реестра обременённых вещей. Из-за отсутствия возможности проверить обременение вещи у должника есть соблазн перезаложить/продать/подарить или иным образом произвести отчуждение заложенной вещи, если она остаётся в его владении, что осложнит обращение взыскания кредитору. Поэтому совершенно логично, что кредитор стремился завладеть предметом залога. На Крите даже не найдено надписей, похожих на аттические *ῥοοι* и являющимися знаками обременения имущества [Maffi 2016: 13].

Почему на Крите нет свидетельств об обеспечительной купле-продаже? Ведь она, как любой другой вид титульного обеспечения, является самым сильным

исполнения обязательств [Harris 2002: 415–417]. Э. М. Харрис считает, что Солон отменил порабощение за долги, но не закабаление [Harris 2002: 419–421]. Эту идею критикуют Й. Х. Блок и Ю. Крул [Blok, Krul 2017: 615–616], указывая на то, что закабаление довольно легко переходит в порабощение [Blok, Krul 2017: 620]. Debt-bondage назван формой рабства и во введении к «Кембриджской мировой истории рабства» [Bradley, Cartledge 2011: 1]. См. о долговом рабстве в Гортине [Казаманова 1964: 122–124; Willets 1967: 14; Lewis 2015: 4; Maffi 2016: 13–15; Gagarin, Perlman 2016: 81].

обеспечением для кредитора: ему переходит право собственности на предмет залога⁶³. Можно обратить внимание на то, что обеспечительная купля-продажа имела место там, где существовал институт *ὄροι* или подобных им знаков обременения имущества. Мы можем предположить, что, если нет знаков обременения имущества, обеспечительная купля-продажа как, например, в Афинах IV–II вв. до н. э. невозможна, поскольку и в Афинах, и в других местах владение предметом обеспечительного платежа, как правило, оставалось у должника⁶⁴. Если обеспечительная купля-продажа проходит без установки знаков обременения имущества, она всё равно оставляет должнику широкое поле возможностей для злоупотребления правом.

Ипотека, оставляющая должнику ещё больше прав на вещь, чем обеспечительная купля-продажа, тем более невозможна в таких условиях⁶⁵. В итоге посессорный залог

⁶³ «Собственность представляет собой намного более сильный обеспечительный инструмент, чем залог» [Бевзенко 2018: 7].

⁶⁴ См. [Fine 1951: 143; Finley 1973: 55; Harrison 1968: 258, 268]. К сожалению, надписи из Северной Македонии и Халкидики, в которых описывается обеспечительная купля-продажа, исследованы относительно плохо. Им посвящены всего две статьи [Youni 1996; Thür 2008]. Сохранял ли должник там при обеспечительной купле-продаже владение или нет, неизвестно. Но естественным для обеспечительной купли-продажи является то, что должник сохранял владение предметом обеспечительного платежа [Сарбаш 2008: 4–10].

⁶⁵ Здесь стоит сказать, что в Афинах — регионе, более развитом, чем Крит, самое раннее упоминание об ипотеке может быть найдено только в литературе IV века до н. э. [Fine 1951: 77–78; Harrison 1968: 262–265].

оказывается безальтернативным способом вещного обеспечения исполнения обязательства в Гортине V в. до н. э.

Здесь стоит отметить, что на Древнем Востоке, где были архивы, с помощью которых покупатель или кредитор мог проверить, обременена ли покупаемая или закладываемая вещь, ипотека упоминается, начиная со второй половины II тыс. до н. э.: в Месопотамии старовавилонского периода [Westbrook 2001: 63, 76], в староассирийских колониях в Анатолии [Veenhof 2001: 138], в Ассирии среднеассирийского периода [Abraham 2001: 174], в древнем Израиле [Frymer-Kensky 2001: 253], в Ассирии новоассирийского периода [Radner 2001: 270], в Вавилонии нововавилонского периода [Oelsner 2001: 302], наконец, в

Можно, конечно, предполагать, что мы не имеем свидетельств об ипотеке в V в. до н. э. из-за особенностей выборки источников, однако в аттических ὄροι, датируемых 363/362 — 259–258 гг. до н. э. [Finley 1973: 6–7], ипотека встречается гораздо реже, чем πρᾶσις ἐπὶ λύσει: согласно М. Финли, 10 упоминаний ипотеки на 102 случая πρᾶσις ἐπὶ λύσει [Finley 1973: 29]. Ипотека же явно распространяется из сферы морских займов [Fine 1951: 62, 93]. Стоит обратить внимание на то, что земельная ипотека и ὄροι в Афинах появляются одновременно. Правда, у Солона во фрагментах Fr. 36, 37 West упоминаются ὄροι, что можно трактовать как свидетельство существования ещё в архаических Афинах ипотеки. Однако против этого тезиса необходимо привести два возражения. Во-первых, если проецировать ситуацию с земельной ипотекой в Афинах IV–III веков до н. э. на эпоху архаики, то мы должны ожидать, что солоновские ὄροι обозначали по большей части πρᾶσις ἐπὶ λύσει. Тем более, что разные формы титульного обеспечения исполнения обязательств, как правило, самые древние [Сарбаш 2008: 7–10]. Во-вторых, солоновские ὄροι необязательно должны были быть знаками обременения земельного участка залогом. См. разбор мнений о том, чем могли быть ὄροι Солона в [Noussia-Fantuzzi 2010: 39–40].

Египте эпохи демотических папирусов [Manning 2001: 314–316].

Способствовать посессорности залога могло также то, что, как показал ещё Ф. Прингсхейм, залог (NB — не задаток) часто сопровождал древнегреческую куплю-продажу и был для кредиторов средством погашения долга, а не просто обеспечением исполнения обязательства [Pringsheim 1950: 170–171]. Э. М. Харрис даже пришёл к выводу, что кредитор в Греции как бы покупал заложенную вещь [Harris 1988, 365]. Если заложенная вещь воспринималась кредитором как «купленная», естественно, что он стремился завладеть этой вещью. Иными словами — институт купли-продажи влиял на институт залога.

Литература

- Бартошек 1989** — *Бартошек М.* Римское право. Понятия, термины, определения, М.: Юридическая литература, 1989.
- Бевзенко 2015** — *Бевзенко Р. С.* Комментарий к ст. 329 ГК РФ «Способы обеспечения исполнения обязательств» // Закон. 2015. URL: https://zakon.ru/blog/2015/08/25/kommentarij_k_st_329_gk_rf_sposoby_obespecheniya_ispolneniya_obyazatelstv (дата обращения 8.05.2022)
- Бевзенко 2018** — *Бевзенко Р. С.* Обеспечительная купля-продажа и залог. Комментарий к определению судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 09.01.2018 № 32–КГ17–33 // Вестник экономического правосудия. 2018. № 8. С. 4–16.

Брагинский, Витрянский 2001 — *Брагинский М. И., Витрянский В. В.* Договорное право. Общие положения. Кн. 1. 3-е изд. М.: Статут, 2001.

Виноградов 1971 — *Виноградов Ю. Г.* Древнейшее греческое письмо с острова Березань // Вестник древней истории. 1971. № 4 (118). С. 74–100.

Давыдов 2021 — *Давыдов Т. Г.* Правило конца греческого слова и становление правописания проклитик ἐκ (ἐξ) и ἐν // Индоевропейское языкознание и классическая филология. 2021. Вып. 25 (1). С. 248–252.

Дождев 1996 — *Дождев Д. В.* Римское частное право. М.: Инфра-М — Норма, 1996.

Дыдынский 1896 — *Дыдынский Ф. М.* Латинско-русский словарь к источникам римского права. Варшава: Тип. К. Ковалевского, 1896.

Каллистов и др. 1968 — *Каллистов Д. П., Нейхардт А. А., Шифона И. Ш., Шишова И. А.* Рабство на периферии античного мира. Ленинград: Наука, 1968.

Казакевич 1958 — *Казакевич Э. Л.* О роли ранних форм капитала в Афинах IV в. до н. э. (в свете экономической теории Маркса) // Вестник древней истории. 1958. № 2. С. 29–39.

Казаманова 1964 — *Казаманова Л. Н.* Очерки социально-экономической истории Крита V–IV вв. до н. э. Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1964.

Кечекьян 1944 — *Кечекьян С. Ф.* Всеобщая история государства и права. Часть 1. Древний мир. Выпуск 1. Древний Восток и Древняя Греция. Москва: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1944.

Кечекьян 1963 — *Кечекьян С. Ф.* Государство и право Древней Греции. Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1963.

Кофанов 2003 — *Кофанов Л. Л.* (Ред.) Дигесты Юстиниана. Т. 3. Книги 12—19. Москва: Статут, 2003.

Маттеи, Суханов 1999 — Маттеи У., Суханов Е.А. Основные положения права собственности. Москва: Юрист, 1999.

Перетерский и др. 2010 — *Перетерский И. С., Краснокутский В. А., Флейшиц Е. А., Розенталь И. С., Новицкий И. Б.* Римское частное право. Москва: 2010.

Покровский 1998 — *Покровский И. А.* Основные проблемы гражданского права. Москва: Статут, 1998.

Сарбаш 2008 — *Сарбаш С. В.* Обеспечительная передача правового титула // Вестник гражданского права. 2008. № 1. С. 7–93.

Скловский 2010 — *Скловский К. И.* Собственность в гражданском праве. 5-е изд. Москва: Юрайт, 2010.

Суриков 2004 — *Суриков И. Е.* Проблемы раннего афинского законодательства. Москва: Языки славянских культур, 2004.

Суриков 2015 — *Суриков И. Е.* Некоторые замечания о понятии собственности в древнегреческом праве // *Суриков И. Е.* Античная Греция. Ментальность, религия, культура. (Opuscula selecta; I). Москва: Языки славянских культур, 2015. С. 265–273.

Фрезе 1912 — *Фрезе Б.* Очерки греко-египетского права. Часть первая. Ярославль: Тип. Губ. правл., 1912.

Шишова 1991 — *Шишова И. А.* Раннее законодательство и становление рабства в античной Греции. Ленинград: Наука, 1991.

Яйленко 1974 — *Яйленко В. П.* Вопросы интерпретации березанского письма Ахиллодора // Вестник древней истории. 1974. № 3 (133). С. 133–149.

Яйленко 1975 — *Яйленко В. П.* К датировке и чтению березанского письма Ахиллодора // Вестник древней истории. 1975. № 1 (127). С. 133–154.

- Abraham 2001** — *Abraham K.* Middle Assyrian Period // *R. Westbrook, R. Jasnow* (eds.) *Security for Debt in Ancient Near Eastern Law*. Leiden: Brill, 2001. P. 161–221.
- Adams 1919** — *Adams C. D.* (ed.) *Aeschines with an English translation*. London: W. Heinemann, 1919.
- Allan 2010** — *Allan R. J.* The Infinitivus pro Imperativo in Ancient Greek: The imperatival infinitive as an expression of proper procedural action // *Mnemosyne: A Journal of Classical Studies*. 2010. Vol. 63. No. 2. P. 203–228.
- Authenrieth 1999** — *Authenrieth G.* Wörterbuch zu den Homerischen Gedichten. Stuttgart und Leipzig, 1999.
- Bailly 2020** — *Bailly A.* Le dictionnaire grec–français. Paris. 2020. URL: <https://bailly.app/>
- Bechtel 1923** — *Bechtel F.* Die griechischen Dialekte. Bd. 2. Berlin : Weidmann, 1923.
- Beekes 2010** — *Beekes R.* Etymological Dictionary of Greek. Leiden: Brill, 2010.
- Berneker 1964** — *Berneker E.* Hypothese // *K. Ziegler, W. Sontheimer* (Hrsg.) *Der Kleine Pauly. Lexikon der Antike*. Bd. 1. Stuttgart: Druckenmüller, 1964. S. 1285–1286.
- Bile 2016** — *Bile M.* La Crète (Paradeigmata. Recueil d’inscriptions grecques dialectales; VI/1). Paris: de Boccard, 2016.
- Blok, Krul 2017** — *Blok J. H., Krul J. H. E.* Debt and its Aftermath: The Near Eastern Background to Solon's Seisachtheia // *Hesperia*. 2017. Vol. 86. P. 607–643.
- Boas van, Huitink 2010** — *Boas van E., Huitink L.* Syntax // *E. J. Bakker* (ed.) *A Companion to the Ancient Greek language*. Chichester — Malden: Wiley — Blackwell, 2010. P. 176–192.
- Bradley, Cartledge 2011** — *Bradley K., Cartledge P.* Introduction // *K. Bradley, P. Cartledge* (eds.) *The Cambridge World History of Slavery*. Vol. 1. The Ancient Mediterranean World. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. P. 1–3.

Bravo 1974 — *Bravo B.* Une lettre sur plomb de Berezan': colonisation et modes de contact dans le Pont // *Dialogues d'histoire ancienne*. 1974. Vol. 1. P. 111–187.

Bücheler, Zitelmann 1886 — *Bücheler F., Zitelmann E.* Bruchstücke eines zweiten Gesetzes von Gortyn // *Rheinisches Museum für Philologie*. 1886. Neue Folge. Bd. 41. S. 118–133.

Butcher, Rennie 1921 — *Butcher S. H., Rennie W.* (eds.) *Demosthenis orationes*. Oxonii: E typographeo Clarendoniano, 1921.

Chadwick 1973 — *Chadwick J.* The Berezan lead Letter // *Proceedings of the Cambridge Philological Society*. New Series. 1973. Vol. 19 (199). P. 35–37.

Colorio 2013 — *Colorio A.* Riflessioni sul termine di adempimento delle obbligazioni garantite da enechyron // *Rivista di diritto ellenico*. 2013. Vol. 3. P. 39–63.

Colorio 2014 — *Colorio A.* Note in tema di esecuzione forzata pignoratizia nella Grecia antica // *Rivista di diritto ellenico*. 2014. Vol. 4. P. 71–98.

Dareste 1877 — *Dareste R.* Une loi éphésienne du premier siècle avant notre ère // *Nouvelle revue historique de droit français et étranger*. 1877. P. 161–178.

Davies 1996 — *Davies J. K.* Deconstructing Gortyn: When is a Code a code // *L. Foxhall, D. E. Lewis* (eds.) *Greek law in its political setting*. Oxford: Clarendon, 1996. P. 33–56.

Davies 2005 — *Davies J. K.* The Gortyn Laws // *M. Gagarin, D. Cohen* (eds.) *The Cambridge Companion to Ancient Greek Law*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. P. 305–327.

De Ste. Croix 1981 — *De Ste. Croix G. E. M.* *The Class Struggle in the Ancient Greek World*. Ithaca, NY: Cornell University Press 1981.

- Driver, Miles 1952** — *Driver G. R., Miles J. C.* The Babylonian Laws. Vol. 1. Oxford: Clarendon, 1952.
- Effenterre, Ruzé 1994** — *Effenterre van H., Ruzé F.* Nomima. Recueil d'inscriptions politiques et juridiques de l'archaïsme grec. Vol. I. Roma: École française de Rome, 1994.
- Effenterre, Ruzé 1995** — *Effenterre van H., Ruzé F.* Nomima. Recueil d'inscriptions politiques et juridiques de l'archaïsme grec. Vol. II. Roma: École française de Rome, 1995.
- Faraguna 2000** — *Faraguna M.* A proposito degli archivi nel mondo greco: terra e registrazioni fondiarie // *Chiron*. 2000. Bd. 30: P. 65–115.
- Fine 1951** — *Fine J. V. A.* Horoi: Studies in Mortgage, Real Security, and Land Tenure in Ancient Athens. Athens: American School of Classical Studies, 1951.
- Finley 1964** — *Finley M. I.* Between Slavery and Freedom // *Comparative Studies in Society and History*. 1964. Vol. 6 (1). P. 233–249.
- Finley 1973** — *Finley M. I.* Studies in Land and Credit in Ancient Athens, 500–200 B. C. The Horos-Inscriptions. Reprint of the 1952 ed. New York: Arno Press, 1973.
- Finley 1981** — *Finley M. I.* Economy and Society in Ancient Greece. London: Chatto & Windus, 1981.
- Frymer-Kensky 2001** — *Frymer-Kensky T.* Israel // *R. Westbrook, R. Jasnow* (eds.) Security for Debt in Ancient Near Eastern Law. Leiden: Brill, 2001. P. 251–263.
- Gagarin 2005** — *Gagarin M.* The Unity of Greek Law // *M. Gagarin, D. Cohen* (eds.) The Cambridge Companion to Ancient Greek Law. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. P. 29–40.
- Gagarin 2008** — *Gagarin M.* Writing Greek Law. Cambridge: Cambridge University Press, 2008.

Gagarin, Perlman 2016 — *Gagarin M., Perlman P.* The Laws of Ancient Crete c. 650–400 BCE. Oxford: Oxford University Press, 2016.

Guarducci 1950 — *Guarducci M.* Inscriptiones Creticae. IV. Tituli Gortynii. Roma: Libreria dello stato, 1950.

Genevrois 2017 — *Genevrois G.* Le vocabulaire institutionnel crétois d'après les inscriptions (VIIe — IIe s. av. J.-C.). Genève: Droz, 2017.

Harris 1988 — *Harris E. M.* When is a Sale Not a Sale? The Riddle of Athenian Terminology for Real Security Revisited // The Classical Quarterly. 1988. Vol. 38. No. 2. P. 351–381.

Harris 1993 — *Harris E. M.* Apotimema: Athenian Terminology for Real Security in Leases and Dowry Agreements // The Classical Quarterly. 1993. Vol. 43. No. 1. P. 73–95.

Harris 2002 — *Harris E. M.* Did Solon Abolish Debt-Bondage? // The Classical Quarterly. 2002. Vol. 52. P. 415–430.

Harris 2012 — *Harris E. M.* Hypotheca in Roman Law and ὑποθήκη in Greek Law // *B. Legras* (dir.) Transferts culturels et droits dans le monde grec et hellénistique. Paris: Éditions de la Sorbonne, 2012. P. 433–441.

Harris 2018 — *Harris E. M.* Some recent developments in the study of Ancient Greek Law // Journal of Ancient Civilizations. 2018. Vol. 33. P. 187–265.

Harrison 1968 — *Harrison A. R. W.* The Law of Athens. The Family and Property. Oxford: Clarendon Press, 1968.

Hitzig 1895 — *Hitzig H. F.* Das griechische Pfandrecht. München: T. Ackermann, 1895.

Isager, Skydsgaard 1995 — *Isager S., Skydsgaard J. E.* Ancient Greek Agriculture. An Introduction. London — New York: Routledge, 1995.

Jeffery 1963 — *Jeffery L. H.* The local scripts of archaic Greece. Oxford: Clarendon, 1963.

Koerner 1993 — *Koerner R.* Inschriftliche Gesetzestexte der frühen griechischen Polis. Wien: Böhlau, 1993.

Koschaker 1931 — *Koschaker P.* Über einige griechische Rechtsurkunden aus den östlichen Randgebieten des Hellenismus. Leipzig: Hirzel, 1931.

Kränzlein 1963 — *Kränzlein A.* Eigentum und Besitz im griechischen Recht der fünften und vierten Jahrhunderts v. Chr. Berlin: Duncker & Humblot, 1963.

Kränzlein 2010 — *Kränzlein A.* Schriften. Wien — Köln — Weimar: Böhlau 2010.

Kyrtatas 2011 — *Kyrtatas D. J.* Slavery and Economy in the Greek World // *K. Bradley, P. Cartledge* (eds.) The Cambridge World History of Slavery. Vol. 1. The Ancient Mediterranean World. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. P. 91–111.

Lewis 2015 — *Lewis D.* Slavery and Manumission // *E. M. Harris, M. Canevaro* (eds.) Oxford Handbook of Ancient Greek Law. Oxford: Oxford University Press, 2015. P. 1–17. URL:

<https://www.oxfordhandbooks.com/view/10.1093/oxfordhb/9780199599257.001.0001/oxfordhb-9780199599257-e-21>

Lewis 2017 — *Lewis D.* Review of: M. Gagarin, Perlman P. J. 2016: The Laws of Ancient Crete c. 650–400 BCE. Oxford // The Classical Review. 2017. Vol. 67. P. 133–134.

Liddell, Scott 1940 — *Liddell H. G., Scott R.* A Greek-English Lexicon. Revised and augmented throughout by Sir Henry Stuart Jones with the assistance of Roderick McKenzie. Oxford: Clarendon, 1940. URL: <https://logeion.uchicago.edu/λογεῖον>

Liddell, Scott 1996 — *Liddell H. G., Scott R.* Greek-English Lexicon. Oxford: Clarendon, 1996.

Link 1994 — *Link S.* Das griechische Kreta. Stuttgart: Steiner, 1994.

Lipsius 1915 — *Lipsius J. H.* Das Attische Recht und Rechtsverfahren. Leipzig: Reisland, 1915.

Maffi 2016 — *Maffi A.* Laws of Gortyn and their Cretan Context // *E. M. Harris, M. Canevaro* (eds.) Oxford Handbook of Ancient Greek Law. Oxford: Oxford University Press, 2016. P. 1–33. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780199599257.013.9

Manning 2001 — *Manning J.* Demotic Papyri // *R. Westbrook, R. Jasnow* (eds.) Security for Debt in Ancient Near Eastern Law. Leiden: Brill, 2001. P. 307–326.

Miller 1975 — *Miller A. P.* Notes on the Berezan Lead Letter // *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik.* 1975. Bd. 17. P. 157–160.

Mitteis 1891 — *Mitteis L.* Reichsrecht und Volksrecht in den östlichen Provinzen des römischen Kaiserreichs. Leipzig: R. G. Teubner, 1891.

Noussia-Fantuzzi 2010 — *Noussia-Fantuzzi M.* Solon the Athenian, the Poetic Fragments. Leiden — Boston: Brill, 2010.

Oelsner 2001 — *Oelsner J.* The Neo-Babylonian Period // *R. Westbrook, R. Jasnow* (eds.) Security for Debt in Ancient Near Eastern Law. Leiden: Brill, 2001. P. 289–305.

Pringsheim 1950 — *Pringsheim F.* *The Greek Law of Sale.* Weimar: Hermann Böhlhaus Nachfolger, 1950.

Radner 2001 — *Radner K.* The Neo-Assyrian Period // *R. Westbrook, R. Jasnow* (eds.) Security for Debt in Ancient Near Eastern Law. Leiden: Brill, 2001. P. 265–288.

Rodríguez Adrados, Rodríguez Somolinos 1980–2019 — *Rodríguez Adrados F., Rodríguez Somolinos J.* (eds.) Diccionario Griego-Español en línea. Madrid: Consejo Superior de Investigaciones Científicas, 1980–2019. URL: <http://dge.cchs.csic.es/xdge/>

Rubinstein 2018 — *Rubinstein L.* Summary Fines in Greek Inscriptions and the Question of «Greek Law» // *Perlman P.* (ed.) *Ancient Greek Law in the 21st Century.* Austin: University of Texas Press, 2018. P. 104–143.

Simon 1886 — *Simon J.* Zur Inschrift von Gortyn. Wien: C. Gerold's Sohn, 1886.

Szanto 1887 — *Szanto E.* Hypothek und Scheinkauf im griechischen Rechte // *Wiener Studien. Zeitschrift für klassische Philologie.* 1887. S. 279–296.

Swoboda 1905 — *Swoboda H.* Beiträge zur griechischen Rechtsgeschichte. Weimar: Hermann Böhlau Nachfolger, 1905.

Thumb 1932 — *Thumb A.* Handbuch der griechischen Dialekte. 1. Teil. Zweite erweiterte Auflage von E. Kieckers. Heidelberg: C. Winter, 1932.

Thür 2006 — *Thür G.* Die Einheit des «Griechischen Rechts». Gedanken zum Prozessrecht in den griechischen Poleis // *Dike.* 2006. Bd. 9. S. 23–62.

Thür 2008 — *Thür G.* Ownership and Security in Macedonian Sale Documents // *Harris E., Thür G.* (Hrsg.) *Symposion. Akten der Gesellschaft für Griechische und Hellenistische Rechtsgeschichte.* Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2008. Bd. 20. P. 173–187.

Veenhof 2001 — *Veenhof K.* The Old Assyrian Period // *R. Westbrook, R. Jasnow* (eds.) *Security for Debt in Ancient Near Eastern Law.* Leiden: Brill, 2001. P. 93–159.

Youni 1996 — *Youni M. S.* À propos de quatre inscriptions Olynthiennes. Quelques remarques sur la « Sûreté réelle » au 4ème s. av. J.–C. // *Tekmeria.* 1996. Vol. 2. P. 135–153.

Weiss 1923 — *Weiss E.* Griechisches Privatrecht auf rechtsvergleichender Grundlage. I. Allgemeine Lehren. Leipzig: F. Meiner, 1923.

Westbrook 2001 — *Westbrook R.* The Old Babylonian Period // *R. Westbrook, R. Jasnow* (eds.) Security for Debt in Ancient Near Eastern Law. Leiden: Brill, 2001. P. 63–92.

Westermann 1955 — *Westermann W. L.* The Slave Systems of Greek and Roman Antiquity. Philadelphia: American Philosophical Society, 1955.

Willels 1967 — *Willels R. F.* The Law Code of Gortyn. Berlin: de Gruyter, 1967.

Willels 1977 — *Willels R. F.* The civilization of ancient Crete. London: Batsford, 1977.

К проблеме понимания термина а́этаоуа- в Авесте

Анастасия Степановна Миксюк

Кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры международных отношений факультета международных отношений Белорусского государственного университета (Республика Беларусь), Минск, Беларусь, miksiukas@bsu.by, ORCID 0000-0002-5440-7856

Аннотация. Термин а́этаоуа относится к т. н. негативным авестийским терминам, обозначающим в Младшей Авесте *daēva Yasna*, т. е. «почитающих дэвов», представителей враждебных сил. Анализ контекста употребления термина позволяет сделать следующий вывод: так могли обозначаться преимущественно жрецы неавестийских культов, а также те, кто считал себя последователем Заратуштры, но при этом совершал ритуалы не в строгом соответствии с авестийской традицией и тем самым мог причинить вред общине и мирозданию.

Ключевые слова: а́этаоуа, Авеста, авестийское общество, Древний Иран, дэвопоклонники, зороастризм, ритуал

Understanding the term *aṣṣmaoya*- in the Avesta

Anastasiya S. Miksyuk

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor;
Associate Professor, Department of International Relations,
Faculty of International Relations, Belarusian State University
(Republic of Belarus), Minsk, Belarus, miksiukas@bsu.by,
ORCID 0000-0002-5440-7856

Abstract. The term *aṣṣmaoya* refers to the so-called negative Avestan terms, denoting in the Younger Avesta *daēvayasna*, i. e., “worshipping devas”, representatives of hostile forces. An analysis of the context allows us to draw the following conclusion: the term *aṣṣmaoya* was predominantly used for priests of non-Avestan cults, as well as those who considered themselves a follower of Zaratushtra, but performed rituals not in strict accordance with the Avestan tradition and thus could harm the community and the universe.

Keywords: *aṣṣmaoya*, Avesta, Avestan society, Ancient Iran, devo-worshippers, Zoroastrianism, ritual

Авеста является уникальным источником информации по ранней истории, социо- и политогенезу древних иранских народов. Значимость данных Авесты возрастает в том числе в связи с археологическими открытиями в Центральной Азии второй половины XX — начала XXI вв. Обнаруженные археологические культуры, поселения и отдельные артефакты требуют идентификации и

сопоставления с социальными реалиями Авесты. Однако, несмотря на многолетнее изучение авестийских текстов и солидное количество научных работ, многие аспекты авестологии остаются дискуссионными, а степень разработки различных проблем существенным образом отличается.

Вероятно, наименее разработанными среди прочих можно считать вопросы социального устройства авестийского общества. Социальные институты вошли в сферу интересов исследователей Авесты только в XX в. и нередко анализировались в контексте источниковедческой критики или лингвистических исследований. За более чем два столетия изучения Авесты в мировой историографии было издано всего несколько специальных работ, посвященных комплексной характеристике авестийского общества. При этом одной из наиболее значительных остается работа В. Гейгера «Востокиранская культура в древности», изданная еще в 1882 г. [Geiger 1882]. Такое положение дел связано как со спецификой авестийских текстов (уникальный язык, запутанная внутренняя хронология, жанровые особенности и др.), так и с утвердившимся в науке мнением об Авесте как о достаточно спорном, тенденциозном и нерепрезентативном источнике. Иллюстрацией последнего тезиса о «неисторичности» Авесты служит, к примеру, противопоставление «достоверных результатов лингвистики» и «темных вопросов о расе, религии и обычаях» А. Мейе [Алпатов 2010: 6].

Разумеется, мифотворческое сознание создателей Авесты наложило отпечаток на подбор материала, его структуру, терминологию, поскольку Авеста является, прежде всего, сборником ритуальных текстов. Однако, во-первых, любой миф выходит за рамки стандартных упрощенных формул. А, во-вторых, миф является социоцентричным по своему характеру и выступает в качестве первичного «средства концептуализации мира» [Мелетинский 2001: 24]. Таким образом, в мифе и ритуале находят отражение социальные реалии создавшего их общества, ментальные установки и особенности мировоззрения.

Данная статья посвящена исследованию и возможной интерпретации авестийского термина а́э́таоуа.

Словари авестийского языка уделяют рассматриваемому термину незначительное внимание. Так, в наиболее авторитетном словаре Хр. Бартоломэ термину посвящен один абзац: а́э́таоуа называется «распространителем еретического учения», «ложным учителем» [Bartholomae 1904: 161]. Другие словари дополняют это значение следующим образом: «тот, кто нарушает порядок», «еретик», «неправильно толкующий»; «демон, уничтожающий порядок» [Peterson 1995], «сбивающий с путей Арты = лжеучитель» [Соколов 1964: 305]. Таким образом, очевидна, негативная коннотация рассматриваемого понятия. Близкое значение термин имеет и в среднеперсидском языке: *ahlomōg* — «тот, кто запутывает истину» [Brunner 2011].

Морфологический разбор термина показывает, что он образован от индоиран. *Rta- (истина, порядок) и др.-инд. *mugh-/muh-* (заблуждение, затемнение). Следовательно, термин может быть переведен как «заблуждающийся в порядке (истине)».

Следует отметить, что понятие *Rta- является одним из ключевых в Авесте. В одних только Гатах термин упоминается более 150 раз, является составной частью многочисленных авестийских терминов. К примеру, *ašūō* («относящийся к истине», эпитет Сраоши), *ašavān* («последователь истины», «праведный», «благочестивый»), *ašo.išō* («ищущий истину») и др. Арта (аша) предстает одновременно и в роли многозначного абстрактного понятия («истина», «справедливость», «порядок», «праведность» и др.) [Bartholomae 1904: 229], и в роли божества, воплощающего указанные понятия. Таким образом, уже сам разбор термина позволяет установить, что *а́штаоуа* может быть отнесен к категории опасных, враждебных для авестийского общества, поскольку нарушение установленного порядка, который является основой мироздания и «руководством к действию» для каждого человека, может считаться серьезным проступком.

Обратимся далее к анализу текстов Авесты. Термин *а́штаоуа* не относится к числу часто встречающихся в Авесте, он употребляется менее чем в 30 случаях и только в Младшей Авесте (примерно поровну в Ясне, Яштах и Видевдате): Ясна 9, 18 и 31; Ясна 16, 8; Ясна 61, 4; Ясна 65, 8; Ясна 68, 8; Ясна 72, 4; Яшт 1, 10; Яшт 3, 7; Яшт 3, 10 и 14; Яшт 13, 105; Видевдат 4, 49; Видевдат 5, 35–36;

Видевдат 5, 38; Видевдат 9, 51–52; Видевдат 9, 56; Видевдат 12, 22–24; Видевдат 18, 11–12; Видевдат 21, 1.

Важно отметить два момента, существенно сужающих материал для анализа. Во-первых, некоторые фрагменты представляют собой цитаты и дословно дублируют друг друга (Ясна 16, 8 и Ясна 68, 8; Ясна 61, 4 и Ясна 72, 4; Видевдат 5, 36 и Видевдат 12, 22 и др.). Во-вторых, многие фрагменты являются более или менее стандартными списками разной величины, содержащими негативные фигуры, врагов авестийского общества, среди которых упоминается а́шэмаоуа (Ясна 61, 4; Ясна 65, 8; Ясна 72, 4; Яшт 1, 10; Яшт 3, 7 и 10 и др.).

Примером такого списка может быть следующая формула: ав. *daēvanam mašyānamca | yāθβam pairikanamca | sāθram kaoyam karafnamca | mairyanamca bizangranam | ašəmaoγanamca bizangranam | vəhrkanamca saθβarə.zangranam*, т. е. «дэвов и смертных, колдунов и ведьм, правителей, кави и карапанов, негодяев двуногих и *ашэмаогов* двуногих и волков четырехногих». Термин также перечисляется в аналогичных списках рядом с убийцами праведников и врагами праведников (ав. *ašavaγnamca ašava.ṭbaēšamca*), правителями многосмертными (ав. *sāstrahesa pouru.mahrkahe*), лживыми (ав. *drvataṃ*), неправильно мыслящими (ав. *araθβyō.mananḥa-*), неправильно говорящими (ав. *araθβyō.vacaṇha-*), неправильно действующими (ав. *araθβyō.šyaοθəna-*) (Ясна 61, 4; Ясна 72, 4), ворами (ав. *tāyu*), грабителями (ав. *hazaṇha-*), разбойниками (ав. *gaða-*),

колдунами, дословно — «движущимися» (ав. *yātav-*), зарывателями трупов (ав. *nasusrā*) и иными врагами авестийского общества (Ясна 65, 8).

Рассмотрим, каким образом создатели Авесты характеризуют а́э́таоуа. Для удобства сгруппируем основные характеристики по тематическому принципу:

- основные эпитеты: несправедность (ав. *apašaonō*), разрушитель мира (ав. *ahūm.mərəcō*) (Ясна 9, 31);
- осквернение огня, воды, хаомы и прочих благих творений; интересно отметить, что в этом смысле свойства а́э́таоуа сравниваются со свойствами мертвой материи, однако а́э́таоуа оскверняет благие творения уже при жизни (Видевдат 5, 36–37; Видевдат 12, 22–24);
- осквернение Гат, древнейшей части Авесты, авторство которой приписывается Заратуштре (Яшт 13, 105);
- против а́э́таоуа направлено действие хаомы, сакрального напитка, используемого в ритуале (Ясна 9, 31), а также мантр (Яшт 3, стихи 7, 10 и 14);
- убийства и грабежи: ав. *jvō gam varatām azaite | jvō narēm ašavanēm frazābaodaṇhēm spaθēm vīkərət.uštānēm*, т. е. «живой корову связанную уводит, живой человека праведного лишаящим чувств ударом, отделяющим душу, поражает» (Видевдат 5, 37);
- утверждение веры в мыслях и на словах (ав. *maš vasa*), но не в действиях (ав. *šyaonāiš*) (Ясна 9, 31);

- исполнение ритуалов очищения не в соответствии с правилами маздаяснийской веры, что приводит к болезням и смерти (Видевдат 9, 51–52);
- недействующее благословение, даже при произнесении сакральных слов (Видевдат 18, 11–12);
- соблюдение поста (Видевдат 4, 49) при том, что Авеста предписывает питаться для восполнения сил, чтобы совершать благие поступки (Видевдат 3, 33).

Итак, как видим, а́э́таоуа может быть охарактеризован преимущественно как человек, совершающий действия, идущие вразрез с религией Авесты: это насилие против мирных поселений, а также неверное понимание основ религии и, следовательно, неверное исполнение ритуалов. Последний момент требует более подробного рассмотрения.

Одно из наиболее важных правил авестийской ритуальной практики — это строгое соблюдение всех предписаний при совершении ритуала. Пока «договоренность» между жертвователями и божествами, являвшимися адресатами жертвы, выполнялась, мир находился в состоянии стабильности и порядка [Лотман 1981: 3–4]. Любое нарушение в порядке проведения ритуала могло привести к непредсказуемым последствиям. Среди таких последствий Авеста называет потерю расположения со стороны божества (Яшт 8, 60–61), болезни и смерть жертвователя (Видевдат 9, 51–52 и 56), вторжение вражеских армий (Яшт 8, 60–61). Поэтому все ритуалы, по Авесте, должны были проводиться лишь

жрецами, которые считались хранителями ритуальных знаний (Ясна 48, 3; Ясна 68, 12; Яшт 4, 10 и др.).

Если же ритуал совершал не истинный жрец, его следовало покарать смертью — только после этого благополучие могло вернуться в общину (Видевдат 9, 56). Символично, что в данном фрагменте в качестве несправедного жреца упоминается именно а́э́тао́у. В этой связи неудивительно, что тот, кто дает ашэмаоге выжимку сока хаомы или освященную жертву (ав. *myazda-*), приравнивается к тому, кто ведет тысячеконное войско на селение, почитающее бога Ахуру Мазду (Видевдат 18, 12). Как видим, к врагам авестийского общества и, по сути, к дэвопоклонникам (ав. *daēvayasna*) приравнивается не только сам а́э́тао́у, но даже те люди, которые предоставляют ему необходимый для проведения ритуала инвентарь или саму жертву.

Итак, можно утверждать, что термин а́э́тао́у использовался для обозначения того, кто проводит ритуал без знания правил или с намеренным их искажением. Таким образом, заблуждение, в котором находился а́э́тао́у отнюдь не выглядело безобидным и могло нанести серьезный вред ему самому, общине и всему мирозданию. С учетом того, что проводить ритуалы могли только жрецы, вероятно, термин а́э́тао́у мог обозначать жрецов неавестийских, дэвовских культов, т. е. тех, кто проповедовал ложное с точки зрения авестийского общества вероучение [Dhalla 1977: 268–269] или же людей, претендовавших на роль жреца, но не обладающих соответствующими знаниями и навыками. Еще

Дж. Дармштетер указывал, что данным термином могли обозначаться как демоны, так и смертные, которые неправильно совершали обряды [Darmsteter 1880: xl]. Однако контекст употребления термина в текстах Авесты позволяет установить принадлежность а́э́таоуа скорее к миру людей, чем сверхъестественных существ. По крайней мере, в источнике не упомянуто ни одно действие, которое не мог бы совершить смертный.

Высказывалось также мнение о том, что данным термином могли называться те, кто отказался от зороастрийской веры. Такое толкование термина соответствует часто встречающемуся в словарях и различных переводах Авесты варианту «еретик» [Mendoza Forrest 2011: 66]. Реалии Авесты не позволяют однозначно подтвердить или опровергнуть данное утверждение. Однако можно предположить, что среди «неправильно» совершающих ритуал жрецов могли быть и те, кто неверно понял учение Заратуштры или исказил его. Впрочем, связь а́э́таоуа с грабежами и разбоем (Видевдат 5, 37) делает его скорее «напарником» жрецов старых, дэвовских культов, кави (ав. kava) и карапанов (ав. karapā), которые как раз чаще всего связываются с нападениями на авестийские селения, захватом и уничтожением скота (Ясна 44, 20).

Таким образом, проведенный анализ позволяет утверждать, что авестийский термин а́э́таоуа может быть переведен как «искажающий порядок [ритуала]» и обозначает преимущественно жреца неавестийских,

дэвовских культов или человека, претендующего на роль последователя Заратуштры и жреца, но не имеющего соответствующих знаний и навыков, который выполнял ритуальные действия неверно и тем самым наносил вред общине и мирозданию в целом. Данное толкование объясняет причисление а́э́таоуа к числу наиболее значимых врагов авестийского общества.

Литература

Алпатов 2010 — *Алпатов В. М.* Книга А. Мейе глазами некомпаративиста // Вопросы языкознания. 2010. № 6. С. 3–15.

Лотман 1981 — *Лотман Ю. М.* «Договор» и «вручение себя» как архетипические модели культуры // Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. 1981. Вып. 513 (32). С. 3–4.

Мелетинский 2001 — *Мелетинский Е. М.* От мифа к литературе. М.: РГГУ, 2001.

Соколов 1964 — *Соколов С. Н.* Язык Авесты. Л.: изд-во Ленинградского университета, 1964.

Bartholomae 1904 — *Bartholomae C.* Altiranisches Wörterbuch. Strassburg: Verlag von Karl J. Trübner, 1904.

Brunner 2011 — *Brunner C. J.* AHLOMŌG // Encyclopaedia Iranica. URL: <http://www.iranicaonline.org/articles/ahlomog>. Дата обращения: 17.02.2022.

Darmsteter 1880 — *Darmsteter J.* The Vendidad. Introduction // Sacred Books of the East: in 50 vol. Vol. 4: The Zend Avesta, Part I / tr. by J. Darmesteter. Oxford: Oxford University Press, 1880. P. XI–CII.

Dhalla 1977 — *Dhalla M.* History of Zoroastrianism. New York: AMS Press, 1977.

Geiger 1882 — *Geiger W.* Ostiranische Kultur im Altertum. Erlangen, 1882.

Mendoza Forrest 2011 — *Mendoza Forrest S. K.* Witches, Whores, and Sorcerers: The Concept of Evil in Early Iran. Austin: University of Texas Press, 2011.

Peterson 1995 — *Peterson J. H.* Dictionary of most common Avesta words // Avesta — Zoroastrian Archives. URL: <http://avesta.org/avdict/avdict.htm>. Дата обращения: 16.02.2022.

История Анатолии раннего железного века: проблема согласования данных письменных и археологических источников

Анастасия Игоревна Мищенко

Студентка магистратуры программы "Античная и восточная археология" НИУ ВШЭ ИКВИА, Москва, Россия, aimischenko_3@edu.hse.ru, ORCID 0000–0002–9653–321X

Аннотация. В статье рассматривается достаточно трудный для реконструкции период истории древней Анатолии, наступивший после падения Хеттского царства. Для лучшего понимания этого исторического этапа была проведена систематизация и подробный анализ письменных источников анатолийского и внеанатолийского происхождения, упоминающих Анатолийский регион в XII–IX вв. до н. э. Сравнение имеющихся письменных свидетельств с материалами, полученными в ходе раскопок ряда анатолийских теллей, позволило более комплексно подойти к изучению раннего железного века в Анатолии.

Ключевые слова: ранний железный век Анатолии, падение Хеттского царства, археология Анатолии.

History of Anatolian Early Iron Age: the problem of correlation between written sources and archaeological data

Anastasia I. Mishchenko

Master student, The HSE Institute for Oriental and Classical Studies, Moscow, Russia, aimischenko_3@edu.hse.ru, ORCID: 0000-0002-9653-321X

Abstract. This article examines a rather difficult period for the reconstruction of the history of ancient Anatolia, which came after the fall of the Hittite Kingdom. To better understand this historical time frame, it is necessary to systemize and analyze in detail the written sources of Anatolian and non-Anatolian origin, which mention the Anatolian region in the XII–IX centuries B.C. A comparison of the available written evidence with the data obtained during the excavation of several ancient Anatolian settlements allowed a more complete approach to the study of the Early Iron Age Anatolia.

Keywords: Early Iron Age in Anatolia, the fall of the Hittite Kingdom, Anatolian archaeology.

История Анатолии в период раннего железного века (после краха Хеттской империи в начале XII в. до н. э.) во многом все еще остается загадкой для исследователей. Связано это прежде всего с тем, что хеттская письменность исчезла, а вместе с ней — колоссальный объем документации, литературы и корреспонденции, освещавших политическую, социальную, религиозную и другие стороны жизни данного государства, занимавшего в XIV–XIII вв. до н. э. большую часть Малой Азии. В связи с

утратой огромного пласта информации — в первую очередь в виде непосредственно хеттских письменных свидетельств — историческая реконструкция событий, имевших место в древней Анатолии XII–X вв. до н. э., представляется затруднительной.

Тем не менее, в распоряжении историков есть ряд других письменных источников, при помощи которых можно воссоздать историю этого региона эпохи раннего железного века. Их можно условно поделить на две группы: анатолийского и неанатолийского происхождения. Кроме того, в настоящее время наука располагает большим объемом археологических данных, накопленных за последние десятилетия в ходе раскопок на территории современной Турции. Сравнительно малый корпус письменных свидетельств, несомненно, оставляет множество пробелов в истории, которые, однако, могут быть заполнены информацией, полученной именно благодаря этим археологическим материалам.

Основная задача данной статьи состоит в том, чтобы обозначить несколько проблем, которые возникают при сопоставлении двух вышеуказанных типов источников. Эти затруднения связаны прежде всего с региональной и методологической спецификой.

Достаточно четкое представление об истории Анатолии непосредственно после падения Хеттского царства складывается в основном благодаря письменным источникам неанатолийского происхождения. К ним относятся в первую очередь египетские письменные свидетельства, такие как надпись фараона Мернептаха из

Карнака и надпись египетского царя Рамсеса III из погребального храма в Мединет-Абу. В надписи Рамсеса III, помимо всего прочего, говорится о потоке племен «народов моря», который смел Хеттскую державу и другие государства в ходе своего продвижения по Восточному Средиземноморью. Стоит отметить, что археологические исследования последних лет показывают несколько иную картину. Согласно им, эти миграции не имели сверхагрессивного характера и не играли столь важную роль в формировании нового социального и политического порядка в Анатолии [Yakar 2019: 538].

Результаты раскопок слоев раннего железного века в центральной области Анатолии продемонстрировали, что крупные поселения (такие как Гордион, Каман-Калехёюк и Хаттуса / Богазкёй) продолжали свое существование после катастрофы позднебронзового века без какого-либо hiatusа [Kealhofer 2009: 277]. Показательными являются выводы, сделанные в ходе исследования бывшей столицы Хеттского царства, Хаттусы. Долгое время результаты раскопок в этом регионе пытались подвести под исторический нарратив «уничтожений и захватов». Однако изучение Юргеном Зеером и Андреасом Шахнером слоев раннего железного века в районе Нижнего города и Бююккая, а также керамического материала, найденного во время раскопок, подтверждает, что в реальности ситуация была гораздо сложнее, чем мы можем себе представить, опираясь исключительно на неанатолийские письменные источники. Так, например, зафиксировано сохранение

хеттских традиций керамического производства в поселении времени раннего железного века на скале Бююккая в пределах Хаттусы в течение как минимум двух поколений. Пусть качество производимой керамики было и хуже, она всё же сохраняла типичные для имперского периода формы и изготавливалась с использованием гончарного круга [Seeher 2001: 633]. Впоследствии, впрочем, в типах изготавливаемой керамики происходят изменения. Однако изменения эти не были внезапными, а появление в Бююккая локального производства лепной керамики, орнаментированной геометрическими мотивами, ряд исследователей связывает скорее с возрождением местных традиций, нежели с пришлым элементом [Genz 2003: 181].

Безусловно, перемещение племён из европейско-балканского региона в Малую Азию привнесло свой вклад в становление нового порядка, однако оценка масштабов этого влияния представляется затруднительной. Определенные изменения в материальной культуре (прежде всего в керамическом производстве), зафиксированные на поселениях Центральной Анатолии, скорее всего, сопряжены с мирными миграциями и постепенной диффузией пришлых культурных элементов, что подтверждается исследованиями не только на крупных поселениях, таких как Гордион, Хаттуса и т.д., но и на более мелких памятниках вроде Чадыр-хёюка [Yakar 2019: 539].

Кроме того, достаточно тяжело точно соотнести известные нам из письменных свидетельств этнонимы с

отдельными элементами материальной культуры. Особенно остро эта проблема стоит в отношении известных нам из хеттских текстов касков, которые наравне с «народами моря» сыграли определенную роль в преобразовании Анатолии в раннем железном веке. К сожалению, до сих пор не известно, что именно представляет из себя археологическая культура касков [Glatz 2005: 56].

Помимо этого, при сопоставлении двух типов источников возникает проблема хронологии. Традиционно история древних обществ бронзового и железного века Передней Азии восстанавливается на основе прежде всего ассирийских и египетских материалов. Это также касается Анатолии и Северной Сирии периода раннего железного века. Слои многих поселений, впоследствии вошедших в конгломерат сиро-анатолийских городов-государств, порой датировали несколькими веками позже вслед за новоассирийскими письменными свидетельствами IX—VIII вв. до н. э., в которых они уже представляли сформированными государственными образованиями [Osborne 2021: 25]. Сейчас же происходит активная передатировка и, соответственно, «удревнение» слоев раннего железного века на многих поселениях, в частности, например, в Телль-Тайнат [Welton 2019: 292].

Что же касается южной и восточной частей Центральной Анатолии, здесь мы располагаем достаточно крупным корпусом лувийских иероглифических надписей. Казалось бы, анатолийские источники должны более

подробно и реалистично отражать ситуацию, сложившуюся в этом регионе в эпоху железного века. Однако эти материалы, как и неанатолийские, не в полной мере описывают данный период. Подобно ассирийским письмам, лувийские надписи сконцентрированы в первую очередь на политическом аспекте, что затрудняет реконструкцию других аспектов общественной жизни. Исключение составляет небольшое количество свинцовых пластинок из Кулулу, на которых на лувийском записаны торговые транзакции. На основе этих находок можно частично выявить особенности экономической жизни региона [Osborne 2021: 21].

Тем временем, археология показывает, что существенную роль сыграла сеть мелких поселений, устойчивость которых после катастрофы позднебронзового века поспособствовала формированию стержня общественной жизни в Анатолии [D'Alfonso 2020: 105].

Несмотря на все обозначенные в настоящей статье проблемы, соотнесение письменных источников и археологических данных с целью реконструкции анатолийской истории периода раннего железного века является достаточно перспективным. Благодаря ежегодно появляющимся надписям и археологическим материалам, полученным в ходе раскопок в разных областях Анатолии, концепция «Темных веков» применительно к раннему железному веку в этом регионе едва ли выдерживает критику.

Так, невзирая на сантименты о трудностях в сопоставлении письменных и археологических данных, на

мой взгляд, синтез этих двух подходов может помочь нам лучше понять отдельные аспекты жизни различных обществ Анатолии в раннем железном веке. Однако на данном этапе, прежде чем соотносить группы источников, необходимо систематизировать новые археологические материалы, обязательно учитывая как их региональную специфику, так и особенности письменных свидетельств с филологической и исторической точек зрения.

Литература

D'Alfonso 2020 — *D'Alfonso L.* An Age of Experimentation: New thoughts on the multiple outcomes following the fall of the Hittite empire after the results of the excavations at NİĞDE-KINIK HÖYÜK (South Cappadocia) // *S. de Martino, E. Devecchi* (eds.) *Anatolia between the 13th and the 12th Century BCE* (Eothen; 23). Firenze: LoGisma, 2020. P. 95–116.

Genz 2003 — *Genz H.* The Early Iron Age in Central Anatolia // *B. Fischer, H. Genz, É. Jean, K. Köroğlu* (eds.) *Identifying Changes: The Transition from Bronze to Iron Ages in Anatolia and its Neighbouring Regions*. Istanbul: Türk Eskiçağ Bilimleri Enstitüsü, 2003. P. 179–191

Glatz 2005 — *Glatz C., Matthews R.* Anthropology of a Frontier Zone: Hittite-Kaska Relations in Late Bronze Age North-Central Anatolia // *Bulletin of the American Schools of Oriental Research*. 2005. Vol. 339. P. 47–65.

Kealhofer 2009 — *Kealhofer L. et al.* Post-collapse: the re-emergence of polity in Iron Age Boğazköy, Central Anatolia // *Oxford Journal of Archaeology*. 2009. Vol. 28. No 3. P. 275–300.

Osborne 2021 — *Osborne J. F.* The Syro-Anatolian City-States: An Iron Age Culture. Oxford: Oxford University Press, 2021.

Seeher 2001 — *Seeher J.* Die Zerstörung der Stadt Hattuša // *G. Wilhelm* (Hrsg.) Akten des IV. Internationalen Kongresses für Hethitologie, Würzburg, 4.–8. Oktober 1999 (Studien zu den Boğazköy-Texten; 45). Wiesbaden: Harrassowitz, 2001. S. 623–634.

Welton 2019 — *Welton L. et al.* Shifting networks and community identity at Tell Tayinat in the Iron I (ca. 12th to mid 10th century BCE) // *American Journal of Archaeology*. 2019. Vol. 123. No. 2. P. 291–333.

Yakar 2019 — *Yakar J.* The Ethno-Cultural Diversity of Central Anatolian Early Iron Age Inhabitants // *P. S. Avetisyan, R. Dan and Y. H. Grekyan* (eds.) *Over the Mountains and Far Away*. Oxford: Archaeopress, 2019. P. 537–543.

Хеттская стратегия и тактика в отношении касков по данным оракула KUB 5.1+

**Дмитрий Сергеевич Симонов¹, Владимир Юрьевич
Шелестин²**

¹ Институт языкознания Российской академии наук,
Москва, Россия, dmitriy.s.simonov@gmail.com, ORCID:
0000–0001–9533–967X

² Кандидат исторических наук, научный сотрудник,
Институт востоковедения Российской академии наук,
Москва, Россия, vshelestin@ivran.ru, ORCID: 0000–0002–
9168–4000

Аннотация. В новохеттский период одним из наиболее напряжённых направлений внешней политики Хеттского царства было каскское. Текст оракула KUB 5.1+ является интересным и недостаточно изученным примером ненарративных источников, описывающих характер военных кампаний хеттских царей на этом направлении. В докладе проводится новый анализ этого текста, выявляются как его особенности в ряду других хеттских оракулов, так и возможности уточнить характер хеттско-касского взаимодействия в XIII в. до н. э.

Ключевые слова: внешняя политика, военная стратегия, военная тактика, каски, оракул, Хеттское царство.

Благодарности: Часть исследования, выполненная Д. С. Симоновым, поддержана грантом РНФ 18–18–00503. Часть исследования, выполненная В. Ю. Шелестиным,

поддержана грантом Президента Российской Федерации
№ МК–5711.2021.2.

Hittite strategy and tactics concerning Kaskeans according to the oracle KUB 5.1+

Dmitry S. Simonov¹, Vladimir Yu. Shelestin²

¹ Institute of Linguistics of the RAS, Moscow, Russia,
dmitriy.s.simonov@gmail.com, ORCID: 0000–0001–9533–
967X

² PhD in History, Researcher, Institute of Oriental Studies of
the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,
vshelestin@ivran.ru, ORCID: 0000–0002–9168–4000

Abstract. In the New Hittite period, one of the most intense areas of the foreign policy of the Hittite kingdom was that of Kaška. The text of the oracle KUB 5.1+ is an interesting and insufficiently studied example of non-narrative sources describing the nature of the military campaigns of the Hittite kings in this direction. The report provides a new analysis of this text, reveals both its features in a number of other Hittite oracles, and the possibilities to clarify the nature of the Hittite-Kask interaction in the 13th century BC.

Key words: foreign policy, military strategy, military tactics, Kaška, oracle, Hittite kingdom.

Acknowledgments: The research by D. S. Simonov was supported with the grant of the Russian Science Foundation, Project № 18–18–00503. The research by V. Yu. Shelestin was supported with the Presidential grant for young scholars № МК–5711.2021.2.

Известно, что хетты обращались к помощи гаданий для принятия самых разных решений, причём как сугубо

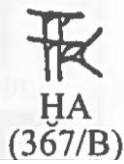
частных, бытовых, так и общегосударственных. В частности, оракулы использовались для определения перед военной кампанией наилучшего алгоритма ведения боевых действий. Описания таких гаданий являются крайне любопытным источником, который совмещает в себе политическое и религиозно-обрядовое начала и показывает, как эти две стороны хеттской жизни влияли друг на друга. Важно учитывать, что описания походов и битв в официальных надписях царей, как правило, показывают лишь конечную реализацию этих планов. А специальных текстов по стратегии и тактике наподобие «Стратегем» Фронтинна хетты, по-видимому, не создавали. Поэтому подобные гадательные записи имеют для хеттологов особую ценность: они хорошо отражают механизмы военного планирования.

В качестве источника, на котором базировалось исследование, был выбран KUB 5.1+52.65 (далее — просто KUB 5.1+), составляющий часть комплекса табличек и их фрагментов под наименованием СТН 561. KUB 5.1+ считается одним из наиболее полно сохранившихся хеттских гадательных текстов — а ведь хетты обычно уничтожали те записи гаданий, которые по разрешению искомой ситуации теряли актуальность [Beal 1999: 41; van den Hout 2020: 156]. Благодаря объёму и относительной полноте информации KUB 5.1+ порой даже использовался как образцовый текст для исследования алгоритмов работы хеттов с оракульными запросами [Orlamünde 2001a: 296]. Из семи-восьми видов хеттских гаданий, которые обычно

выделяются исследователями [Баюн 1998: 34–36; Warbinek 2020: 34–36], в источнике задействовано целых два. Это KIN (гадание по жребью или, как его ещё называют, гадание по гадательным фишкам) и SU (экстиспиция, т. е. гадание по внутренностям животных, иногда также называемое гаданием по «плоти»). Такое сочетание само по себе интересно, так как часто в рамках отдельного текста фигурирует лишь один тип гаданий. Первое из этих гаданий в тексте KUB 5.1+, как и вообще в гадательной практике хеттов [Warbinek 2020: 37], проводила особая жрица, т. н. «Старая Женщина» (^{MUNUS}SU.GI) [Marcuson 2016], а второе — опять же, как и в остальных текстах [Warbinek 2020: 37] — прорицатель-мужчина (^{LÚ}HAL). Правда, наряду с этим прорицателем в гадании SU участвует и некий авгур (^{LÚ}IGI.MUŠEN), что странно, учитывая, что в тексте нет ни слова о гадании MUŠEN (то есть об орнитомантии — наблюдении за полётом птиц), а авгуры участвуют почти исключительно в них [Баюн 1998: 34–35; Warbinek 2020: 37].

Прежде всего, стоит осветить вопрос палеографии. Если попытаться определить клинописный пошиб на основе показательных знаков, которые выделяет Ш. Гордин [Gordin 2015: 90–91], то окажется, что половина (а если считать вместе с джойном, то вообще 2/3) из этих шести знаков будет представлена в новохеттском пошибе. При этом частота их встречаемости именно в новохеттских вариациях не всегда велика: для двух — более 85 случаев, зато для других двух — менее пяти случаев для каждого. Другие варианты знаков, соответствующие более древним

этапам развития хеттской клинописи, встречаются часто только у трёх тех же шести знаков, а у остальных трёх — крайне редко. Как бы то ни было, активное употребление хотя бы некоторых поздненовохеттских вариантов знаков подтверждает общие¹ хронологические рамки: примерно период правления в Хеттском царстве Хаттусили III и Тудхалии IV [Beal 1999: 41]. Но при этом автор (просто ли в силу писцовой традиции, из-за опоры ли на предыдущие аналогичные тексты или по другой причине) употребляет хотя бы несколько раз каждый из этих показательных знаков в нескольких формах. Подробнее о палеографических особенностях текста см. в таблице:

Знаки, показательные для выявления поздненовохеттского пошиба (по [Gordin 2015: 91])	Примеры поздненовохеттского пошиба (фрагменты автографии и фотографий ²)	Примеры других пошибов (фрагменты автографии и фотографий)
	 (в остальных 92 случаях — если	 (в одном случае в строке I 91)

¹ Но не точечные: о них мы скажем отдельно ниже.

² Для основного текста, т. е. собственно KUB 5.1 —

<https://www.hethport.adwmainz.de/fotarch/bildausw2.php?n,Bo%202007&x,318b2bfa36cbe50bf5b5e7c8231ac12b;> для Bo 907 —

<https://www.hethport.adwmainz.de/fotarch/bildausw2.php?n,Bo%20907&x,d68e1dd734f12c20b59419074ad7e919>

	включать в их число варианты знака, где винкельхакен стоит в верхней его части, как в приведённом здесь образце; в любом случае, оба эти подварианта в равной степени отличаются от тех, где вместо винкельхакена употреблена горизонталь)	
	нет употреблений	 (в двух случаях — достоверном в строке IV 49 и дискуссионном (из-за лакуны) в IV 67; размер первой, одиночной вертикали во втором случае больше, а сама она частично пересекает горизонталь (в отличие приведённого образца) — но в целом это можно считать одним типом знака, который наличием этой вертикали отличается от поздневохеттского варианта)

 UN (197/8)	 (в одном случае в строке II 86)	 (в остальных 3 случаях)
 QA (21/B, 6f.)	 (в 3 случаях — по одному в строках I 53, I 54 и I 70; возможно, иллюзия, создавшаяся из-за сколов или иных дефектов таблички)	 (в остальных 46 случаях)
 DI (312/8ff.)	нет употреблений	 (в 21 случае — если включать в их число ошибочные либо своеобразные написания этого варианта: только с одной видимой горизонталью из обычных двух (I 106) или с тремя, как в знаке KI (II 19); подобные вариации в HZL не прописаны как особые варианты, а потому, видимо, не должны таковыми считаться)

		[Rüster, Neu 1989: 246–247])
 KI (313/19-26)	 (в 4 случаях — по одному в строках 1, 5, 9 и 14 из Во 907, который является джойном ко второй колонке; если учесть, что эти 4 случая и есть все употребления знака KI в рамках Во 907 и что вне него такой вариант знака в KUB 5.1+ не засвидетельствован, то есть повод предполагать иные происхождение и датировку джойна)	 (в остальных 103 случаях — если включать в их число ошибочные либо своеобразные написания этого варианта: в конце I 46, с двумя рядами двойных горизонталей, как в знаке AB, а в II 27 — с некими дополнительными элементами впереди; подобные вариации в HZL не прописаны как особые варианты, а потому, видимо, не должны таковыми считаться [Rüster, Neu 1989: 247–248])

Как и другие тексты, фиксирующие ход проведения оракулов KIN и SU, выбранный источник отражает характерные текстовые особенности этих видов гаданий. В этом смысле наиболее показательны гадательные «акторы» («субъекты») и «объекты» — названия оракульных фишек в KIN³. Такие наименования могут быть: 1) чисто шумерографическими/аккадографическими; 2) в виде

³ В SU всё иначе, о чём ещё будет сказано.

шумерограмм/аккадограмм с хеттским фонетическим комплементом; 3) полностью слоговыми (иногда в виде сокращений). Но для категоризации терминов для оракула KIN нам представляется более удобным смысловой принцип различия этих терминов: 1) связанные с войной, 2) связанные с богами и культом, а также 3) «объекты» и «акторы» общего характера. В рамках каждой категории мы будем особо оговаривать термины, использование которых каким-либо образом выбивается из общих для KIN тенденций и присуще именно KUB 5.1+. Не будем усложнять классификацию сверх необходимого и членить фишки на «акторов» и «объектов», так как многие из них могут выступать в разных случаях то в одном, то в другом качестве — а то, какие фишки выступают лишь в одной функции и почему, потребовало бы отдельного исследования, выходящего за рамки заданной темы и выбранного источника [Orlamünde 2001a: 303–305].

К терминам, напрямую связанным с военными действиями, можно отнести: ^{LÚ}KÚR (*kurur-*) ‘враг’ (KUB 5.1 ЛС I 4, 9, 22, 31, 58 и др.), KASKAL (*palša-/palši-*) ‘поход, кампания’ (KUB 5.1 ЛС I 4, 17, 18, 51, 56 и др.), ^{GIŠ}TUKUL ‘оружие’ (KUB 5.1 ЛС I 10, 18, 22), KARAŠ(𐎧𐎶) (*tuzzi-*) ‘войско/-а’ (KUB 5.1 ЛС I 21, 26, 44, 45(b), 47 и др.), MÈ (*zaḥḥai-*) ‘битва’ (KUB 5.1 ЛС I 21, 22, 56, 58, 67 и др.). Особняком стоит связанный не с самой войной, а с её мирным урегулированием *takšul* ‘мирный

договор' (KUB 5.1 ЛС I 82, II 21, ОС III 36, 74), о котором, впрочем, Варбинец прямо пишет, что это — термин, встречающийся именно в такого рода гаданиях [Warbinek 2020: 65]. Все перечисленные фишки входят в таблицу «универсальных» фишек для оракулов KIN, представленную в работе Варбинца [Warbinek 2020: 50–53]. Правомерность отнесения KASKAL и MÈ к чисто военной категории является дискуссионной: ведь у Варбинца они проходят как наименования, которые можно встретить в гаданиях KIN вообще, а не только в «военизированных». Из не слишком частотных фишек, которые встречаются в KUB 5.1+, можно в этом разделе можно ещё сказать о LÚ.MEŠ^{URU}GIDRU ‘хетты’ (KUB 5.1 ЛС I 6(a), 57, 63, 67, 69 и др.). Вне контекста событий на внешнеполитической арене хеттам нет резона представлять себя в гаданиях в качестве отдельной группы, так как в самом таком выделении заложено, на наш взгляд, противопоставление хеттов остальным народам. В том же ключе стоит толковать KUR (*udne-*) ‘страна, земля’ (KUB 5.1 ЛС I 22, 90, II 9(a), 12, 44 и др.), которое часто встречается в текстах в составе различных сочетаний и редко — само по себе. Имя хеттского военачальника Темети (вероятно, каска по происхождению), всего один раз выступившее в качестве названия гадательной фишки (KUB 5.1 ОС III 91), а также «землю Хахарва», которая тоже в единичном случае фигурирует в таком качестве (KUB 5.1 ЛС I 3), можно тоже так указать здесь, но уже как сугубо контекстных «актеров».

Категорию «божественных» фишек составляют: DINGIR-LIM/DINGIR.MEŠ (*šiu-*) ‘бог(и)’ (KUB 5.1 ЛС I 3, 6(a), 12, 13, 17 и др.), DINGIR.МАЃ (*Ḫannaḫana-*) ‘богиня-мать (Ханнаханна)’ (KUB 5.1 ЛС I 4, 45(a), 97, 106, II 11 и др.), ^dUTU AN^E (*nepišaš ištanu-/aštanu-*) ‘небесное божество Солнца’ (KUB 5.1 ЛС I 14, 21, 39, 68, 103 и др.), ^dU (*Tarḫunt-*) ‘бог Грозы (Тархунт)’ (KUB 5.1 ЛС I 17, 57, 63, 66, II 25 и др.), ^dZA.BA₄.BA₄ ‘(бог) Забаба’ (KUB 5.1 ЛС I 17, 57, 63, 66, 81), ^dNAM ‘божество Рока, Смерти’ (KUB 5.1 ОС III 2, 9, 21). Если говорить о связи не непосредственно с богами, а с религиозно-культовой стороной жизни, то к этому перечню можно добавить: NINDA.KUR₄.RA ‘(плотный) хлеб’ (KUB 5.1 ЛС I 38, ОС III 5), *išpatuzi* (вариант от *išpanduz(z)i-*) ‘сосуд для возлияний’ (KUB 5.1 ЛС I 38, ОС III 5), *mukīššar* ‘ритуал вызывания (божества?)’ (KUB 5.1 ЛС II 3, 43, ОС III 45, 58, 99), INIM (*temiya-*) ‘дело’ (в данном контексте — «план»; KUB 5.1 ОС III 91). Проблема с первыми двумя позициями аналогична проблеме с «битвой» и «походом» в предыдущей категории, так как у Варбинека они отнесены к общим терминам.

Специально оговорим случай с термином NU.SIG₅ GISKIM ‘неблагоприятное предзнаменование’ (KUB 5.1 ОС III 73, 94): такое выражение встречается в оракулах KIN часто, а вот параллельное ему выражение ḪUL GISKIM (*idalu- šagai-*) ‘злое предзнаменование’ (KUB 5.1 ОС III 17), видимо, характерно именно для этого текста. Если же снова говорить о тех фишках, которые

встречаются не так часто, то в тексте есть ^dUTU ^{URU}Ištaḫara ‘солнечное божество города Истахара’ (KUB 5.1 ЛС II 106). Особая ситуация с городом Нерик, который, подобно имени Темети (см. выше), не раз упоминается в тексте, но в честь которого только один раз назвали гадательную фишку (KUB 5.1 ОС III 86). Если смотреть на упоминания топонима, то становится ясно, что его роль в представленном контексте вовсе не военно-стратегическая, а религиозная. Известно, что Нерик был одним из важнейших культовых центров хеттского государства, «резиденцией» бога Грозы, фигурировавшего в нескольких важных мифах и основанных на них праздниках. В тексте есть прямые указания на то, что царь должен был идти в поход тогда, когда «закончит исполнять свои обязанности в Нерике». Неоднократно упоминается и тот самый бог Грозы города. Так что этого «актора» имеет смысл причислить к группе религиозных.

Что же касается терминов общего характера, то их список приводится здесь с опорой на Варбинека [Warbinek 2020: 49], хотя и не полностью совпадает с предложенным им: SILIM-ul (*aššul*) ‘благополучие, благосклонность, добро’ (KUB 5.1 ЛС I 9, 12, 44, 51, 62 и др.), *karpī*- ‘гнев’ (KUB 5.1 ЛС II 23, ОС III 18), *minumar*(-/^{HA}) ‘доброта, милость/доброты, милости’ (KUB 5.1 ЛС II 9(a), ОС III 42), IZI (*paḥḫur*-) ‘огонь’ (KUB 5.1 ЛС I 28, 33, 100, ОС III 45, 83 и др.), PAp-numar (*paḥṣanumar*) ‘защита’ (KUB 5.1 ЛС I 4, 31, 98, ОС III 7, 86 и др.), *pa.-za* (*pankuš-za*)/*pa.-i* (*panga-wi*) ‘собрание/-ю’ (KUB 5.1 ЛС I 10, 13, 17, 33, 36 и др.),

(*šalli-*) *waštul* ‘(великое) прегрешение’ (KUB 5.1 ЛС I 6(a), 33, 67, 82, II 76(?)⁴ и др.), GIG.(GAL/TUR) (*šalli-/kappi-*) *ištarni(n)kai-* ‘(тяжёлое/лёгкое) заболевание’ (KUB 5.1 ЛС I 18, 38, 48, 66, 76 и др.), GÜB-*tar* (*ipalatar*(?)) ‘неправильность’ (KUB 5.1 ЛС I 6(a), 10, 26, 47, 100 и др.), ҲUL-(*lu*/ҲUL-*wan(t)-* (*idalu-/idalawant-*) ‘зло’ (KUB 5.1 ЛС I 28, 48, 93, II 8, 23 и др.), LUGAL (*haššu-*) ‘царь’ (KUB 5.1 ЛС I 2, 10, 12, 18, 25 и др.), TI-*tar* (*huišwatar*) ‘жизнь’ (KUB 5.1 ЛС I 3, 17, 29, 35, 44 и др.), ZAG-*tar* (*kunnatar*) ‘правильность’ (KUB 5.1 ЛС I 2, 4, 12, 13, 18 и др.), ZALAG.GA (*lalukkima-*) ‘свет’ (KUB 5.1 ОС IV 68, 87), ADAMMA⁵ (*ešḫar-*) ‘кровь’ (KUB 5.1 ЛС I 2, 51, II 7, ОС III 96, IV 89). В контексте исследуемого источника имеет смысл дополнить этот универсализованный список общими терминами, которые характерны именно для него и которые, согласно таблице Варбинека [Warbinek 2020: 50–53], нередко и в других оракульных записях KIN: DU₈ (*la-/lai-*) ‘освобождение’ (KUB 5.1 ЛС I 4, 28, 31, 58, 64 и др.), MU (*wi(t)t-*) ‘год’ (KUB 5.1 ЛС I 4, 9, 45(a), 47, 103 и др.), ^{GIŠ}DAG (^{GIŠ}*halmašuit-*) ‘престол’ (KUB 5.1 ЛС I 9, 14, 35, 97, II 11 и др.), *innarawatar*

⁴ Спорно, так как здесь в лакуне и могло изначально быть особое выражение «скрытое злодеяние», о котором мы отдельно говорим ниже.

⁵ СМНД указывает, правда, что тут возможен не только аккадский, но и аналогичный хеттский слоговой вариант чтения: *adamma-* / *atamma-* [Ünal 2007: 7].

‘жизненная энергия’ (KUB 5.1 ЛС I 28, 41, 83, II 71, ОС III 15 и др.), А.А (*muwa-*) ‘сила’⁶ (KUB 5.1 ЛС I 57, 66, ОС III 25, 72). Реже встречаются EGIR.UD (*ziladuwa-*) ‘будущее’ (KUB 5.1 ЛС II 26) и *tarnumar* ‘разрешение, уступка’ (KUB 5.1 ОС III 69, 75). Особым понятием является SUD-li (*šannapili-*) ‘пустота’ (KUB 5.1 ЛС I 18, 42, 58, 64, II 21 и др.): эта фишка имела некую нейтрализующую силу в отношении как положительного, так и отрицательного результата гаданий [Баюн 1998: 35]. Какие-то из них могут оказаться на поверку связанными именно с военным делом, но из контекста именно нашего текста это неочевидно.

Помимо перечисленного в KUB 5.1+ есть слово ^{LÚ}*araš-* ‘друг’, которое, как правило, употребляется в композитных названиях акторов, а в этом тексте встречается и как самостоятельный объект тоже (KUB 5.1 ЛС II 52, 72, ОС III 32). Есть два слова, которые редки в KIN в целом и в нашем источнике в частности: это *ḥark-* ‘разрушение, сокрушение’, которое встречается три раза (причём как самостоятельный актор вне композитного термина — всего один раз: KUB 5.1 ЛС I 84), и *pa.-an parḫuwar* (*pariyan parḫuwar*) ‘стремление наперерез’, которое встречается здесь единожды (KUB 5.1 ЛС II 69). Возможно, последний из этих терминов стоит отнести к узкоспециальным военным, а не к общим, но по единственному

⁶ У Била — «смелость(?)» [Beal 1999: 44, 45, 50, 51].

употреблению трудно судить о заложенных в нём смысловых акцентах.

Встречаются также фишки, сочетающие в своих названиях упомянутые элементы: в частности, «поход царя» (KUB 5.1 ЛС I 21, 36, 62, 91, II 64 и др.), «битва царя» (KUB 5.1 ЛС I 17, 28, 29, 66, 69 и др.), «кровь царя» (KUB 5.1 ЛС I 35), «хеттское оружие» (KUB 5.1 ЛС I 83, II 19, 58, 69), «хеттский огонь» (KUB 5.1 ЛС II 58, 69), «доброта/-ы богов» (KUB 5.1 ЛС I 97, 104, 107(а), ОС III 12, 42–43 и др.), «милость Рока» (KUB 5.1 ОС III 2, 9, 21), «добро страны» (KUB 5.1 ЛС I 45(а), 49, II 63, ОС III 9, 26), «поход друга» (KUB 5.1 ЛС II 59(а)), «освобождение друга» (KUB 5.1 ОС III 63), «правильность друзей» (KUB 5.1 ЛС I 76), «зрение (/ взгляд глаз?) царя» (KUB 5.1 ЛС II 51, ОС IV 76), «кровь ребёнка» (KUB 5.1 ОС IV 87), «сокрушение битвы» (KUB 5.1 ЛС II 51, ОС III 27), «поход врага» (KUB 5.1 ОС III 69), «битву врага» (KUB 5.1 ЛС II 27), «оружие врага» (KUB 5.1 ЛС II 32, ОС III 70), «огонь врага» (KUB 5.1 ЛС I 82, II 32), «пустота врага» (KUB 5.1 ОС IV 75). Есть несколько терминов (например, «дом» и «душа», которые в нашем тексте встречаются только (или почти только) в подобной связке с другим существительным, а потому их стоит упомянуть в рамках именно этой категории: *da.-an (dapian)* ZI-*an* ‘целая душа (царя)’ (KUB 5.1 ЛС I 2, 3, 6(а), 12, 14 и др.), ^d*Gulši dapī* ‘ко всем божествам Судьбы’ (KUB 5.1 ЛС I 48), ^d*Gulšaš minumar* ‘доброта божеств Судьбы’ (KUB 5.1 ЛС I 37), *parnaš SIG₅*’ (*parnaš aššuliš*) ‘добро дома’ (KUB 5.1 ЛС I 30,

36, 38, 42, 64 и др.). Нельзя обойти стороной и довольно сложное по структуре выражение EGIR-*an arḥa waštul / karpi-* ‘скрытое(?) прегрешение / скрытый(?) гнев’ (KUB 5.1 ЛС I 25, 41, 45(a), II 20, 42 и др.).

Совсем особо нужно сказать о дополнительной (piggyback) части текста, в которой описана уже немного другая ситуация, связанная с неким «ребёнком». То, что она не является прямым продолжением предыдущего текста таблички, видно по расположению фрагмента и его написанию под другим углом в сравнении с остальным текстом. Мы ещё скажем об этой части KUB 5.1+ в контексте вопроса о датировке источника. Пока же отметим, что «piggyback» даёт нам ещё два названия фишек, нехарактерных для большинства оракульных записей KIN: LUGAL^{URU.d}U-ša ‘царь Тархунтассы’ (KUB 5.1 ОС IV 86) и DUMU-RU ‘ребёнок’ (KUB 5.1 ОС IV 89). Если второе слово в других текстах встречается только в словосочетаниях, то первое абсолютно ситуативно — точно так же, как, например, имя Темети.

Помимо названий фишек, существуют также определённые действия, которые эти фишки «совершают» или которым «подвергаются» со стороны других фишек: ME (*dā-*) ‘брат’ (KUB 5.1 ЛС I 2, 3, 4, 6(a), 9 и др.), SUM (*pāi-/piya-*) ‘давать’ (KUB 5.1 ЛС I 4, 17, 21, 26, 30 и др.) GAR (*ki-*) ‘помещать’ (KUB 5.1 ЛС I 10, 45(b), 69, 77, 83 и др.), GUB (*arai-*) ‘вставать’ (KUB 5.1 ЛС I 9, 14, 17, 29, 30 и др.). Любопытно, что перечисленные здесь глаголы в KUB 5.1+ почти всегда записываются шумерограммами и при этом сопровождаются хеттскими фонетическими

комплементами. Этот набор глаголов, судя по всему, является стандартным для оракулов KIN.

Теперь стоит поговорить о тех частях текста, где показан в действии оракул типа SU. Здесь представлено гораздо меньше терминов, поэтому нет смысла разбивать их на категории. Да и называть какую-то часть из них их «акторами» было бы неправильно: органы животных сами не совершают действий (как это подразумевается в отношении фишек KIN), вместо этого описывается их состояние и местоположение.

Есть несколько слов, значение которых мы с относительно высокой долей уверенности можем назвать: ZĖ (*zihit-*) ‘желчный пузырь’ (KUB 5.1 OC IV 43, 50, 58), ŠĀ (*karaz-*) ‘сердце; кишечник’ (KUB 5.1 OC III 52, IV 43, 84), GŪB ‘левая сторона / часть’ (KUB 5.1 OC IV 42), GAM ‘нижняя сторона / часть’ (KUB 5.1 OC IV 49), ^{GIŠ}ŠŪ.A GŪB-*an* ‘левое “сидение”’ (KUB 5.1 OC IV 42), *zul(u)kiš* ‘углубление(?)’ (KUB 5.1 OC III 52, IV 42), *TĪRĀNU* (сокращённо TIR; *hupparti-(?)*) ‘изгиб, искривление’ (KUB 5.1 OC III 52, IV 58). Есть также слово *enti* (KUB 5.1 OC IV 67), обозначающее ещё какой-то элемент внутренностей животного, и четыре понятия — *hilipšiman* (KUB 5.1 OC IV 43, 50, 58), *adamdaḥi* (KUB 5.1 OC IV 57), *turapšita* (KUB 5.1 OC III 52), *šurī* (KUB 5.1 OC IV 43, 50) — которые определённо обозначают качества, присущие в конкретном случае тому или иному органу. Главное, что ни для одного из этих последних четырёх слов у нас нет уверенного перевода — равно как и для ещё четырёх терминов, данных

в источнике в виде сокращений: *ni* (*nipašuri*; KUB 5.1 OC IV 43, 49, 57, 61, 66, 78, 81), *ši* (*šintaḫi*; KUB 5.1 OC IV 49, 58, 61, 66, 78), *ta* (*tanati*; KUB 5.1 OC IV 49, 61, 66), *ki* (*keldi*; KUB 5.1 OC IV 49, 61, 66, 78). Есть здесь и свои глаголы: *ḫark-* ‘быть повреждённым’ (KUB 5.1 OC III 52), *DÙ (iya-)* ‘совершать(?) (изгиб)’ (о кишечнике) (KUB 5.1 OC III 52), *peššiya-* ‘свешиваться, свисать(?)’ (KUB 5.1 OC IV 42), *DIB* ‘связывать, сковывать [сердце]’ (KUB 5.1 OC IV 43, 84), *RA^{IS}* (*MAHIŠ*; *walhant-*) ‘быть сглаженным’ (KUB 5.1 OC IV 53, 58, 67). Также важную роль имеют обозначения направлений: влево, вправо, вниз. Как можно заметить при ближайшем рассмотрении, все эти глаголы в контексте оракула SU имеют немного иное, чем в словарях, значение, продиктованное контекстом. Наконец, важны разные числительные, которые служат для маркирования числа искривлений кишечника. Как и в KIN, многие термины употребительны для всей категории оракулов, к которой относится текст: например, *ni*, *ši*, *ta* и *ki* активно встречаются и в подобных гаданиях. Но есть и некоторые специфичные черты именно этого источника, например, упоминание 14 изгибов кишечника вместо стандартных 8, 10 или 12 [Beal 1999: 50].

Важно сказать и о категории слов, универсальной для обоих видов гаданий и состоящей всего из двух слов, показывающих исход гадания: *SIG₅* (*aššu*) ‘благоприятно(е)’ (KUB 5.1 ЛС I 2, 4, 6(a), 9, 12 и др.) и *NU.SIG₅* (*kallar*) ‘неблагоприятно(е)’ (KUB 5.1 ЛС I 6(b), 10, 22, 26, 28 и др.). Эти слова появляются в отдельно взятом запросе дважды: в начале гадания в качестве

пожелания того, чтобы оно выявило, что нечто произойдёт (SIG₅) или нечто не произойдёт (NU.SIG₅) — и в конце, когда становится ясно, оправдалась ли надежда на тот или иной исход. Таким образом, эти два термина являются аналогами знаков ‘+’ и ‘-’ не в абсолютном, а именно в относительном смысле, то есть многое зависит ещё и от исходного события, которое само по себе тоже может быть со знаком ‘-’ или со знаком ‘+’ [Баюн 1998: 34]. Также можно при желании провести аналогию с двоичной системой счисления, так как имеется всего два варианта: благоприятный исход (то есть событие сбудется именно таким образом, как загадано) и его отсутствие⁷ (событие не сбудется или сбудется как-то иначе). В дополнение к этим двум словам есть (NU.)KIN (KUB 5.1 OC IV 66, 78, 81), используемое в гаданиях SU и обозначающее наличие (или, соответственно, отсутствие) какого-либо конкретного оракульного субъекта или объекта. Не совсем совпадая с (NU.)SIG₅ по смыслу, оно в целом работает по сходному принципу.

Теперь, когда мы показали место KUB 5.1+ в общем контексте ему подобных, необходимо затронуть вопрос о датировке этого текста. Ганс Гютербок, один из первых его исследователей, отмечал, что многочисленные упоминания Нерика связаны с возвращением при Хаттусили III этого

⁷ На языковом уровне эта бинарная оппозиция подчёркивается добавлением отрицательного элемента NU к той же самой шумерограмме SIG₅, которая без него обозначает прямо противоположный исход.

города под хеттское господство. Ведь если бы он не был на момент создания источников в руках хеттов, то они не смогли бы его перестраивать или отмечать там праздники. Источник многократно упоминает «Его Величество», но не называет при этом имени царя. Из этого следует одно наблюдение: если даже перед нами действительно Хаттусили III, то точно не в то время, когда ещё он был наследником Муваталли II и правителем Хакписи (а именно в тот момент им и был покорён Нерик). Подтверждением нижней границы является упоминание «царя Тархунтассы» в piggyback-части текста. Ведь Тархунтасса была образована хеттскими правителями в качестве держания для привилегированных "вассалов" царя именно в правление Муваталли II. Что же касается верхней границы, то настолько масштабные походы Муваталли II или Мурсили III неизвестны. События источника происходят, по-видимому, в период правления Хаттусили III и его преемника Тудхалии IV, которые известны своими военными предприятиями [Beal 1992: 308–309; Güterbock 1961: 93]. Ещё одним надёжным аргументом в пользу таких хронологических рамок является тот факт, что текст написан поздненовохеттским пошибом (см. выше).

Итак, все перечисленные исторические указания в источнике приводили самых разных его исследователей к одному глобальному выводу: текст был создан либо при Хаттусили III, либо при Тудхалии IV. Но дальше мнения расходились. Первой версии придерживался, в частности, Гютербок. Рассматривая в своей публикации 1961 г. тексты KUB 22.25 и KUB 5.1+, он отметил хронологическую

близость их создания, которая прослеживается в связи со встречающимися и там, и там именем Темети. Далее исследователь взял в качестве опорной точки изменение статуса Нерика: на момент написания первого текста, как он посчитал, город ещё не покорён хеттами, а во втором уже описывается время, когда он оказался ими захвачен. Исходя из этого, Гютербок датировал оба текста временем правления Хаттусили III [Güterbock 1961: 93]. Его версию поддержал в 1974 г. Ахмет Унал — но не привёл в её пользу дополнительных аргументов. Противоположного мнения придерживались такие исследователи, как Ричард Бил, Юлия Орламюнде и Патриция Каматта. Бил, как и Гютербок, отталкивался от статуса Нерика в текстах, но на основании того же материала пришёл к прямо противоположному выводу. По его мнению, перед нами время после захвата города, так как о самом захвате не говорится, а упоминаются лишь мероприятия общего характера, связанные с въездом в него [Beal 1992: 309]. Ключевым доводом Орламюнде в пользу такой датировки стали редкие упоминания об Ассирии в KUB 5.1+, которые она соотнесла с хетто-ассирийской дипломатической документацией и официальной корреспонденцией между двумя странами [Orlamünde 2001b: 513–521]. Датировка текстов ассирийской стороны в этой переписке тоже не однозначна: исследование Б. Е. Александрова убедительно показывает, что эти документы могли быть созданы не при ассирийском царе Тукульти-Нинурте, а в другое время [Александров 2010]. Каматта, как и Гютербок, обращает

внимание на упоминание в KUB 22.25 празднования в Нерике праздника пуруллия, но считает это признаком достаточно прочного контроля хеттов над городом [Samatta 2006: 266].

Мы обратили внимание на одну деталь, не акцентированную другими исследователями, которая позволяет нам выдвинуть собственную гипотезу относительно датировки. Она является достаточно спорной и высказывается на правах предположения, а не концепции. В конце текста как гадательный «актор», а не как реальный персонаж, упоминается царь Тархунтассы. Исследователи текста — например, Гютербок [Güterbock 1961: 93] — отмечали это, но почему-то не уделяют должного внимание тому факту, что этот персонаж фигурирует единожды и именно в связи с оракульным «вопросом о ребёнке» (а в другом варианте перевода — вообще «о сыне»), не появляясь в остальном тексте. Если допустить, что под «ребёнком» имеется в виду Курунта — царь Тархунтассы, которого Муваталли II некогда поручил попечению своего преемника Хаттусили III (этот факт упоминается, в частности, в договоре Курунты с Тудхалией IV [Beckman 1996: 108–109]), то это могло бы гипотетически считаться аргументом в пользу создания памятника во времена правления Хаттусили III. Весь вопрос в том, мог ли хеттский царь именно в этот период назвать «ребёнком» своего подопечного. Сомнительность гипотезы как раз и заключается в том, что в момент воцарения Хаттусили III на хеттском престоле Курунта стал полноправным правителем Тархунтассы, и в таком

случае хеттскому правителю было бы логичнее иметь в виду под «ребёнком» своего собственного наследника. Однако нельзя исключать, что роль Курунты для Хаттусили III ранее была и, возможно, даже в тот момент оставалась настолько значимой, что он продолжал именовать его титулом, близким к титулу царского сына-наследника.

Существует два основных перевода текста: за авторством уже упомянутых нами Ахмета Унала и Ричарда Била (1974 г. и 1999 г. соответственно), причём из них только перевод Унала снабжён транслитерацией. Перевод Била, который писал его значительно позже, активно учитывая и пересматривая при этом опыт Унала, оказался более удачным. Приведём ряд случаев, подтверждающих этот вывод. Это, например, исправление [Beal 1999: 42] UGULA-za и UGULA-i на *pa.za* и *pa.i* (см. выше), которое прямо или косвенно в своих работах поддерживали авторы последующих работ. Это чтение *ŠA BI-IR-TI* [Beal 1999: 43–44] (I 50) вместо не вполне корректно предложенного Уналом *ŠA-PÍ-IR-TI* [Ünal 1974: 40, 98]: эта корректура, как ни странно, подтверждается словарной статьёй в CMHD, редактором которого является всё тот же Унал [Ünal 2007: 604]. Правда, тут есть повод поразмышлять о выборе смысла, так как *BIRTUM* — слово многозначное [Oppenheim et al. 1965: 252–255, 261–263, 264]. Это вполне надёжное восстановление тех мест, которые Унал счёл слишком сильно повреждёнными для того, чтобы

интерпретировать. Это, наконец, исправление разного рода опечаток, восстановление пропущенных слов и знаков.

И всё же как в переводе Била, так и в транслитерации Унала (пока что единственной полной для этого текста) мы обнаружили, как нам показалось, некоторые неточности и неоднозначные места. Так, в строке I 31 текста упоминается фишка «враг», «взявшая» себе другую гадательную фишку (по Уналу и Билу: ^{LÚ}KÚR-za <...> ME-aš — ««враг» себе <...> взял») [Beal 1999: 43; Ünal 1974: 36]. Но при этом после шумерограммы ^{LÚ}KÚR и перед частицей *za* стоит ещё какой-то клинописный знак, напоминающий ÉRIN. Получается, что наименование фишки следует читать не как «враг», а как «войско врага», «вражеское войско». С другой стороны, знак ÉRIN выглядит так, что вполне мог быть стёрт — как, собственно, и считает Унал [Ünal 1974: 36]. Но с тем же успехом знак мог быть повреждён ненамеренно, и в этом случае гипотеза остаётся в силе.

Далее рассмотрим начало строки III 77 (см. фрагмент фото):

Частично находящийся в лакуне топоним ^{URU}Tap-te-na (как его читают Бил и Унал [Beal 1999: 51; Ünal 1974: 76]) в начале этой строки вполне логичен и палеографически (элементы знаков похожи на искомые), и по смыслу (так как неоднократно встречается в тексте). Для наглядности см. изображение:

Но можно прочитать его и как ^{URU}Ne-[ri-xxx], то есть некую (окончания не видно) форму от топонима «Нерик». Оба восстановления в целом представляются нам равноценными, так как «Нерик» тоже подходит по знакам и тоже не раз фигурировал на протяжении текста. По поводу правомерности такой опции см. изображение:

Без дополнительных контекстных указаний выбрать какую-то одну версию будет проблематично. Не исключено, что здесь потребуется соотнесение текстового материала с географическими реалиями. Гипотеза тем более важна, что Нерик играет ключевую роль в датировке текста, и любое его потенциальное упоминание может помочь решить эту проблему.

Один из наиболее часто (×24) упоминаемых в тексте топонимов — Таницила — фигурирует почти исключительно в гадательных текстах (СТН 570: KUB 49.88 II 9; СТН 573: KBo 41.126 4; СТН 580: KUB 49.24 OS 17) и ни разу не упоминается в описаниях походов, действительно совершавшихся хеттскими царями. Вместе с тем, предмет этих гаданий подобен обсуждаемому в KUB 5.1+, причём в KUB 49.88 говорится о походе «отца царя» к морю (III 7–9), что позволяет видеть в «отце царя»

Мурсили II, описавшего данный поход в своих анналах, а сам оракул датировать, как и KUB 5.1+, временем Хаттусили III [Forlanini 1992: 299–300].

Другой многократно упоминаемый в KUB 5.1+ топоним, находящийся на стороне врага — гора Хахарва — известен по историческим текстам как место обитания враждебных племён, замирённых в бытность Хаттусили царём Хакмиса в правление Муваталли II (СТН 81: KUB 1.1 ОС III 51; СТН 101: KUB 21.9 ОС 1). При этом сама гора Хахарва почиталась в ходе таких общехеттских праздников как антахшум (СТН 613: KUB 1.15+ ЛС III 2; СТН 625: КВо 9.138 7), но даже в ходе местных нерикских праздников обрядовые действия в её честь совершались не на самой горе, а в храме (СТН 672: КВо 2.4 ЛС I 11), что может свидетельствовать о неполноте контроля над ней хеттскими властями Нерика.

Представленные в KUB 5.1+ запросы к оракулу свидетельствуют о наличии у хеттов практики тактического планирования военных действий с помощью подобных запросов. При этом в тексте неоднократно упоминается план, подготовленный не названным по должности военачальником Темети (I 7, III 78, 84, 90, 91, 93), рассматриваемый в качестве неудачного, что подтверждают ответы богов на вопросы относительно этого плана. Темети упоминается и в некоторых других оракулах, связанных сбоевыми действиями против касков [Bilgin 2018: 353]. Характер оракула, несмотря на появление в нём глобальных факторов, вроде Ассирии и Тархунтассы, в целом тактический, а не стратегический —

даже ассирийский поход рассматривается с точки зрения его влияния на судьбу Нерика, а не наоборот (III 77–86). Вероятно, данный оракул появился в результате предположения хеттского царя или его советника о неудачности плана Темети и направлен на составление альтернативного плана, который будет одобрен богами. При этом нельзя считать, что все походы хеттских царей и военачальников планировались с помощью подобных оракулов — необходимость в их составлении возникала лишь в случае появления неудовлетворённости хеттского военного командования имеющимися планами, при этом выбор происходил не между альтернативными планами, а в результате последовательной проверки каждого действия исходного плана и альтернативных этому действию вариантов на одобрение богами.

Литература

Александров 2010 — Александров Б. Е. Хеттское царство и страны Верхней Месопотамии в правление Тудхалии IV и его сыновей (вторая половина XIII — начало XII в. до н. э.): новые гипотезы и источники // Вестник древней истории. 2010. № 4 (275). С. 112–132.

Баюн 1998 — Баюн Л. С. Дивинация на Древнем Ближнем Востоке: хеттские оракулы. I // Вестник древней истории. 1998. № 1 (224). С. 30–36.

Beal 1992 — Beal R. The Organisation of the Hittite Military (Texte der Hethiter; 20). Heidelberg: Carl Winter, 1992.

Beal 1999 — Beal R. Seeking Divine Approval for Campaign Strategy. KUB 5.1 + KUB 52.65 // КТЕМА. Civilisations de

l'Orient, de la Grèce et de Rome antiques. № 24. Strasbourg: Université Marc Bloch de Strasbourg, Centre de recherches sur le Proche-Orient et la Grèce antiques. 1999. P. 41–54.

Beckman 1996 — *Beckman G.* Hittite Diplomatic Texts (SBL Writings from the Ancient World Series). Atlanta: Scholars Press, 1996.

Bilgin 2018 — *Bilgin T.* Officials and Administration in the Hittite World (Studies in Ancient Near Eastern Records; 21). Boston — Berlin: de Gruyter, 2018.

Camatta 2006 — *Camatta P.* Die Stadt Hanhana und ein Identifizierungsvorschlag // *Altorientalische Forschungen*. 2006. Bd. 33. S. 263–270.

Forlanini 1992 — *Forlanini M.* Le spedizioni militari ittite verso Nerik. I percorsi orientali // *Rendiconti Istituto Lombardo*. 1992. Vol. 125. P. 277–308.

Gordin 2015 — *Gordin Sh.* Hittite Scribal Circles. Scholarly Tradition and Writing Habits (Studien zu den Boğazköy-Texten; 59). Weisbaden: Harrassowitz, 2015.

Güterbock 1961 — *Güterbock H. G.* The North-Central Area of Hittite Anatolia // *Journal of Eastern Studies*. 1961. Vol. 20. № 2. P. 85–97.

KBo — Keilschrifttexte aus Boghazköi. Leipzig: Hinrichs — Berlin: Mann, 1916–2019.

KUB — Keilschrifturkunden aus Boghazköi. Berlin: Vorderasiat. Abt. der Staatl. Museum (puis) Deutsche Akad. der Wissensch. Inst. für Orientforsch, 1921–1990.

Marcuson 2016 — *Marcuson H.* ‘Word of the Old Woman’: Studies in Female Ritual Practice in Hittite Anatolia. PhD Diss. The University of Chicago. Chicago, 2016.

Oppenheim et al. 1965 — Chicago Assyrian Dictionary. B. Ed. Ignace J. Gelb, Benno Landsberger, etc. Oriental Institute, Chicago: University of Chicago Press, 1965.

Orlamünde 2001a — *Orlamünde J.* Überlegungen zum hethitischen KIN-Orakel // *Th. Richter et al.* (Hrsgb.) Kulturgeschichten. Altorientalische Studien für Volkert Haas zum 65. Geburtstag. Saarbücken: SDV, 2001. S. 295–311.

Orlamünde 2001b — *Orlamünde J.* Zur Datierung und historischen Interpretation des hethitischen Orakelprotokolls KUB 5.1+ // *G. Wilhelm* (Hrsg.) Akten des IV. Internationalen Kongresses für Hethitologie, Würzburg, 4.–8. Oktober 1999 (Studien zu den Boğazköy-Texten; 45). Wiesbaden: Harrassowitz, 2001. S. 511–523.

Rüster, Neu 1989 — Hethitisches Zeitlexikon (HZL). Inventar und Interpretation der Keilschriftzeichen aus den Boğazköy-Texten (Studien zu den Boğazköy-Texten; Beiheft 2). Weisbaden: Harrassowitz, 1989.

Ünal 1974 — *Ünal A.* Hattusili III. Teil I. Hattusili bis zu seiner Thronbesteigung. Band 2: Quellen und Indices (Texte der Hethiter; 4). Heidelberg: Carl Winter, 1974.

Ünal 2007 — *Ünal A.* (ed.) A Concise Multilingual Hittite Dictionary (Philologia. Sprachwissenschaftliche Forschungsergebnisse; 108.1). Hamburg: Dr. Kovac, 2007.

van den Hout 2020 — *van den Hout Th.* A History of Hittite Literacy. Writing and Reading in Late Bronze-Age Anatolia (1650–1200 BC). Cambridge: Cambridge University Press, 2020.

Warbinek 2020 — *Warbinek L.* Il Sistema Mantico Ittita KIN (Collana premio ricercar ‘Città di Firenze’). Firenze: Firenze University Press, 2020.

Структура встроенного нарратива и ее трансформация в коптских текстах

Евгения Борисовна Смагина

Кандидат филологических наук, заведующая Отделом истории и культуры Древнего Востока Института востоковедения РАН, Москва, Россия, esmagi54.54@mail.ru, ORCID 0000-0001-9816-6997

Аннотация. В нескольких коптских текстах широко применяется прием т. н. «встроенного нарратива» или «рассказа в рассказе». В результате образуется сложная многоуровневая структура, призванная в данном случае придать повествованию больший авторитет и аутентичность. Кроме отмеченных исследователями агиографических текстов, по этому принципу построен апокриф «Хвалебное слово ангелу смерти Аббатону», где «рассказы в рассказе» образуют уникальную по сложности структуру. Прием многоуровневого встроенного нарратива сочетается в этом тексте с апокалиптическим жанром и с элементами жанра «вопрос-ответ».

Ключевые слова: коптология, нарратив, агиография, апокалиптика, апокрифы

The structure of embedded narrative and its transformation in the Coptic texts

Eugenia B. Smagina

PhD, Director of Department, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, esmagi54.54@mail.ru, ORCID 0000–0001–9816–6997

Abstract. In several Coptic texts, the technique of the so-called "embedded narrative" or "story within a story" is widely used. As a result, a complex multi-level structure is formed, designed in this case to give the narrative more authority and authenticity. In addition to the hagiographic texts noted by the researchers, the apocryphal "Discourse of Abbatôn by Timothy, Archbishop of Alexandria" is built on this principle, where "stories within a story" form a structure that is unique in complexity. The technique of multilevel embedded narrative is combined in this text with the apocalyptic genre and with elements of the erotapocrisis or "question-answer" genre.

Keywords: coptology, narrative, hagiography, apocalyptic, apocrypha

Прием встроенного нарратива, или «рассказа в рассказе», или «рамочного» повествования, распространен в литературе, включая литературу древности. В. Шкловский в «Теории прозы» называл такой тип нарратива «обрамлением» [Шкловский 1929: 55–56]: один сюжет обрамляется другим сюжетом, то есть мы получаем историю в истории — происходит действие, но действующее лицо может быть не идентично рассказчику.

Этот композиционный прием, характерный также для восточной литературы последующих веков, засвидетельствован в коптских текстах. Так, Э. Закжевска отмечает, что вставное повествование, изложенное «вторичным» рассказчиком, нередко встречается в коптских «Актах мучеников» на бохайрском диалекте [Zakrzewska 2011: 511]. Но вставные рассказы в «Актах мучеников», кажется, ограничиваются одним уровнем повествования, тогда как в коптской литературе встречаются и более сложные повествовательные структуры.

В коптской литературе примеры такой композиции засвидетельствованы прежде всего в двух текстах агиографического содержания: в коптской версии «Жития Онуфрия Отшельника» [Amélineau 1885; Budge 1914: 205–224], которое, несмотря на заглавие, скорее следует относить к жанру «странствия» и повествование о насаждении христианства в крайней области Верхнего Египта, в районе Асуана и на о. Филы, которое опубликовано Баджем под условным названием «Истории монахов в Египетской пустыне, по Пафнутию» [Budge 1915: 433–502; Vivian 2000]; другие современные исследователи именуют это писание «Жизнь Аарона» [Dijkstra, Van der Vliet 2020].

Й. Дийкстра и Ж. Ван дер Влит называют именно эти коптские книги, которые по большинству признаков следует отнести не к житиям, а к жанру «странствия». Обе книги построены в форме «рассказа в рассказе»: первое лицо повествования вводит следующего, «вторичного»

рассказчика, следующий вводит третьего, и так далее, до четвертого уровня [Dijkstra, Jitse, Van der Vliet 2020: 34–36].

В обоих текстах некий монах Пафнутий путешествует и сообщает об аскетической жизни монахов: в «Жизни Онуфрия» — во внутренней пустыне, в «Истории монахов» — у Первого порога, на границе с Нубией. Оба автора используют технику встроенного нарратива или «рассказа в рассказе»; это вторая сходная черта. Может быть, есть еще один общий литературный прием, не отмеченный издателями, — перенесение сюжета в экзотическую область. Правда, в данных текстах эти области расположены в пределах Египта, но они маргинальны и труднодоступны. Впрочем, в «Жизни Онуфрия» главному герою незадолго до финала советуют «возвратиться в Египет», так что действие вполне может разворачиваться в пустыне, которая уже не считается египетской. А за пределами пустыни Эдфу единственное достоверное свидетельство культа св. Аарона Отшельника обнаруживается в Нубии. В Фарасе, религиозном центре нубийской епархии, его почитали как авву Аарона Отшельника, он изображен на стене фарасского собора. А в более северных египетских источниках о нем ничего нет. Очевидно, он оставался локальным святым, почитаемым на юге Верхнего Египта и в северной Нубии [Dijkstra, Jitse, Van der Vliet 2020: 14–15].

Нарративную структуру «Жизни Онуфрия Отшельника» можно представить следующим образом: Первым уровнем

следует считать рассказы Пафнутия. Далее следует ряд рассказов, где реципиентом служит Пафнутий, а рассказчиками — самые разные обитатели пустыни. Нарратив только иногда поднимается до третьего уровня: нагой отшельник Тимофей рассказывает Пафнутию о своем разговоре с неким лучезарным видением (лист 3а–4b), Онуфрий рассказывает о своем разговоре с ангелом (лист 9b).

Нарративная структура «Истории монахов в Египетской пустыне» построена сложнее.

Хотя начало текста утеряно, первым уровнем следует считать повествование самого Пафнутия.

Лист 1b и далее: Второй уровень. Монах Пселесий отвечает на вопросы Пафнутия и рассказывает о своем учителе Завулоне.

Лист 2а: Третий уровень. Завулон рассказывает о своем видении. Четвертый уровень: некто сияющий говорит с Завулоном. 4 b: Возвращение к третьему уровню. Монах Иоанн отвечает на вопрос Пселесия. 5 b : Третий уровень. Старец отвечает на вопрос Пселесия. 6а: Третий уровень. Рассказ монахов в ответ на вопрос Пселесия. 8а: ответ старца Закхея. (Лист 9 b: монахи благодарят авву Закхея за рассказ.) 11b: Второй уровень. Монах Исаак рассказывает Пафнутию о своем опыте и опыте своего наставника отшельника Аарона. Третий уровень. Исаак рассказывает, как Аарон рассказал ему про епископа Македония. 12а: Четвертый уровень. Рассказ Македония о своем путешествии в дальние области Верхнего Египта. 13b: Пятый уровень? Диалоги сыновей языческого жреца,

самого жреца и старухи-доносчицы, Македония и христианина, Македония и сыновей жреца. 16а: Пятый уровень. Сын жреца рассказывает Македонию о своем видении. Далее следует ряд диалогов. В следующей части повествователем не может быть Македоний, потому что он уже скончался (лист 23 б). Очевидно, в этой роли снова выступает Аарон (третий уровень). 37b: Второй уровень. Исаак рассказывает Пафнутию. 40 б: Третий уровень. Аарон отвечает на вопросы Исаака. Нарратив в тексте не слишком последовательно выдержан: повествование постоянно переходит с первого лица («я») на третье («авва Такой-то») и обратно. Практически в каждой части упоминается или описывается чудо, сотворенное Аароном, что сближает книгу с другими произведениями агиографического жанра. Но описанный прием «рассказа в рассказе» проходит через весь текст.

Если считать первым уровнем начальные и заключительные реплики основного повествователя, то есть Пафнутия, то перед нами две «пирамиды», одна составлена из трех ярусов встроенных повествований, вторая — из четырех или даже пяти, где верхний ярус составляют диалоги и монологи персонажей в рассказе Македония.

Цель такой структуры — очевидно, показать, что агиографическая традиция передавалась от учителя к ученику, который, в свою очередь сам становился учителем. Иначе говоря, прием встроенного нарратива употребляется не для занимательности, как в классическом

романе античной эпохи и последующих времен [De Jong 2014: 34–37], а для придания тексту авторитета. Автор выбрал многоуровневый нарратив, чтобы непосредственно отразить знание, передаваемое от ученика к учителю, и тем самым сделать истории святых людей как можно более аутентичными [Dijkstra, Jitse, Van der Vliet 2020: 36]. Кроме того, два верхних «яруса» повествования (рассказ Македония) разворачивают историю насаждения и развития христианства в крайних и самых труднодоступных пределах Египта.

Издатели представляют эти тексты как уникальные для коптской литературы [Dijkstra, Jitse, Van der Vliet 2020: 36]. Но есть еще один письменный памятник, который по композиции должен быть отнесен к этой же модели: «Хвалебное слово Аббатону, ангелу смерти» [Budge 1914: 225–245]. Интересно, что в коптском кодексе оно следует сразу за «Житием Онуфрия отшельника», то есть за другой коптской книгой, построенной по принципу «рассказ в рассказе».

В содержании книги ясно прослеживаются апокалиптические мотивы, а оформлена она как рамочное повествование (рассказ в рассказе). Подобное построение — форма апокалипсиса + рамочная структура — не уникально для апокрифической литературы в целом. Своеобразие построения данной книги состоит и в том, что рамочная структура здесь очень многоярусна. Уже вступление, написанное от имени фиктивного автора, содержит вставку — ответ Иисуса на вопрос учеников (второй уровень, лист 1а). В общий контекст вставлен

рассказ епископа Тимофея (второй уровень, начиная с листа 2 а), в повествование Тимофея — пересказ содержания найденной им священной книги (третий уровень, с листа 6 а), а в эту книгу включен рассказ Иисуса апостолам об Адаме и Еве, о падении Сатаны и посвящении Муриила-Аббатона в сан ангела смерти (четвертый уровень, с листа 8 б). Еще одним, пятым уровнем можно считать пророчество Бога-Отца о Христе (с листа 18 б) и наставление Муриилу (лист 21б).

Подобное построение органически сочетается в книге с характерными чертами других жанров. Если в «Житии Онуфрия» построение большей частью, так сказать, горизонтальное (общее повествование перемежается вставными эпизодами со встроенными рассказами), то в «Истории монахов» есть как бы две «пирамиды», где в одно повествование встроено другое, в него — третье, можно выделить даже четвертый уровень. В «Хвалебном слове Аббатону» книга целиком построена «вертикально»: с каждым новым рассказчиком повествование поднимается на более высокий уровень. Верхний ярус представляют собой повествования от имени Иисуса и Бога-Отца; иначе говоря, выстраивается своего рода пирамида с апокалиптической верхушкой. (Характерная черта раннехристианских апокалипсисов «без вознесения» — именно эти специфические временные рамки: эпизод откровения вставляется в промежуток между воскресением и окончательным вознесением Христа.)

Прием встроенного рассказа сочетается также с признаками жанра «вопрос–ответ» (эротапокрисис). Эта форма, восходящая, по-видимому, к философскому диалогу, широко использовалась в раннехристианской литературе [Bardy]. Сочетание апокалиптической рамки и структуры «вопрос–ответ» типично для этого жанра литературы и может наблюдаться в самых ранних апокалиптических книгах.

В «Хвалебном слове Аббатону» почти каждая нарративная вставка вводится вопросом очередного персонажа и представляет собой ответ на него. Иисус отвечает на вопрос апостолов (лист 1a), иерусалимский старец приносит книгу в ответ на вопрос Тимофея (лист 5a–b), в книге Иисус отвечает на вопрос Петра (лист 7b).

Часто в нарративе происходят временные сдвиги, то есть повествование переключается с рассказа о событиях, происходящих в настоящем времени, к событиям, которые уже случились в прошлом или должны произойти в будущем. Вставка, где излагаются события из прошлого, именуется термином флэшбэк (или аналепсис), а вставка, повествующая о событиях из будущего,³² — флэшфорвард (пролепсис) [Eisenberg, Finlayson 2019: 4]. Например, флэшфорвардами могут быть пророчества или видения кого-то из персонажей. В «Хвалебном слове Аббатону» обе вставки такого рода уводят в самые крайние точки священной истории: рассказ Иисуса относится к истории сотворения людей, пророчество — к эсхатологическому будущему. Иными словами, этот прием как бы растягивает

повествование, так что оно охватывает всю историю человечества, от сотворения людей до их смерти и Страшного суда.

Рамочное построение — не редкость в писаниях древности, но такую многоступенчатую композицию действительно можно считать уникальным явлением в коптской литературе.

Литература

Смагина 2019 — Похвальное слово Аббатону, ангелу смерти. Перевод с коптского, предисловие и комментарии *Е. Б. Смагиной* // Ориенталистика. 2019. Т. 2, № 4. С. 1038–1060.

Шкловский 1929 — *Шкловский В.* О теории прозы. Москва: Федерация, 1929.

Amélineau 1885 — *Amélineau E.* Voyage d'un moine égyptien dans le désert // Institut Français d'Archéologie Orientale. Recueil de travaux relatifs à la philologie et à l'archéologie égyptiennes et assyriennes: pour servir de bulletin à la Mission Française du Caire. Vol. 6. Nr. 3–4. Le Caire, 1885. P. 166–194. MACA.CS

Bardy 1932/33 — *Bardy R.* La littérature patristique des «Quaestiones et responsiones» sur l'Écriture sainte // Revue biblique. 1932. Т. 41. P. 210–36; 1933. Т. 42. P. 14–30.

Budge 1914 — *E. A. Wallis Budge* (ed.). Coptic Martyrdoms in the Dialect of Upper Egypt. (Coptic Texts. Vol. IV.) London, 1914. MERC.AC.

Budge 1915 — Miscellaneous Coptic Texts in the Dialect of Upper Egypt. Edited with English Translations by *Ernest*

Alfred Wallis Budge. London, 1915. MERC.AA; clavis coptica 0382.

De Jong 2014 — *De Jong I.* Narratology & Classics. A Practical Guide. Oxford, 2014.

Dijkstra, Jitse, Van der Vliet 2020 — *Dijkstra J. H. F., Jitse H. F., Van der Vliet J.* The Coptic Life of Aaron. Critical Edition, Translation and Commentary. (Supplements to Vigiliae Christianae; 155). Leiden — Boston: Brill, 2020.

Eisenberg, Finlayson 2019 — *Eisenberg J., Finlayson M.* Annotation Guideline No. 1: Cover Sheet for Narrative Boundaries Annotation Guide // *Journal of Cultural Analytics*. 2019. Vol. 4 (3). P. 1–9. DOI: 10.22148/16.051

Suciu, Saweros 2016 — *Suciu A., Saweros I.* The Investiture of Abbaton, the Angel of Death. A New Translation and Introduction // *T. Burke, B. Landau* (eds.). New Testament Apocrypha. More Noncanonical Scriptures. Volume One. Grand Rapids: Wm. B. Eerdmans Publishing Co., 2016. P. 526–545.

Vivian 2000 — *T. Vivian* (transl.). Histories of the Monks of Upper Egypt and the Life of Onophrius by Paphnutius with a Discourse on saint Onnophrius by Pisentius of Coptos. (Cistercian Studies Series; 140). Kalamazoo: Cistercian Publications, 2000.

Zakrzewska 2011 — *Zakrzewska E.* Masterplots and Martyrs: Narrative Techniques in Bohairic Hagiography // *F. Hagen et al.* (ed.). Narratives of Egypt and the Ancient Near East: Literary and Linguistic Approaches. (Orientalia Lovaniensia Analecta; 189.) Leuven: Peeters, 2011. P. 499–523.

**Две редкие печати-штампа из Месопотамии
середины III тыс. до н. э. из коллекции
Государственного Эрмитажа**

Мария Вячеславовна Сологубова

Отдел Востока Государственного Эрмитажа, Санкт-Петербург, Россия, sologubova@hermitage.ru, ORCID 0000–0002–2386–0447

Аннотация. В данной статье пойдет речь о двух ранее не опубликованных печатях-штампах из коллекции Отдела Востока Государственного Эрмитажа. Обе они не имеют провенанса и происходят из частной коллекции. Особенности формы и иконографии этих печатей свидетельствуют об их принадлежности к малочисленной группе месопотамских печатей, время функционирования которых, как считается, приходилось на конец раннединастического — начало староаккадского периода. Форма этих печатей не является традиционной для глиптики обозначенного периода. Однако в регионе долины Инда и Персидского залива во второй половине III тыс. до н. э. в ходу были как раз печати-штампы пуговичного типа. В данной статье я предлагаю рассмотреть этот тип месопотамских печатей в контексте процессов влияния региона Инда на культуру Месопотамии в период задокументированных торговых контактов.

Ключевые слова: глиптика, индская цивилизация, Южная Месопотамия, печати III тыс. до н. э., печати редких форм.

Two rare stamp seals from mid. 3rd mil. Mesopotamia from the collection of the State Hermitage Museum

Maria V. Sologubova

The State Hermitage Museum, Saint Petersburg, Russia,
sologubova@hermitage.ru, ORCID 0000–0002–2386–0447

Abstract. The State Hermitage Museum possesses two previously non-published stamp seals. Both of them comes from the collection of Nikolai Likhachev and are of unknown provenance. Due to the character form and iconography they could be attributed to a small and rare group of Mesopotamian seals being used during the end of Early Dynastic to the end of Old Akkadian periods. The form of these seals is unusual for the 3rd mil. B.C. Mesopotamia where the main form for the seal was a cylinder. However in 3rd mil. B.C. stamp seals were mainly in use in Indus and Persian Gulf regions. This article seeks to consider this rare type of Mesopotamian stamp seals in a context of the cultural interaction process between Indus and Mesopotamia during the period of well-documented trading contacts.

Keywords: glyptics, Indus civilization, South Mesopotamia, the 3rd mil. BC seals, seals of rare forms

Введение

Появившись, вероятно, не позднее начала V тыс. до н. э. в Великой Месопотамии, печать в форме штампа на тысячелетия стала важнейшим орудием хозяйственного и административного контроля. Печати оттискивались на глине, опечатывая и охраняя не только дома и сосуды, но и информацию. В IV тыс. до н. э. штамп начала вытеснять

новая форма — цилиндр [Pittman, Aruz 1987: 11] Цилиндрические печати позволяли создавать на глине бесконечные орнаменты. И не только орнаменты. Помимо изображений на таких печатях стал помещаться и текст. Поначалу — только имя владельца, но со временем надписи на печати становились все длиннее и разнообразнее.

Середина III тыс. до н. э. стала временем, когда привычное существование номовых городов-государств в Месопотамии подошло к концу. На политической арене появились династии, которые смогли сплотить весь регион в единую государственную систему. Рост распространения цилиндрических печатей соотносился с возрастающими бюрократическими стремлениями крупных государственных аппаратов.

Такое положение дел в Месопотамии сохранялось вплоть до конца VIII в. до н. э., когда печать-штамп вновь стала основным типом печати в Ассирии и Вавилонии [Collon 1987: 75]. Многогранные и конусообразные печати из агатов и халцедона одинаково активно использовались как для административных, так и для хозяйственных целей. Цилиндрические печати создавались гораздо реже, но все еще были в ходу, и продолжали использоваться даже после греческого завоевания.

В III тыс. до н. э. цилиндрические печати не просто превалировали над штампами, но практически их вытеснили. Печати-штампы в этот период были большой

редкостью. О двух таких редких печатях речь пойдет в этой статье.

Две эрмитажные печати-штампа XXV–XXIII вв. до н. э.

1) Печать с прямоугольным основанием и небольшим возвышением сверху, в котором просверлено сквозное отверстие (Рис. 1).

ДВ–15771

Размер: 0,9х2,2 см

Материал: Темный стеатит

Поступление: 1938 г., из Музея Института истории Академии наук (бывшая коллекция Н. П. Лихачева)

Изображение: птица с львиной головой (Анзу) когтит двух кошачьих. Над ее крыльями с каждой стороны изображено по птице со сложенными крыльями.

Изображение на основании печати безусловно имеет многочисленные аналогии в искусстве раннединастического и староаккадского времени. Птица Анзу, когтящая кошачьих или копытных животных, появлялась на стелах, фризах, притолоках, булавах и, конечно, в глиптике этого периода. В шумерской традиции Анзу выступает в качестве антогониста богов, с которым успешно сражает Нингирсу. В последствии Анзу становится символом этого божества [Black, Green, 2004: 107]. В раннединастической глиптике она появляется в образе хищной когтящей животных птицы. На

староаккадских печатях Анзу чаще изображается плененной на божественном суде¹.

Абсолютное большинство шумерских и аккадских печатей, на которых птица Анзу изображалась, имели форму цилиндра. Однако существовала небольшая группа печатей-штампов, которая была входу в Месопотамии в XXV–XIII вв. до н. э. На одной из таких печатей из коллекции музея Ашмолеан, вероятно, также изображена птица Анзу [Buchanan 1966: 228]. Голова у мифического создания не львиная, а птичья, и изображена она в профиль, в то время как львиноголовую Анзу всегда изображали анфас [Watanabe 2002: 127]. Птичья голова у мифической птицы встречается на изображениях староаккадского периода, между тем Анзу с львиной головой более характерна для искусства раннединастического периода [Watanabe 2002: 128]. Бьюканан пишет, что печати-штампы раннединастического-староаккадского времени следует датировать, отталкиваясь от изобразительности [Buchanan 1966: 32]. Учитывая особенности иконографии птицы Анзу на эрмитажной печати (львиная голова, изображенная фронтально), саму печать, вероятно, следует датировать раннединастическим периодом.

2) Печать с прямоугольным основанием и возвышением сверху, в котором просверлено сквозное отверстие (Рис. 2).

¹ К примеру [Boehmer 1965: Taf. 42–44].

ДВ–15673

Размер: 1,6х2,4 см

Материал: Желтоватый мрамор

Поступление: 1938 г., из Музея Института истории Академии наук (бывшая коллекция Н. П. Лихачева)

Изображение: на основании печати изображена сидящая женская фигура. На голове у нее островерхий убор. Из-под него свисает длинная коса. Напротив фигуры несколько символов: растение в горшке(?) и скорпион.

Сидящая женщина с волосами, заплетенными в косу, весьма распространенная фигура в иконографии III тыс. до н. э. В первую очередь это изображение характерно для печатей раннединастического периода. Однако фигура сидящей на троне женщины встречается и на печатях-штампах староаккадского времени. Можно выделить как минимум четыре печати, на которых изображена именно богиня перед адорантом [Buchanan 1966: n. 229], [Myres 1914: n. 4365], [Eisen 1940: n. 43]. Еще на одной печати изображены три женщины, две из которых сидят. Рогатого головного убора, который бы определенно бы указывал на божественное происхождение одной из них, на женщинах нет [Boehmer 1965: Abb. 692] (Рис.4).

Сидящих женщин в III тыс. до н. э. часто представляли в банкетных сценах, где группа персонажей употребляла напитки из высоких кувшинов посредством длинных трубочек или держала в руках неглубокие чаши. Подобные

сцены встречались и в аккадской глиптике. В частности, на двух печатях-штампах².

Среди цилиндрических печатей староаккадского времени выделяют несколько групп с изображениями, резко отличающимися от привычной староаккадской иконографии. Они были своеобразным подражанием шумерской традиции. Банкетные сцены на этих печатях выполнены в раннединастической стилистике³. Среди этих печатей встречаются не только пирующие фигуры, но и различные изображение животных и растений.

Скорпион в сочетании с растениями рядом с пирующими персонажами, как на печати ДВ-15673, есть на одной из аккадских печатей из «шумерской» группы [Boehmer 1965: Abb. 664]. Скорпион в целом не часто встречается в аккадской глиптике⁴ за исключением группы печатей с изображением пахоты [Boehmer 1965: Abb. 711, 712, 714, 715]. Чаше его можно встретить на печатях

² Первая [Boehmer 1965: Abb. 672] (Рис. 3), вторая печать из музея Метрополитан инв. № 41.160.233.233 [Metropolitan: 41.160.233 233].

³ Р. Бёмер выделяет несколько групп староаккадских печатей с подражанием шумерской иконографии. Для нас особенно интересны группы “Akkadisch Ib. Tigris Gruppe” [Boehner 1965, Taf. XXXIX] и “Akkadisch Ia. Tigris Gruppe” [Boehmer 1965: Taf. LV], в которых есть банкетные сцены.

⁴ К примеру, во внушительном каталоге аккадских печатей Д. Коллон (243 предмета), скорпион на печатях встречается лишь семь раз [Collon 1982: 36].

раннединастического периода⁵, а позднее — в глиптике III династии Ура. В обоих случаях скорпион появляется в контексте с изображением растений и животных, а также часто с женскими фигурами. Принято считать, что скорпион мог рассматриваться жителями древней Месопотамии в качестве символа фертильности, связывая представления о материнстве (скорпион носит своих новорожденных детей на себе) и плодородии земли, в которой он живет⁶. Скорпион мог быть символом богини плодородия Ишкары и других богинь, ассоциирующихся с ней [Frankfort 1955: 16].

Отталкиваясь от иконографии печати ДВ–15673 можно сказать, что она выполнена в шумерской иконографической традиции. В сцене присутствует один персонаж. Сцену можно назвать усеченной, поскольку на цилиндрических печатях сидящая женская фигура изображалась бы в паре с адорантом (если бы была богиней) или в банкетной сцене с другими пирующими. В поле изображения присутствуют два символа — скорпион и цветок, которые, как уже было сказано выше, могли олицетворять идею плодородия. В целом у этой сцены есть четкие параллели как в раннединастической, так и в аккадской глиптике, учитывая, что в последней существовали целые группы так называемых шумерских подражаний. Материалом печати является желтоватый

⁵ В том числе скорпион изображен на печати-штампе раннединастического времени из урских царских гробниц [Mitchell 1986: fig. 113] (см. Таблицу).

⁶ Подробнее у [Pizzimenti, Polcaro: 313–317].

мрамор, который использовался для изготовления печатей как в раннединастический, так и в староаккадский период. Учитывая это датировать печать либо раннединастическим III, либо староаккадским периодом не представляется возможным. Можно лишь утверждать, что она является одним из немногочисленных примеров печатей-штампов XXV–XXIII вв. до н. э.

Торговые контакты и печати-штампы в III тыс. до н. э.

Как уже говорилось выше, для Месопотамии середины III тыс. до н. э. печать-штамп была исключительным явлением. В хозяйственной и административной жизни месопотамских городов главную роль в это время выполняла цилиндрическая печать. Почему же немногочисленные печати-штампы все же изготавливались? Какую цель преследовали заказчики? И почему подобных печатей найдено так мало?⁷

Говоря о месопотамских печатях-штампах этого периода, принято учитывать печати с традиционной для Междуречья иконографией, параллели к которым можно обнаружить среди распространенных цилиндрических печатей. Однако в Южной Месопотамии середины — конца III тыс. до н. э. в регионе были в ходу и другие печати-штампы.

⁷ Печатей-штампов такого типа известно совсем не много. Из нескольких десятков каталогов мною были найдены лишь те 15 примеров, которые приведены в Таблице I.

Самые ранние из них были найдены в урских царских гробницах. Это были печати-штампы, выполненные в стилистике печатей долины Инда.

В Месопотамии регион долины Инда был известен под названием Мелухха. Ранних документов, описывающих торговые контакты между Индом и Месопотамией, мало. Вероятно, причиной этому являлось то, что торговым посредником между этими регионами в разные периоды выступал то Маган⁸, то Дильмун⁹. Такое положение вещей было характерно вплоть до падения аккадской династии. Самый обширный корпус текстов, описывающий торговые отношения между Шумером и Мелуххой, происходит из Ура периода III династии. Однако же из Ура более раннего периода XXIV–XXII вв. до н. э. происходит большинство печатей индского типа [Mitchell 1986, 280].

Эти печати были двух форм: первая с прямоугольным основанием и небольшим возвышением с прорезью, вторая с круглым основанием, но также с небольшой петлей сверху.

⁸ Прежде всего страна Маган ассоциируется с Султанатом Оман, однако в середине III тыс. до н. э. важнейшие торговые порты Магана находились так же на территории современных Арабских Эмиратов возле побережья Абу-Даби (остров Умм-ан-Нар) [Сологубова 2020, 11].

⁹ Считается, что государство Дильмун с середины и до конца III тыс. до н. э. находилось в Восточной провинции Саудовской Аравии — прежде всего, в районе оазисов Катиф (включая остров Тарут) и Хофуф [Козлова 2017: 26].

Такую форму печатей называют «пуговичной». Иконография обоих видов печатей была схожей. Изображение животного, чаще всего быка, соседствовало с надписью, записанной индскими знаками. Однако эти надписи не были равнозначными.

Индская письменность на сегодняшний день все еще не дешифрована. Согласно С. Парполе индская письменность зарождается в XVII–XXV вв. до н. э., и начинает активно распространяться с XXIV в. до н. э. [Parpola 2005: 30]. И именно этим периодом датируются самые ранние индские печати, найденные в Уре [Mitchell 1986: 280]. Считается, что на прямоугольных печатях индского типа надписи были сделаны на языке Хараппы, в то время как на круглых печатях надписи вырезаны хоть и индскими знаками, но на другом языке [Hunter 1932: 469]. В таких надписях использовался не характерный для индского языка порядок знаков. [During Caspers 2008: 260].

Э. Дьюринг-Касперс предположила, что круглые печати с индскими знаками могли создаваться индскими переселенцами, обосновавшимися в Южной Месопотамии [During Caspers 1995: 19]. Считается, что прообраз первой индской торговой фактории появляется только в постаккадский период. Документы, описывающие примеры принятия шумерских имен индскими переселенцами относятся

к периоду III династии Ура. [Parpola, Parpola, Brunswig 1977: 158, п. 39]. Однако это не исключает более ранние примеры культурной интеграции жителей Инда в шумерское общество. Возможно, уже в раннединастический период индцы могли принимать шумерские имена и записывать их индскими знаками, порождая, таким образом, нехарактерные для индского языка надписи с непривычным порядком знаков [During Caspers 1995: 19].

Город Южной Месопотамии Ур был одним из важнейших портов Персидского залива в III тыс. до н. э. Большинство иноземцев, занимавшихся торговлей с регионом Месопотамии, оседали именно здесь. Не удивительно, что большинство печатей индского типа были найдены в Уре. Они были обнаружены не только в слоях раннединастического периода, но и в слоях аккадского и постаккадского времени¹⁰.

Не удивительно, что именно в Уре были найдены печати, представляющие симбиоз нескольких культур. Самой известной из них является печать из Британского музея. Пуговичная печать с прямоугольным основанием выполнена из

¹⁰ Круглую печать с индской надписью не на индском языке, найденную в Уре, датирую именно этим периодом. К тому же периоду относится прямоугольная медная печать с индскими знаками, которую определяют как оригинальную хараппскую [Parpola, Parpola, Brunswig 1977:158, п. 39].

зеленоватого стеатита. На ней изображен типично индский бык, поверх которого несколько клинописных знаков, вероятно, представляющих имя владельца печати [Gadd 1932: pl. 1, n. 1] (Рис. 5).

Можно предположить, что не только торговцы и переселенцы из региона Инда начинали перенимать новую для себя культуру. Жители Месопотамии, особенно те, кто непосредственно был связан с международной торговлей, тоже могли попасть под влияние индской культуры. В частности, это могло отразиться если не на содержании, то на форме их печатей.

Как уже говорилось выше, традиционная индская печать представляла собой штамп с плоским прямоугольным основанием и петелькой для пронизи. Эту же форму мы видим у месопотамских печатей-штампов периода конца раннединастического–аккадского времени. Ранняя граница существования этих печатей совпадает с началом проникновения в Южную Месопотамию индской культуры. Две эрмитажные печати, к сожалению, как и большая часть известных нам месопотамских печатей-штампов этого времени не имеют провенанса¹¹. Соответственно, ответить на вопрос, могли ли они происходить из центров

¹¹ За исключением двух ранних печатей, найденных в Уре (см. Таблицу).

Южной Месопотамии, традиционно связанных с морской торговлей, не представляется возможным, пока мы не получим больше материала археологического происхождения.

**Таблица. Прямоугольные печати-штампы
месопотамского типа XXV–XXIII вв. до н. э.**

	Печать	Материал	Провенанс	Период ¹²	Публикация
1.	Бык+имя владельца	Серо-зеленый стеатит	Ур	РД III	[Gadd 1932: pl. 1, n.1]
2.	Скорпион	Стеатит	Царские гробницы, Ур	РД III	[Mitchell 1986: fig. 113]
3.	Прямоугольная. Лахму + имя владельца	Белый мрамор		Аккадский	[Amiet 1957: 54 f., pl. XII, N.64]
4.	Иштар на троне и адорант	Серый мрамор		Аккадский	[Eisen 1940: n. 43]
5.	Орел/Анзу, когтящий копытных	Стеатит		Аккадский	[Buchanan 1966: n. 228]
6.	Сидящая на троне богиня и	Брекчия агата		Аккадский	[Buchanan 1966: n. 229]

¹² Датировка печати указана согласно изданию, в котором она была опубликована.

	адорант перед ней				
7.	Сидящее на троне божество (?) и адорант перед ним	Стеатит		Аккадский	[Buchanan 1966: n. 230]
8.	Сидящее на троне божество, адорант перед ним	Стеатит		Аккадский	[Boehmer 1965: Abb. 661]
9.	Сидящее на троне божество, адорант перед ним	Стеатит		Аккадский	[Boehmer 1965: Abb. 662]
10.	Сидящее на троне божество, адорант перед ним	Стеатит		Аккадский	[Boehmer 1965: Abb. 663]
11.	Богиня на троне + скорпион	Черно- зеленый стеатит		Пост- аккадский	[Myres 1914: n. 4365]
12.	Банкетная сцена (питье пива из высоких кувшинов с	Темно- зеленый серпентин		Аккадский	[Metropolitan: 41.160.233]

	помощью трубочек)				
13.	Банкетная сцена (женщина и мужчина с чашами восседают на стульях)	Темный мрамор		Аккадский	[Boehmer 1965: Abb. 672] (Рис. 3)
14.	Женщина на троне, перед ней на низком стульчике другая женщина, позади нее стоит также женская фигура	Темный мрамор		Аккадский	[Boehmer 1965: Abb. 692] (Рис. 4)
15.	Мужчина и женщина возле дерева	Стеатит		Аккадский	[Boehmer 1965: Abb. 708]

Литература

Козлова 2017 — Козлова Н. В. В стране Дильмун, где восходит солнце... Взгляд из Месопотамии // В стране Дильмун, где восходит солнце... Археологические

сокровища из Национального музея Бахрейна. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж, 2017. С. 23–45.

Сологубова 2020 — *Сологубова М. В.* Оман — перекресток цивилизаций // Оман — страна ладана. Санкт-Петербург, 2020. С. 9–11.

Amiet 1957 — *Amiet P.* Notes de glyptique orientale // *Cahiers de Byrsa*. 1957. Т. 7. Р. 23–27.

Black, Green 2004 — *Black J., Green A.* Gods, Demons and Symbols of Ancient Mesopotamia. An illustrated dictionary. London: British museum Press, 2004.

Boehmer 1965 — *Boehmer R. M.* Die Entwicklung der Glyptik während der Akkad-zeit. Berlin: de Gruyter, 1965.

Buchanan 1966 — *Buchanan B.* Catalogue of the Ancient Near Eastern Seals in the Ashmolean Museum. Stamp Seals. Vol. 2. Oxford: Clarendon Press, 1966.

Collon 1987 — *Collon D.* First Impressions: Cylinder Seals in the Ancient Near East. London: British Museum Press, 1987.

During Caspers 1995 — *During Caspers E. C. L.* The Meluhhan Cultural Heritage: Indianesque Stamp and Cylinder Seals, and their Relevance for the Acculturation Process of the Harappans Abroad // *Persica*. 1995. Vol. XV. P. 7–27.

During Caspers 2008 — *During Caspers E. C. L.* The Murghabo-Bactrian Archaeological Complex and the Indus Script // *Intercultural Relations between South and Southwest Asia. Studies in Commemoration of E. C. L. During Caspers (1934–1996)* (BAR International Series; 1826). Oxford: Archaeopress, 2008. P. 260–267.

Eisen 1940 — *Eisen G. A.* Ancient Oriental Cylinder and other Seals with a Description of the Collection of Mrs. William H. Moore. Chicago: The University Chicago Press, 1940.

Frankfort 1955 — *Frankfort H.* Stratified Cylinder Seals from the Diyala Region. Chicago: University of Chicago Press, 1955.

Gadd 1932 — *Gadd C. J.* Seals of ancient Indian style found at Ur // Proceedings of the British Academy. 1932. Vol. 18. P. 3–22.

Hunter 1932 — *Hunter G. R.* Mohenjo-daro — Indus epigraphy // Journal of the Royal Asiatic Society. 1932. № 2. P. 466–503.

Mitchell 1986 — *Mitchell T. C.* Indus and Gulf type seals from Ur // Bahrain through the Ages. The Archeology. London: KPI, 1986. P. 278–285.

Myres 1914 — *Myres J. L.* Handbook of Censola Collection of Antiquities from Cyprus. New York: The Metropolitan Museum of Art, 1914.

Parpola, Parpola, Brunswig 1977 — *Parpola S., Parpola A., Brunswig R. H. Jr.* The Meluhha Village. Evidence of Acculturation of Harappan Traders in Late Third Millennium Mesopotamia // Journal of the Economic and Social History of the Orient. 1977. Vol. XX. P. 129–165.

Parpola 2005 — *Parpola A.* Study of the Indus script // Transactions of the International Conference of Eastern Studies. 2005. Vol. 50. P. 22–66.

Pittman, Aruz 1987 — *Pittman H., Aruz J.* Ancient Art in Miniature: Near Eastern Seals from the Collection of Martin and Sarah Cherkasky. New York: The Metropolitan Museum of Art, 1987.

Pizzimenti, Polcaro 2021 — *Pizzimenti S., Polcaro A.* From Earth to Heaven. The Symbol of the Scorpion and its Astronomical Association in Mesopotamia // Atti del XVII Convegno SIA. Ex Oriente: Mithra and the Others. Astronomical Contents in the Cults of Eastern Origin in

Ancient Italy and Western Mediterranean. Padova: Padova University Press, 2021. P. 311–328.

Watanabe 2002 — *Watanabe C. E.* Animal Symbolism in Mesopotamia: A Contextual Approach. Wien: Institut für Orientalistik der Universität Wien, 2002.

Интернет-ресурсы

Metropolitan: 41.160.233 — Last Revision: 13 April 2022.

URL:<https://www.metmuseum.org/art/collection/search/323824>

Иллюстрации

Рис. 1. Прорисовка печати ДВ–15771 в двух экспозициях. Государственный Эрмитаж. Художник — С. Скиба.

Рис. 2. Прорисовка печати ДВ–15673 в двух экспозициях. Государственный Эрмитаж. Художник — С. Скиба.

Рис. 3. Прорисовка основания печати по [Boehmer 1965: Abb. 672].

Рис. 4. Прорисовка основания печати-штампа по [Boehmer 1965:Abb. 692].

Рис. 5. Прорисовка основания печати-штампа из Ура по [Gadd 1932: pl. 1, n.1].

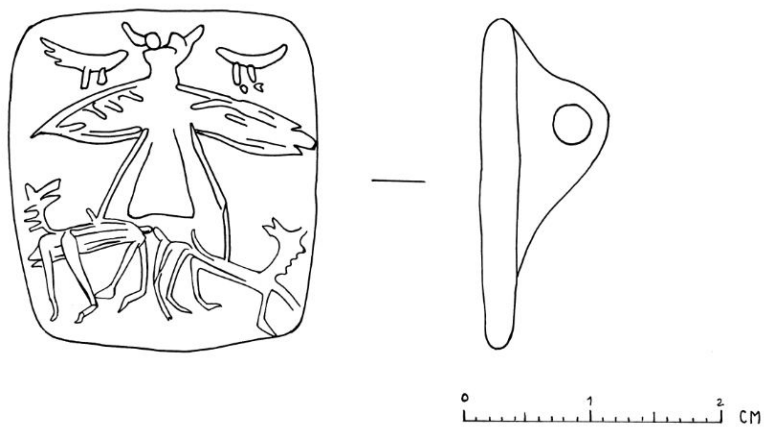

Рис. 1.

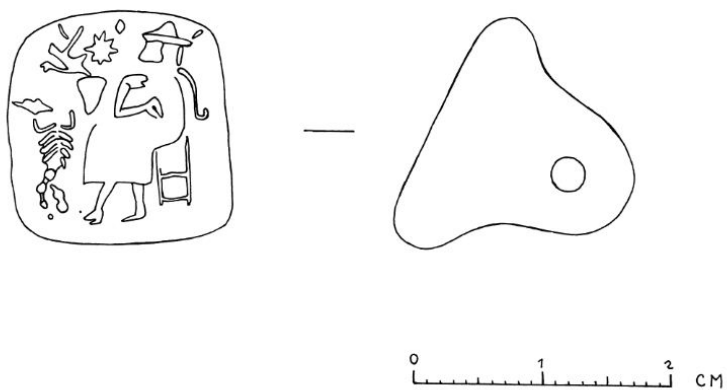

Рис. 2.

Рис. 3.

Рис. 4.

Рис. 5.

«Необходимо как можно скорее обратить внимание на отстающие участки идеологической работы»: письма В.И. Авдиева С.П. Трапезникову

Наталья Сергеевна Тимофеева

Соискатель ученой степени кандидата исторических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Сотрудник Музейного центра РГГУ, преподаватель Учебного центра «Арт-дизайн» факультета Истории искусства РГГУ, Москва, Россия, timofeewww@gmail.com, ORCID 0000-0002-0619-7102

Аннотация. В личном фонде В. И. Авдиева, хранящемся в Архиве РАН (Ф. 1782), обнаружен ряд обращений на имя заведующего Отделом науки ЦК КПСС С. П. Трапезникова. В первом письме В. И. Авдиев касается дискуссии о т. н. «азиатском способе производства», начавшейся в 1964 году; второе письмо содержит просьбу о содействии публикации своих научных работ и фиксирует положительные отклики аппарата ЦК на его обращения. Статья состоит из преамбульной аналитической части и собственно архивных документов, которые впервые вводятся в научный оборот.

Ключевые слова: В. И. Авдиев, С. П. Трапезников, Архив РАН, дискуссия об «азиатском способе производства».

“It is necessary to address the areas of ideological work that are lagging behind as soon as possible”: letters of V.I. Adviev to S.P. Trapeznikov

Timofeeva Natalia Sergeevna

Postgraduate student of Historical Sciences, Russian State University for the Humanities, Employee of the Museum Center at the RSUH, teacher at the “Art-design” education center of the history of art faculty at the RSUH, Moscow, Russia, timofeewww@gmail.com, ORCID 0000-0002-0619-7102

Abstract. Many appeals to S. P. Trapeznikov, head of the department of science of the central committee of the CPSU, were observed in the personal fund of V. I. Adviev (F. 1782) stored at the Russian Academy of Sciences. In his first letter, V. I. Adviev participates in the discussion of the so-called “Asiatic mode of production” which started in 1964. His second letter contains a request for support in publishing his scientific works and recounts positive responses from the Apparatus of the Communist Party to his appeals. This article consists of the preambular analytical part and the documents themselves, for which this is the first mention in the discursive scientific field.

Keywords: V. I. Adviev, S. P. Trapeznikov, Archive of the Russian Academy of Sciences, The Discussion of the Asiatic mode of production.

Всеволод Игоревич Авдиев (1898–1978) — крупнейший советский египтолог, лауреат Сталинской премии (1952), автор неоднократно переиздававшегося в советское время учебника «История Древнего Востока». Он занимал пост

директора Института Востоковедения АН СССР (1953–1955 гг.), заведовал Кафедрой истории древнего мира Исторического факультета МГУ.

Личный фонд Авдиева, хранящийся в Архиве РАН (Ф.1782), содержит ряд обращений на имя заведующего Отделом науки ЦК КПСС С.П. Трапезникова¹. Письма отпечатаны на машинке и не датированы, однако упоминание XXIII и XXIV съезда КПСС позволяют дать крайние даты документов. Первое письмо — не ранее 8 апреля 1966 г., второе — 9 апреля 1971 г.

На протяжении своей карьеры В.И. Авдиев неоднократно обращался к руководству страны и партии в поисках поддержки в дискуссиях и пытаясь повлиять на развитие и организацию исторической науки. В качестве примера достаточно привести личное письмо 1950 г. из фонда ЦК КПСС (РГАСПИ) на имя Л.П. Берия с критикой сборников «Советское востоковедение», издававшихся в Ленинграде. По итогам развернувшейся дискуссии по вопросам языкознания и разгрому «марризма» произошел перенос Института востоковедения АН СССР из Ленинграда в Москву [Ладынин, Тимофеева 2017: 337–363]. Перенос института сопровождался длительным и крайне болезненным процессом, в целом проект ставил своей целью подчинить под идеологический контроль

¹ Трапезников Сергей Павлович (1912–1984), партийный деятель, историк, член-корреспондент АН СССР с 1976 г. В 1965–1983 гг. — заведующий отделом ЦК КПСС. Являлся учеником В. И. Авдиева в годы учебы в ВПИ при ЦК ВКП (б).

деятельность ленинградской школы востоковедения и переориентировать содержание научно-исследовательских работ под практические задачи социалистического строительства.

Публикуемые письма не имеют бланковых реквизитов и регистрационных отметок, подписаны без должности и с указанием домашнего адреса «В. И. Авдиев. Москва, Котельническая набережная д.1/15, кв. 164. Корпус «Б», что позволяет сделать вывод о копийном характере документов. Однако их отправка высокому адресату не вызывает сомнения, исходя из общей эпистолярной практики ученого.

В первом письме В. И. Авдиев касается дискуссии о т. н. «азиатском способе производства», вторая волна которой началась в 1964 году. На базе архивных материалов, и, в частности, его неопубликованной статьи «Элементы древневосточного общества» [Архив РАН. Ф. 1782. Оп. 1. Д. 37. Л. 1–23.] можно сделать вывод о колебаниях автора в определении характера древневосточных обществ. Генезис взглядов В. И. Авдиева был определен во многом в рамках политической конъюнктуры. Так, в 1930 г. древневосточное государство оценивается как организатор хозяйства, позднее в 1931 г. — общество относится к феодальному типу, а после речи Сталина 1933 г., что главным фактором древней истории была борьба между рабовладельцами и рабами, вектор меняется к рабовладельческой концепции [Ладынин 2020]. Ученый всячески стремился подчеркнуть свою роль в «открытии» рабовладения, а его учебник по истории древнего Востока, в котором рабовладельческая

теория являлась структурообразующей, потеснил учебник В. В. Струве, выдержав три переиздания². Не удивительно, что В. И. Авдиев крайне болезненно воспринял начавшуюся дискуссию, грозившую поставить под сомнение его взгляды на историю древнего Востока.

В. И. Авдиев характеризует концепцию «азиатского способа производства» как противоречивую, и на прямую связывает ее с усилением захватнической политики империалистических государств. Отметим, что дискуссия об «азиатском способе производства», начавшаяся еще во второй половине 1920-х гг. и продолжившаяся в середине 1960-х гг., занимала одно из центральных мест в истории исторической науки советского периода [Никифоров 1977; Васильев 1988: 65–75], а сама концепция «азиатского способа производства» выступала альтернативой «линейному» взгляду на развитие восточного государства и общества, постулирующего поступательное движение от одной формации к другой. Стоит указать, что фоном дискуссии и ее важными факторами послужили десталинизация, спровоцировавшая пересмотр целого ряда догм исторической науки сталинского периода, а также рост антиколониального движения после Второй мировой войны и повышение интереса к особенностям развития

² «История Древнего Востока» — ключевой труд В. И. Авдиева, был издан неоднократно: в 1948, 1953, и 1970 гг. В его основе лежали лекции по истории древнего Востока, читавшиеся в разных вузах, однако он квалифицировался как самостоятельный научный труд и в этом качестве был удостоен Сталинской премии 1 степени за 1951 год.

стран Азии и Африки. Целый ряд историков (например, Л. С. Васильев, Ю. И. Семенов и др.) выступили против классической теории, согласно которой в обществах древнего Востока существовала рабовладельческая форма эксплуатации аналогичная античной.

Публикуемые документы позволяют говорить, что В. И. Авдиев использовал все доступные ему ресурсы, в том числе и административные, для критики оппонентов. Он почти не участвовал публично в развернувшейся полемике, но теперь мы можем говорить о его значимой закулисной роли.

Документ 2 содержит просьбу о содействии публикации научных работ Авдиева и фиксирует положительные отклики аппарата ЦК на его обращения. Письмо Авдиева показывает важную особенность: будучи заведующим Кафедрой древней истории Исторического факультета МГУ в последние годы своей жизни, он занимает крайне уязвимую позицию в профессиональном сообществе: целый ряд разгромных рецензий [Лурье, Дьяконов 1950; Меликишвили и др. 1954; Гиоргадзе и др. 1972] на его учебник по истории древнего Востока заставил усомниться в его профессиональной пригодности и научных компетенциях его автора. А регулярные обращения в ЦК по вопросам реорганизации целых институций и лоббированию своих интересов сформировали осторожное отношение и увеличили дистанцию в научной среде. Последнее письмо фокусирует попытки вернуть авторитет и руководящие положение и внимание со стороны властей предержащих.

Публикацию подготовила аспирант Тимофеева Н. С.

Документы приводятся с сохранением орфографии и пунктуации автора

№ 1

Заведующему Отделом Науки ЦК КПСС товарищу Сергею Павловичу Трапезникову.

Глубокоуважаемый Сергей Павлович, Решения XXIII съезда нашей партии³ обязывают нас обращать большое внимание на усиление идеологической работы. Так как я в течение 45 лет работаю в области исторической науки, а с 1930–31 гг. читаю лекции по всеобщей истории в высших учебных заведениях, мне удалось накопить некоторый опыт в деле распространения исторических знаний, в деле пропаганды достижений нашей исторической науки в свете марксистско-ленинской методологии. Вы, возможно, помните мои лекции, которые я с 1939 г. непрерывно читал в Высшей Партийной Школе при ЦК КПСС. Стенограммы этих лекций были напечатаны несколькими изданиями и выходили

³ XXIII съезд КПСС проходил 29 марта — 8 апреля 1966 г. В рамках которого особое внимание уделялось усилению идеологического контроля, съезд ознаменовал так называемый период застоя; и проходил в сложной международной обстановке на фоне обострения противоречий на международной арене и, прежде всего, с США.

непрерывно с 1939 по 1955 г. [Авдиев 1943]⁴ Мой учебник для университетов по истории древнего востока вышел двумя изданиями и переведен на 11 иностранных языков. Отдав всю свою жизнь работе в области исторической науки, я считаю себя и долгом своей совести обратить Ваше внимание на то, что, к сожалению, до настоящего времени у нас не обращают достаточного внимания на глубокое научное изучение всеобщей истории, в частности древней истории и истории Востока. А ведь широкое распространение исторических знаний необходимо для формирования коммунистического мировоззрения и для правильного научного построения нашей марксистско-ленинской методологии и пропаганды, которые мы должны противопоставить реакционной буржуазной методологии. Ведь мы не должны забывать того, что К. Маркс, Ф. Энгельс и В. И. Ленин были крупнейшими учеными историками своего времени, которые сумели овладеть огромным арсеналом исторических знаний и использовать их самым блестящим образом в своей теоретической и практической работе. Но теперь, мне кажется, существует некоторая недооценка значения исторических наук, что, несомненно, приводит к ослаблению эффективности совокупных усилий работников идеологического фронта. Совершенно ясно, что ни экономика, ни философия, ни юриспруденция и тем более филология, археология,

⁴ В автобиографии Авдиев пишет всего о шести изданиях курса лекций, прочитанных ВПШ при ЦК КПСС в период с 1939 — 1955 гг. [Архив РАН. Ф. 1782. Оп. 1. Д. 223. Л. 26]

этнография и искусствоведение не могут нормально развиваться без тесной связи с исторической наукой. Ведь если мы в основу развития общественных наук кладем методы диалектического и исторического материализма, то мы тем самым признаем несомненное значение исторической науки, изучение которой позволяет нам правильно осмыслить те социально-экономические процессы, которые происходят теперь, и отчасти предвидеть будущее.

Именно поэтому я позволю себе обратить Ваше внимание на некоторые недостатки в деле изучения основных проблем исторической науки, а также в области изучения и преподавания всеобщей истории.

При изучении философско-исторических вопросов слишком часто забываются основные теоретические принципы марксистско-ленинского учения о прогрессивной смене социально-экономических формаций, о возникновении классового государства, о возникновении и развитии классовой борьбы. Поэтому очень часто забываются слова К. Маркса о том, что «В общих чертах азиатский, античный, феодальный, буржуазный способы производства можно обозначить, как прогрессивные эпохи экономической общественной формации» (Соч. Изд. 2. Том 13. Стр. 7) [Маркс, Энгельс 1959: 7].

В 1930–1931 и в 1965–1966 гг., когда особенно обострилась агрессивная захватническая политика империалистических государств, когда заметно усилилась антикоммунистическая идеологическая пропаганда,

направленная реакционерами всех мастей против марксистско-ленинской методологии, велась оживленная дискуссия вокруг вопроса о том, что представляет собой «азиатский способ производства».

К сожалению, недостаточное глубокое изучение исторических фактов в области истории, в частности древневосточных народов и государств привело к тому, что на страницах нашей печати высказывались самые противоречивые точки зрения по этому вопросу и часто искусственно конструировался такой способ производства, такая социально-экономическая формация, такой этап в развитии общества, когда сельским общинам противостояла «восточная деспотия», выполняющая функции «организатора хозяйства». Это своеобразное государство «выступает, как глава, управляющий обществом и его производственную деятельность (включая также и войну), выступает как коллективный собственник и управляющий средствами производства и совокупностью всей рабочей силы страны» (Вопросы истории. 1966. № 11. стр. 78) [Меликишвили 1966: 78]. Одновременно с этим предполагается, что в этом своеобразном «азиатском обществе» одновременно сосуществуют все три докапиталистические формы общественного строя: родовой строй, рабовладельческий и феодальный. Этим как бы постулируется весьма длительный и всеобъемлющий характер этого «азиатского способа производства». Таким образом совершенно снимается вопрос о прогрессивном развитии этих трех, последовательно сменявших и прогрессивно развивавшихся социально-экономических

формациях. Одновременно с этим протаскивается буржуазная теория о том, что на востоке общественный строй развивался принципиально совершенно иным и особым образом, чем на западе, как будто бы в «восточных» странах действовали принципиально иные законы исторического развития, чем на «западе». Вместе с тем постулируется в основе и расовая теория, проводимая реакционными защитниками империалистической политики и идеологии. Эти апологеты колониализма проповедуют в корне неправильную теорию о том, что только западные колонизаторы повели восточные народы по пути прогресса. Сторонники «теории гидравлического общества» (Виттфогель⁵ и др.), маскируя свои реакционные взгляды цитатами из трудов Маркса и Энгельса противопоставляют западным странам «тотальное восточное общество», покоящееся на общинном строе и «благодетельной деспотии». Этим самым они воскрешают ныне совершенно обветшавшую теорию об абсолютно застойном восточном обществе, которое возглавляется бюрократией и деспотией и в

⁵ Карл Август Виттфогель (1896 — 1988) историк, синолог немецкого происхождения. Активный член Коммунистической партии Германии, после эмиграции в США стал на антикоммунистическую позицию. Главный труд «Восточный деспотизм. Сравнительное изучение тотальной власти» (1957) дает анализ исторических восточных деспотий, с указанием на общую для всех особенность — большое значение ирригационной системы для ведения сельского хозяйства. Виттфогель назвал такие общественные системы «ирригационными империями»

котором совершенно не было и нет до сих пор классовой борьбы⁶.

К сожалению, в нашей научной и научно-популярной печати эти реакционные теории почти не подвергаются критике. Дискуссия об общественных формациях на востоке, проведенная в Институте Азии АН СССР 27–28 мая 1965 г. (Москва, 1966) [Ким 1966], не дала никаких ощутимых результатов и не могла дать таковых, поскольку в ней участвовало очень мало специалистов и их выступления почти не содержали конкретно исторических фактов⁷. Поэтому в социалистических странах неправильное понимание «азиатского способа производства» находит себе поддержку среди представителей научной мысли, в чем я мог лично убедиться во время своей поездки по ГДР в мае-июне этого года. Я привел только один пример того, как искажается теория Маркса и Энгельса о прогрессивной смене социально-экономических формаций и как ошибки,

⁶ В рамках дискуссии подчеркивались сходства основных черт азиатского способа производства и социализма советского образца на базе таких исследователей как К. Виттфогель, Р. Гароди. «Ирригационные империи» согласно концепции Виттфогеля, к которым он относил СССР и нацистскую Германию не являются социализмом, а выступают современной версией восточной деспотии, основанной на характерных чертах азиатского способа производства.

⁷ В дискуссии принимали участие видные ученые М. А. Коростовцев с докладом «Особенности рабовладельческого общества на древнем Востоке»; Л. С. Васильев «Рабовладение и феодализм в древнем Китае (о социально-экономическом строе докапиталистических обществ); В. Н. Никифоров «Концепция азиатского способа производства и современная советская историография».

допускаемые нашими специалистами, льют воду на мельницу буржуазных реакционных историков и популяризаторов. Список такого рода ошибок можно было бы при желании увеличить.

Для того, чтобы дать достойный отпор всякого рода реакционным теориям следует *реорганизовать* существующий при Институте Истории АН СССР сектор методологии истории⁸, введя в него крупных, широко образованных и теоретических сильных специалистов в области исторической науки. Этот сектор должен систематически публиковать большие и фундаментальные исторические труды, основанные на большом фактическом материале, а также научные и научно-популярные статьи, посвященные глубокой критике реакционных буржуазных теорий.

⁸ По инициативе М. Я. Гефтера, А. Я. Гуревича, Б. Ф. Поршнева в 1964 г. был образован сектор методологии истории в Институте истории, который функционировал по принципу проблемных групп: теоретического источниковедения, социальной психологии, структурного анализа и типологии, культурологии. Обсуждаемые в секторе проблемы оставались в пределах марксистско-ленинской концепции, тем не менее противоречили сложившейся административно-бюрократической системе. В 1969 г. вышел первый дискуссионный сборник сектора методологии истории — «Историческая наука и некоторые проблемы современности», были подготовлены к изданию три других: «Ленин и проблемы истории классов и классовой борьбы», «Проблемы структурного анализа в историческом исследовании», «Логика превращения культур». Это стало сигналом к кампании за ликвидацию сектора, который в итоге прекратил свое существование [Неретина 1996].

Критиковать буржуазные реакционные концепции можно лишь на основании углубленного изучения исторических источников и хорошего знания всей истории вопроса. Поэтому в Институте Истории АН СССР следует организовать особый сектор источниковедения и историографии всеобщей истории, в который следует привлечь крупных специалистов в области исторической науки, в частности древней истории. К сожалению, в Институте Истории АН СССР нет специального сектора источниковедения и историографии всеобщей истории, что тормозит работу в этой области.

Столь же слабо поставлено изучение истории культуры. До сего времени у нас не напечатано большого обобщающего научного труда по истории культуры в мировом масштабе, в котором буржуазным реакционным теориям была бы противопоставлена марксистско-ленинская концепция развития мировой культуры. А ведь несколько лет тому назад Юнеско издало первый том такой книги, в которой дан яркий, но недостаточно глубокий и исходящий из идеалистических теорий очерк развития культуры в древнем мире. Поэтому в Институте Истории АН СССР следует создать сектор истории культуры для изучения этой важной области исторической науки. На Историческом факультете Московского Университета также следовало бы организовать кафедру для преподавания на более высоком уровне истории культуры в мировом масштабе. Это необходимо, так как, к сожалению, у нас печатается слишком мало серьезных научных трудов по этим вопросам.

Этими причинами в некоторой степени объясняется наше отставание в деле пропаганды исторических знаний. С другой стороны, отсутствие серьезных научно-исследовательских трудов в области основных разделов исторической науки, источниковедения, историографии, истории культуры и особенно важной теперь в политическом отношении истории восточных народов (новой, средневековой, древней) не дает возможности достаточно широко и глубоко развернуть идеологическую работу в области критики буржуазных теорий.

Необходимо как можно скорее обратить внимание на эти отстающие участки идеологической работы.

Так как я имею большой опыт в изучении этих проблем, прошу использовать мои знания в этой области и мой опыт научной и педагогической работы. Мне хотелось бы при жизни видеть напечатанными мои подготовленные в области истории древнего востока работы. Но я это смогу сделать только в том случае, если мне будет предоставлена возможность закончить эти труды.

Я Вас очень прошу помочь мне в этом деле.

В. И. Авдиев.

Москва, Котельническая набережная

Д.1/15, кв. 164. Корпус «Б»

Тел. Б-7-48-47

АРАН. Ф. 1782. Оп. 1. Д. 321. Л. 1-6. Машинопись. Без даты.

№ 2

Глубокоуважаемый Сергей Павлович.

В проекте директив XXIV партийного съезда КПСС⁹ обращено большое внимание на развитие высшего образования, основанного на строго научной базе. Вполне естественно, что все преподаватели высших учебных заведений должны, как и говорится в этом проекте, «повышать качество подготовки и улучшать идейно-политическое воспитание будущих специалистов», а для этой цели необходимо «развивать научные исследования в высшей школе»

Среди общественных наук видное и почетное место занимает историческая наука, которая должна быть партийной. Эта фраза стала теперь «крылатой». Но в нее нужно вложить конкретное содержание. Каждая наука должна исходить из твердо установленных фактов. В особенности история. Перед современным настоящим историком открываются необозримые горизонты, огромное поле деятельности. Ведь достоверность исторических фактов следует подвергать строгой исторической критике, учитывая в первую очередь классовую тенденцию того исторического деятеля или просто свидетеля, который сообщает о том или ином событии.

Советская историческая наука может гордиться рядом достижений, в частности изучением основных

⁹ XXIV съезд КПСС проходил 30 марта — 9 апреля 1971 г.

закономерностей в развитии социально-экономических формаций с позиций марксистско-ленинской методологии. Однако советские историки должны сочетать теорию с практикой. Поэтому мало устанавливать те или иные закономерности в развитии общества, государства, культуры. Надо учиться понимать ход развития исторического процесса и оказывать посильное влияние на людей, формируя в высшей школе, в первую очередь среди историков наше коммунистическое мировоззрение. А отсюда один шаг до понимания смысла враждебной милитаристической пропаганды, которая в той или иной форме активно и организованно проводится в капиталистическом мире.

Мне приходилось неоднократно обращаться в ЦК с письмами, в которых я указывал на те или иные недостатки в организации исторических исследований в научных институтах и в высшей школе. Мне приходилось писать о том, что недостаточное внимание к работе историков не давало возможности использовать те огромные идеологические резервы, которые необходимо мобилизовать для воспитания, развития и пропаганды коммунистического мировоззрения, как в Советском Союзе, так и за рубежом. Мои письма всегда вызывали отклик и помощь со стороны партийных организаций и Вас, в частности. Поэтому я пишу Вам и теперь.

Мне кажется, что наша историческая наука должна теснее сплотить свои ряды и как можно скорее дать те

обобщающие научные труды, которые должны стать могучим оружием нашей научной пропаганды.

В своей книге «История древнего Востока» я старался в меру своих сил осуществить эти принципы. Посвящаю третье издание своего труда XXIV съезду КПСС.

Скоро будет 50 лет, как я работаю в области исторической науки. Из них 40 лет я работаю в высшей школе и отдаю свои силы нашему народу, коммунистической партии, великому делу дружбы народов и защиты мира.

Надеюсь и в будущем трудиться не покладая рук, но прошу мне помочь, так как не имею реальной возможности закончить свои многочисленные научные труды ПОЧТИ ГОТОВЫЕ ДЛЯ ПЕЧАТИ. Я уже стар и нуждаюсь в организационной помощи, чтобы, окончив свои труды, напечатать свои рукописи, тем самым выполнить свой долг перед нашим народом и перед нашей партией.

В. И. Авдиев.

Москва, Котельническая набережная

Д.1/15, кв. 164. Корпус «Б»

Тел. 227–48–47

АРАН. Ф. 1782. Оп. 1. Д. 321. Л. 12–12 об. Машинопись. Без даты.

Литература

Авдиев 1943 — *Авдиев В. И.* История Древнего Востока: Стенограмма лекций, прочит. в Высшей партийной школе при ЦК ВКП(б) в 1943 учеб. году: [На правах рукописи] (Курс всеобщей истории. Древняя история / Высш. парт. школа при ЦК ВКП(б); Лекции 1–7). М.: [б. и.], 1943.

Архив РАН. Ф. 1782. Оп.1. Д. 37. Л. 1–23 — *Авдиев В. И.* Элементы древневосточного общества. Статья. Машинопись.

Васильев 1988 — *Васильев Л. С.* Что такое «азиатский» способ производства? // *Народы Азии и Африки.* 1988. № 3. С. 65–75.

Гиоргадзе и др. 1972 — *Гиоргадзе Г. Г., Дьяконов И. М., Коростовцев М. А., Менабде Э. А., Якобсон В. А., Герасимов А. В., Медведев Е. М., Переломов Л. С.* Третье издание учебника по истории древнего Востока // *Народы Азии и Африки.* 1972. № 5. С. 133–146.

Ким 1966 — *Ким Г. Ф.* (ред.) Общее и особенное в историческом развитии стран Востока. Материалы дискуссии об общественных формациях на Востоке (азиатский способ производства). М.: Наука, 1966.

Ладынин, Тимофеева 2017 — *Ладынин И. А., Тимофеева Н. С.* «Глубокоуважаемый Лаврентий Павлович!» Из документов В.И. Авдиева 1950 г. // *Aegyptiaca Rossica.* Вып. 5. М., 2017. С. 337–363.

Ладынин 2020 — *Ладынин И. А.* На пути к концепции рабовладения на Древнем Востоке: работа В.И. Авдиева «Элементы древневосточного общества» (1933) // *Электронный научно-образовательный журнал «История».* 2020. Т. 11. № 1 (87). DOI: 10.18254/S207987840008294-2.

Лурье, Дьяконов 1950 — *Лурье И. М., Дьяконов И. М.* Рец. на: Авдиев В.И. История древнего Востока. ОГИЗ, Госполитиздат, 1948 // *Вестник древней истории.* 1950. № 1. С. 116–133.

Маркс, Энгельс 1959 — *Маркс К., Энгельс Ф.* Полное собрание сочинений. В 39 томах. Издание второе. Т. 13. М.: Издательство политической литературы, 1959.

Меликишвили 1966 — *Меликишвили Г. А.* К вопросу о характере древнейших классовых обществ // Вопросы истории. 1966. № 11. С. 65–80.

Меликишвили и др. 1954 — *Меликишвили Г. А., Рубинштейн Р. И., Ильин Г. Ф., Симоновская Л. В.* Рец. на: Авдиев В. И. История древнего Востока. Издание второе, переработанное и дополненное. Госполитиздат, 1953 // Вестник древней истории. 1954. № 3. С. 76–85.

Никифоров 1977 — *Никифоров В. Н.* Восток и всемирная история. М.: Наука, 1977.

Неретина 1996 — *Неретина С.* История с методологией, или Конец истории // Аутсайдер. Человек вопроса. Век XX и мир. 1996. № 1. С. 120–161.

Калаи-Кафирниган: городище и буддийский храм

Татьяна Петровна Удыма

Специалист 2 категории Отдела истории и культуры Древнего Востока Института востоковедения РАН, хранитель Архива ЮТАКЭ, Москва, Россия, tanyaudyma@yandex.ru, ORCID: 0000–0003–4879–2142

Аннотация. Статья посвящена работе Южно-Таджикской археологической экспедиции в Калаи-Кафирнигане, городище и укреплении, построенном, предположительно, в IV–VI вв н. э. Экспедицию возглавлял проф. Б. А Литвинский. Раскопки происходили возле поселения Эсамбай недалеко от столицы Душанбе, в 1974–1980 гг. Калаи-Кафирниган был разделен на городище и цитадель. В городище расположен буддийский храм. Статья описывает потрясающую роспись, посвященную буддийским ритуалам, а также украшения внутри храма и сам храм. Статья написана художником ЮТАКЭ и включает в себя несколько её рисунков объектов, найденных на раскопках.

Ключевые слова: Калаи-Кафирниган, Таджикистан, буддийский храм, буддийские ритуалы, настенная живопись, археологическая иллюстрация

Kalai-Kafirnigan: site and Buddhist temple.

Tatiana P. Udyma

Specialist of the 2nd category of the Department of History and Culture of the Ancient Orient of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, archive keeper of the South Tajikistan archaeological expedition, Moscow, Russia, tanyaudyma@yandex.ru, ORCID: 0000-0003-4879-2142

Abstract. This article deals with the results of South Tajikistan archaeological works on Kalai-Kafirnigan, a city and fortification presumably built in the IV–VI cc. AD. The expedition was led by prof. B.A.Litvinsky. The excavations took place in the territory of Esambay village near capital Dushanbe in the years 1974–1980. The buildings found consisted of 2 parts: the settlement and the citadel. The site had a Buddhist temple. Mainly the article describes the fascinating wall painting depicting various Buddhist rituals and decorations inside the Buddhist temple and the temple itself. The article is written by the archaeological illustrator of the expedition, also featuring some of the original drawings of the objects found on the site.

Keywords: Kalai-Kafirnigan, Tajikistan, buddhist temple, ritual-themed decorations, carved panels, wall-paintings, archaeological illustration

Изучением памятников Калаи-Кафирниган (местные узбеки называли его Туккуз-тепе) занималась Южно-Таджикская археологическая экспедиция под руководством профессора Б. А. Литвинского. Раскопки проводились в 1974–1980 гг. Начальниками групп были Е. В. Антонова,

А. В. Седов, В. И. Соловьев и другие. В работе экспедиции участвовали сотрудники отдела Древнего Востока ИВ РАН, сотрудники Государственного Эрмитажа и Академии наук Таджикистана.

Кишлак Эсамбай находится в 80 км к юго-западу от Душанбе на берегу реки Кафирниган. Мощное укрепление Калаи-Кафирниган было построено предположительно в конце IV — начале VI вв. н. э. Городище состоит из двух частей: собственно городища (шахристана) и отделенной ровом цитадели, вытянуто с севера на юг на 275 метров, при ширине 100–150 (площадь 3,5 га). Оно окружено стеной с выступами-башнями, за стеной ров. В северной части восточной стены находились ворота. Раскопки показали, что город пережил три этапа существования: нижний — раннеэллинистический, средний — кушанский и верхний — раннесредневековый.

Основные работы проводились в южной части шахристана. Были вскрыты сооружения верхнего яруса: квартал рядовой постройки, жилище представителя городской знати, крупное сооружение, состоящее из центрального зала и обходного коридора, а в юго-западном углу шахристана — буддийский храм. Постройки этого времени относятся к VI–VIII вв. н. э.

Одно из самых интересных сооружений было раскопано в центре поселения. Это ромбовидный центральный зал, окруженный обходными коридорами. Зал имел двухъярусную софу вдоль стен, украшенных резными деревянными панно. При пожаре деревянные перекрытия и

панно рухнули, но часть колонн и панно сохранилась. Панно были украшены разнообразными геометрическими и растительными орнаментами, основной мотив которых — виноградная лоза. Большой интерес представляет панно с двумя обращенными к друг другу павлинами.

Рядом, отделенный лишь узкой улицей, располагался буддийский храм. Буддийский храм-объект V представлял собой собственно буддийский храм и хозяйственно-жилой комплекс. Центром этого комплекса являлось квадратное святилище, окруженное коридором. В центре святилища — большой фигурный постамент с выступами для стоящих скульптурных фигур, в углах маленькие постаменты, на поверхности которых сохранились ступни ног некогда стоящих здесь статуй. В нише южной стены на постаменте — сидящая скульптура Будды (сохранилось основание головы).

В обходном коридоре вокруг святилища в его южной части в нише — фигура сидящего Будды. Стены коридора были расписаны — часть настенной живописи сохранилась.

Настенная живопись была нанесена в то время, когда помещение функционировало как буддийский храм. На западной стене — почти целое живописное панно. Длина сохранившегося участка живописи 190 см, высота 130 см. Живописная композиция состоит из верхнего яруса с фигурой сидящего Будды и двух фигур по бокам от него, и нижнего яруса с изображениемдвигающейся вправо ритуальной процессии. От восседающей на троне центральной фигуры, изображенной в верхнем ярусе,

сохранились часть складчатого одеяния желтого цвета, ноги и часть руки. Нижний ярус отделен от верхнего черной каймой с белыми овалами. Композиция представляет собой движущуюся вправо процессию, состоящую из разномасштабных фигур. В левой части композиции две женские фигуры. Первая дама держит в левой руке чашу с фруктами, а в правой цветок лотоса. Она одета в длинное платье и распахнутый плащ. Поза второй дамы в целом похожа на позу первой (в правой руке она тоже держит цветок), но есть отличия в деталях. Фигура второй дамы более крупная с непропорциональной большой головой. Прически и повязки почти одинаковые, но размер глаз, форма бровей, серьги не идентичны. Платья женщин тоже разные по цвету-у одной розовое с черным, у другой коричнево-желтое с синим. В руках у каждой дамы цветок, но с разным количеством лепестков: пять и девять. Следом расположена небольшая мужская сидящая фигура, а за ней стоящая фигура монаха, держащего на груди изогнутый стебель цветка. Перед монахом — пара сидящих лицом друг к другу мужских персонажей, один из которых держит в руке большую чашу с какими-то плодами. За этой группой крупная фигура стоящего мужчины, от которой сохранились только часть руки и низ одежды. Крупные фигуры нижнего яруса изображены в половину натуральной величины. Многофигурная композиция настенной живописи представляет типичное изображение церемонии, во время которой основатели храма подносили дары святыне.

Живопись поражает своей яркой колористической гаммой. В одной из своих работ Б. А. Литвинский написал:

«...в калаикафирниганской живописи представлены этнический тип местных тохаристанских жителей, их одежда и аксессуары. В этом отношении значение вновь открытой живописи как важного источника трудно переоценить» [Литвинский 1983: 295].

«Обнаружение буддийского храма на Калаи-Кафирниган открыло новую, доселе неизвестную страницу истории буддизма в раннесредневековой Средней Азии, ярко показало органическую связь буддийского искусства и архитектуры с небуддийским искусством и архитектурой. Не только буддизм как идеология, но и связанные с ним культовые постройки и искусство являлись важной интегральной частью культуры среднеазиатских народов накануне ислама и оказали значительное влияние на развитие среднеазиатской цивилизации» [Литвинский 1983: 299].

Литература

Литвинский 1983 — *Литвинский Б. А.* Буддийский храм Калаи-Кафирниган (Южный Таджикистан) и проблемы истории культуры Центральной Азии // История и культура Центральной Азии. М.: Главная редакция восточной литературы, 1983. С. 282–305.

В приложении к этой статье представлены мои рисунки, сделанные во время раскопок на Калаи-Кафирнигане (фото и реконструкции создавали другие участники экспедиции).

Я очень благодарна Борису Анатольевичу Литвинскому за то, что он научил меня работать в качестве археологического художника. Умение рисовать должно сочетаться с умением понять найденную вещь, показать разрез, различный ракурс и т.д.

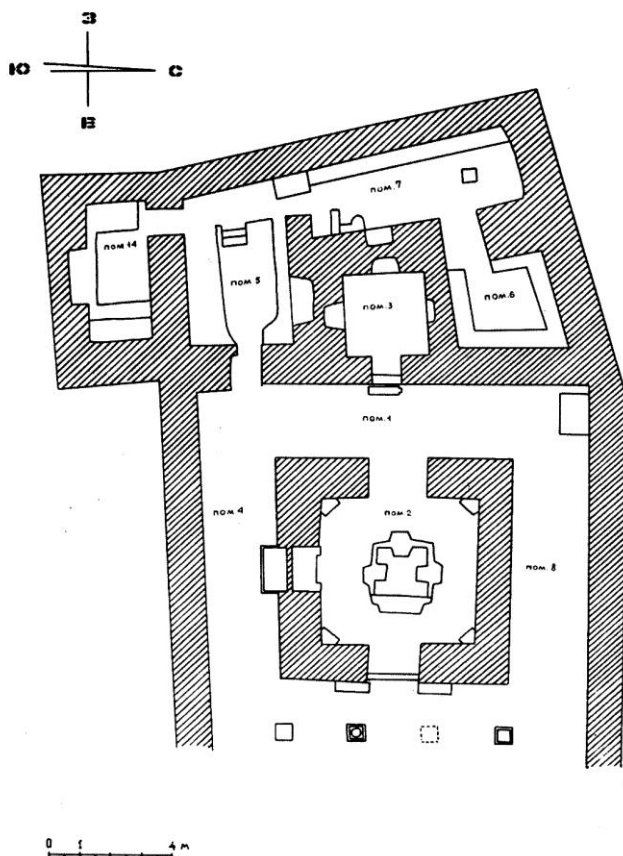
Мы часто работали рядом: Борис Анатольевич писал карточки на каждую значительную вещь, а я рисовала ее. С самого начала создания экспедиции ЮТАКЭ я была постоянным участником, нарисовано огромное количество керамики, оружия, скульптуры, украшений.

Работа в экспедиции — одна из ярких страниц в моей профессиональной деятельности.

В настоящее время материалы ЮТАКЭ хранятся в архиве отдела истории и культуры Древнего Востока, и я хранитель этого архива.

КАЛАИ - КАФИРНИГАН 1978

ОБЪЕКТ V. ПЛАН

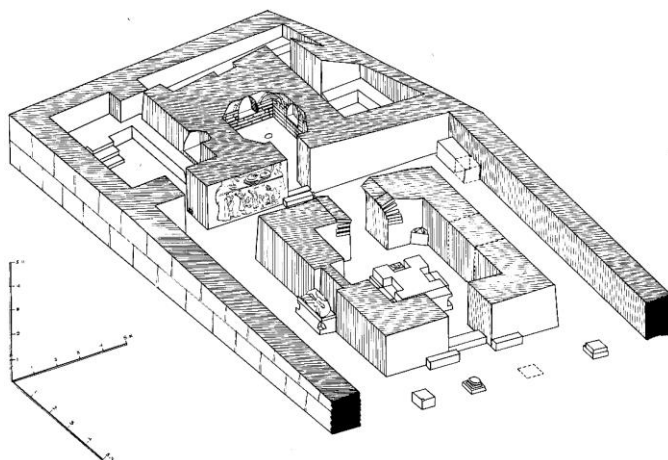

Илл. 1. Калаи-Кафирниган. Схема реконструкции объекта V. Аксонометрия.

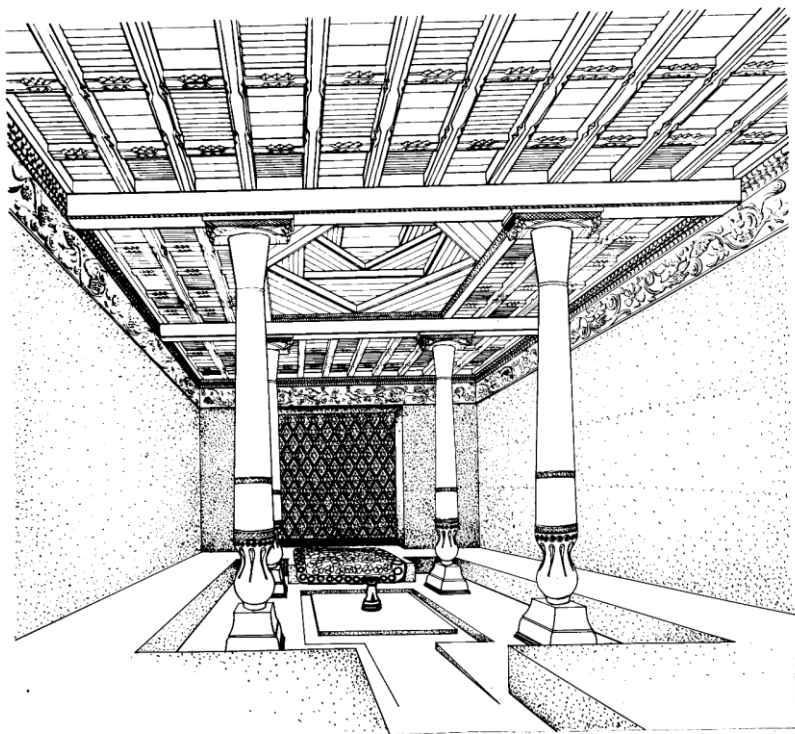
КАЛАИ-КАФИРНИГАН-75

СХЕМА РЕКОНСТРУКЦИИ

ОБЪЕКТ-V АКСОНОМЕТРИЯ

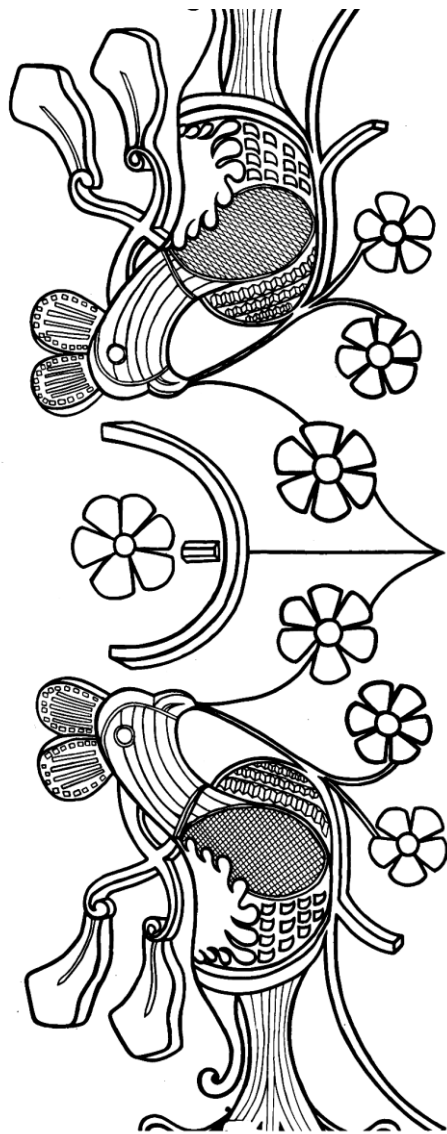
Илл. 2. Калаи-Кафирниган. План раскопа объекта V.

Илл. 3. Калаи-Кафирниган. Объект V. Интерьер парадного зала. Реконструкция архитектора Н. Смолиной.

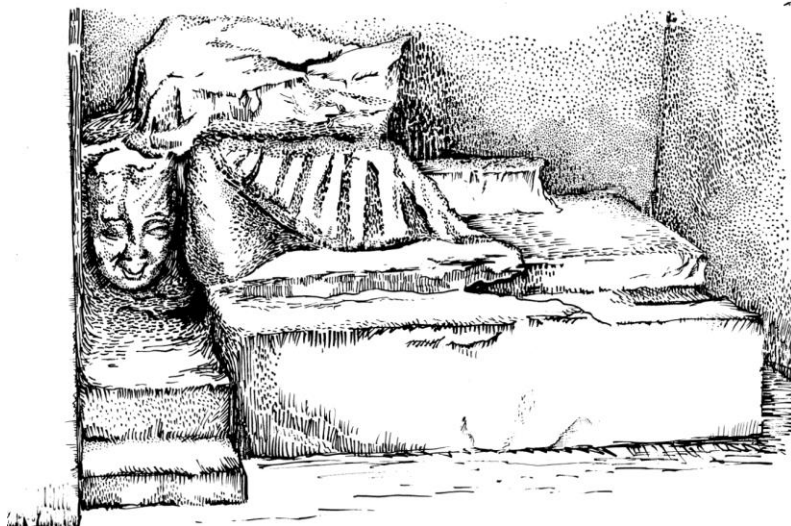
Илл. 4. Резное дерево, фрагмент, прорисовка.

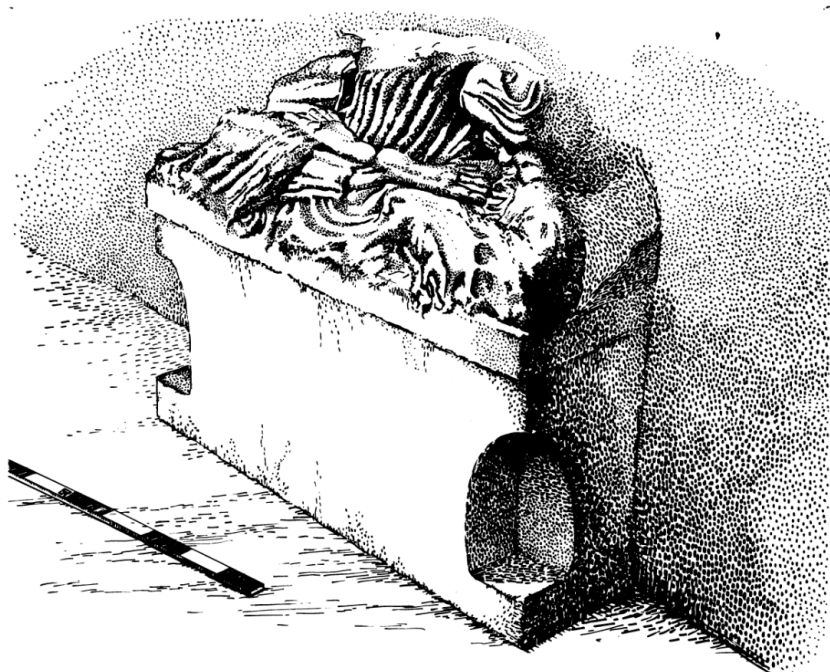
Илл. 5. Резное дерево, павлины, реконструкция Т. Удыма.

Илл. 6. Рабочий момент раскопок

Илл. 7. Объект V. Помещение 2. Постамент с головой в углу. Рисунок Т. Удыма

Илл. 8. Объект V. Помещение 4, коридор. Постамент с сидящим Буддой. Рисунок Т. Удыма.

Илл. 9. «Святылище». Настенная живопись. Сцена пранидхи. Прорисовка Т. Удыма.

Илл. 10. Фрагмент настенной живописи. Голова дамы.
Фото.

Илл. 11. Фрагмент настенной живописи. Голова монаха.
Фото.

Ребенок в египетском монастыре по коптским агиографическим и документальным источникам

Лилия Рубеновна Франгулян

Кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт востоковедения Российской академии наук, Москва, Россия, 8liya8@gmail.com, ORCID: 0000–0001–6203–794X

Аннотация. В статье обсуждается присутствие детей в коптских монастырях по текстовым источникам, среди которых основными следует назвать наследие Пахомия Великого, свод трудов Шенуте, архив монастыря св. Фойбаммона (VIII в.) и поздние агиографические тексты (VII–VIII вв.). Анализ ранних монашеских памятников свидетельствует о том, что дети присутствовали в монастырях и за ними следили, осознавая их незащищенность. Часто они появлялись там, приходя с родителями, принявшими постриг. Другие дети были духовными чадами монахов и готовились к аскетическому пути. Более поздняя традиция содержит сюжеты с дарением ребенка монастырю в качестве раба. И официальные документы монастыря св. Фойбаммона, и агиография повествуют обо всех обстоятельствах такого дароприношения. Юридические документы отличает, конечно, точность и сухость, но в той части, где описываются причины, вынудившие родителей пойти на такой поступок, они составлены в духе агиографического повествования.

Ключевые слова: Египет, дети в монастыре, Пахомий Великий, Шенуте, монастырь св. Фойбаммона, дароприношение детей.

A child in an Egyptian monastery according to Coptic Hagiographic documentary sources

Lilia R. Frangulian

PhD in Philology, Senior Researcher, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, 8liya8@gmail.com, ORCID: 0000-0001-6203-794X

Abstract. The article discusses the presence of children in Coptic monasteries according to textual sources, among which the main ones are the legacy of Pachomius the Great, the collection of works of Shenoute, the archive of the monastery of St. Phoibammon (VIII century) and late hagiographic texts (VII–VIII centuries). An analysis of early monastic texts indicates that children were present in the monasteries and were cared about because of their insecurity. Often they appeared there, coming with their parents who had taken a vow. Other children were the spiritual children of the monks and were preparing for the ascetic path. A later tradition contains plots with the gift of a child to a monastery as a slave. And the official documents of the monastery of St. Phoibammon, and hagiography tell about all the circumstances of such a gift offering. Legal documents are distinguished, of course, by accuracy and dryness, but in the part that describes the reasons that forced the parents to take such an act they are compiled in the spirit of a hagiographic narrative.

Keywords: Egypt, children in the monastery, Pachomius the Great, Shenoute, monastery of St. Foibammon, the offering of children.

Присутствие детей в монастыре в эпоху поздней
Античности и раннего Средневековья

засвидетельствовано в разных христианских источниках: в работах отцов Церкви, в юридических документах, в агиографических текстах и в патериках. В статье будет проанализировано присутствие детей в коптских монастырях, одних из самых ранних восточных общин подвижников. К источникам исследования относятся патристические сборники (IV–V вв.), монашеские правила Пахомия Великого и Шенуте (IV–V вв.), агиографические тексты в честь подвижников и мучеников (IV–V вв., VII–VIII вв.) и архивные документы (VIII вв.). Очевидно, что выделяются два хронологических промежутка — IV–V вв., когда шло становление и развитие монашества, и VII–VIII вв., актуальный для анализа в связи с сюжетом дарения ребенка монастырю.

Ранние свидетельства позволяют утверждать, что уже с IV в. дети в том или ином статусе жили в монастырях. Известно о присутствии детей (говорится только о мальчиках) в монастыре Пахомия Великого (ум. ок. 346/348), о чем повествуют сюжеты из его «Жития» и постановления в его «Правилах». В «Житии» упоминаются дети, как приносимые на излечение [Хосроев 2004: 220], что ожидаемо, так и живущие в монастыре. Среди последних наиболее понятна ситуация с теми, кто становился духовными чадами монахов. Например, у Пахомия был ученик Федор, которого привели к нему в возрасте 13 лет [Хосроев 2004: 370]. Он жил

аскетично и воспитывался в монастыре при Пахомии; позднее стал его настоятелем. Примечательна история мальчика Сильвана (возраст неизвестен), духовным отцом которого до его поступления в монастырь был Пахомий [Хосроев 2004: 260–261]. По неизвестным причинам ребенок стал жить с монахами, однако он оказался нерадивым, и святой предложил отправить его обратно к родителям. Сильван же испугался, дал обещание стать достойным монахом, и потому был оставлен в монастыре, где вел аскетический образ жизни. Как получалось, что родители отдавали детей, видно на примере из труда «Жизнь отцов-пустынников», приписанного Руфину Аквилейскому (ум. 410) и посвященного египетским аскетам. Автор рассказывает историю военачальника и его жены [Жизнь пустынных... 1991: 43–44]. После родов та занемогла, и подвижник Иоанн предрек мужу ее исцеление, добавив, однако, что военачальник должен воспитывать сына до семи лет, а затем отдать в монастырь для обучения святости.

В иных сюжетах пахомиева корпуса не столь прояснен общий контекст, что делает ребенок в монастыре, но акцентируется забота о детях. Юный отрок, очевидно, живущий с братией, пожаловался Пахомию, что в отсутствие последнего он не ел ни вареных овощей, ни каши [Хосроев 2004: 345–346]. Повар объяснил, что все монахи воздерживаются от

еды, поэтому он решил не использовать зря продукты. Пахомий сделал внушение повару, особенно отметив, что «дети не могут пребывать в добродетели, если им не дают послабления или маленького утешения». Складывается впечатление, что этот отрок отличается от вышеупомянутого Сильвана тем, что его не готовят к монашеству. Но Пахомий следил за добродетелью всех детей. Например, святой приказал вырубить смоковницу в монастыре, который однажды посетил [Хосроев 2004: 355–356]. Дело в том, что на дерево тайно забирался один из мальчиков и вкушал его плоды из-за чревоугодия.

В наследии Шенуте (ум. ок. 465), известного настоятеля коптского Белого монастыря и церковного лидера, под руководством которого были тысячи людей, можно найти много упоминаний детей. Историческая ситуация с Шенуте особая, так как его монастырь был в постоянном общении с мирянами, которые часто прятались от набегов кочевных племен в вотчине Шенуте. Как говорит К. Шредер, «его (Шенуте) писания дают нам намного больше отсылок к теме детей, чем другие источники из или о другом раннем монастыре в Египте» [Schroeder 2020: 51]. Проблема в том, как отмечает также исследовательница, что многие тексты Шенуте еще пока не изданы или не переведены. В текстах Шенуте не столь многочисленны сюжеты, где участвуют дети, сколько обращение к ним или

упоминанием их в общем контексте. К детям Шенуте обращается наряду со взрослыми, когда объясняет правила [Schroeder 2020: 55]; некоторые правила касаются непосредственно их (например, что дети не должны предлагать лекарства больным, не спросив у тех взрослых, кто за ними смотрит) [Schroeder 2020: 55]. Довольно часто настоятель Белого монастыря использует фразы «от мала до велика» и «ни взрослый, ни ребенок» (Господь их благословляет и др.) [Schroeder 2020: 59].

Что касается сирот, то сведения о них достаточно скудны. Известен греческий папирус, датируемый 381 г., который содержит договор усыновления дядей-монахом из египетского монастыря своего племянника [Rowlandson 1998: 297–298]. Непонятными остаются два аспекта: был ли монах отшельником или жил в монастыре, и где жил мальчик — с ним или где-то еще, например, с бабушкой, которая и передавала его под опеку сына. Однако в тексте договора четко определено, что монах берет на себя ответственность следить за имуществом ребенка, кормить, одевать, воспитывать. Также интересен один остракон из Фив VI–VII вв., в котором монахиня Мария просит некоего отшельника Кирику о благословении и молитве за сироту под ее опекой, который потерял отца. Сама она, видимо, жила в доме, а не в монастыре, потому что просит благословить и ее дом, а значит, ребенок

жил там же [Schroeder 2020: 39–40]. Ни у Пахомия, ни у Шенуте не описано практики, при которой монастырь берет на себя заботу об оставленных без попечения детях. В корпусе Пахомия «сироты» — это, главным образом, метафорическое обращение к монахам. Шенуте же говорит о детях без родителей во многих местах, и не только метафорически, но всегда в общих чертах, не рассказывая историю того или иного сироты. Например, в «Канонах» Шенуте поучает, что нельзя давать дополнительной еды ни родственникам, ни бедным, ни больным, ни сиротам [Schroeder 2020: 40]. В основном же сироты упоминаются в связи с благотворительной деятельностью монастыря [Schroeder 2020: 40, 52].

Другим важным вопросом остается, каким образом дети попадали в монастыри. Источники позволяют нам предположить такие пути. Во-первых, прийти с родителями (родителем), которые приняли постриг. В одной из своих проповедей Шенуте изгоняет монаха и лишает его монашеского звания за лицемерие, ложь и другие недостойные дела (конкретное обвинение не приводится). Монах же жил в монастыре с женой, сыном и дочерью, которые тоже подвергаются наказанию, хотя об их прегрешениях не сказано. Так как особого акцента на присутствии семьи не делается, а дети, очевидно, были под опекой родителей, ясно, что ребенок мог жить в монастыре с родителями [Sinuthii archimandritae 1908: 140–141]. А среди правил для

монашествующих обнаруживаются такие: монахи должны были поручить разрешение на то, чтобы навестить своих дочерей в женских общинах; монашествующие, делящиеся едой с детьми или родителями, изгоняются; монах не должен целовать мать, сестру или дочь, если та приветствует его и др. [Schroeder 2020: 37] Это доказывают не просто присутствие детей и их родителей в монастыре, но и уже сложившуюся практику их расселения и общения между собой. Конечно, дети уже были взрослыми, но вполне вероятно, что некоторые из них попали в монастырь в малом возрасте. Во-вторых, дети отдавались на воспитание в монастырь, в частности, из-за бедности. Известно письмо некоего Псалома с просьбой не возвращать дочь из монастыря, где она была устроена, и готовностью внести оплату за это, хотя из письма складывается впечатление, что дело было именно в невозможности содержать дочь (скорее всего, в том числе стояла проблема с приданым) [Schroeder 2020: 42].

Точно определить, каков был распорядок дня у детей в монастырях Пахомия и Шенуте, невозможно. Однако понятно, что за детьми следили, знали, что они беззащитны и требуют особого внимания. В работах упоминаемых настоятелей коптских монастырей не обнаруживаются темы обучения детей, но говорится, что монахи не могут быть неграмотны. В правилах Пахомия отмечается, что

монахи должны уметь читать: «И вообще не должно быть в монастыре никого, кто не учится читать и не знает (наизусть) что-либо из Писания» [Хосроев 2004: 418]. К. Шредер не без основания предполагает, что детей, как мальчиков, так и девочек, пусть в неравной степени, но обучали чтению и письму [Schroeder 2020: 132].

Наконец, нельзя обойти молчанием проблему гомосексуальных связей (в принципе, запрещенных в христианстве) монахов и детей. Например, в «Изречениях египетских отцов» (IV–VI вв.) содержится такой сюжет. Отшельник Карион, ради аскетических практик оставивший жену с дочерью и сыном, во время голода был вынужден принять к себе сына Захарию и воспитывать среди монахов [Schroeder 2020: 33]. Когда мальчик подрос, стали распространяться слухи, что Карион блудит с Захарией. Даже уход в другое отшельническое место не помог, пока Захария не окунул себя в едкую жидкость, нанеся вред себе и став похожим на прокаженного [Schroeder 2020: 72]. Яркий пример того, что проблема существовала, и ее пытались отслеживать, можно увидеть в правилах Шенуте. В них запрещен любой телесный контакт с детьми и любая деятельность без присмотра другого взрослого [Schroeder 2020: 79]. Иногда монахи, отвечающие за мальчиков, играли и шутили с теми. Шенуте пишет, что такие наставники не могут присматривать за детьми. В «Правилах» Пахомия засвидетельствовано

небольшое руководство по отношению к детям, живущим среди монахов: с ними запрещалось смеяться и играть [Хосроев 2004: 426]. Стоит помнить, что Пахомий был основателем общежительного монастырского строя, когда проблема отношений монахов и детей только становилась, поэтому он расписывал правила столь тщательно. В любом случае, и серьезные установления Шенуте, и правила Пахомия не давали детям возможности познавать мир с помощью взрослых, но в условиях, когда дети могли стать объектом вожделения последних, такая строгость вполне объяснима. Причем у Шенуте такие правила действовали и в отношении монахинь и девочек [Schroeder 2020: 133].

Таким образом, даже если используемые выше источники были написаны чуть позже (вторая половина V в.), они все равно отражают реалии, и на сведения, дошедшие в них, можно более или менее полагаться: дети присутствовали в монастырях, о них заботились, повзрослев, они принимали обеты (может, и не все, но частично точно). Поздняя коптская агиография VI–VIII вв. уже более беллетристична и псевдоисторична. Тем более интересны сюжеты из нее, которые нашли подтверждение в монастырских документах. Здесь имеется в виду такая практика, как дарение ребенка монастырю на служение, но не на постриг, живыми

родителями, которая с трудом представляется современным людям как имеющая право на существование. Однако она засвидетельствована в разных коптских источниках: в агиографических текстах и в юридических документах. Дарение ребенка монастырю получило развитие вместе со становлением института монашества, в частности, киновий, и берет начало на Востоке. В западном же христианстве это явление известно дольше и проникло глубже (особенно в период Средневековья), юридические тонкости этого процесса обсуждались не на одном соборе. Однако опыт западных аскетических обителей, который и так хорошо исследован [Boswell 1984; de Jong 1996], выходит за рамки данной статьи.

В принципе, служение при священном месте известно было и в Античности, таких слуг называли иеродулами. Часто под этим термином понимались женщины, которые занимались так называемой храмовой проституцией, однако не только они, но и вообще люди, выполняющие разные работы в святилище, причем пожизненно. Служение иеродулов достаточно разнилось. Например, до нас дошли из архива древнеегипетского храма Сокнебтиниса 37 документов на папирусе с 50 договорами, датируемыми II в. и составленными лицами, которые принесли себя и своих детей в дар божеству и остались работать при святилище [Thompson 1941]. Документы составлены шаблонно:

человек (мужчина или женщина) посвящает себя, своих детей и внуков в рабы божеству, обязуется ежемесячно платить жрецам определенную сумму, не покидать пределы храма. В ответ ожидается защита божества от сверхъестественных сил.

Засвидетельствовано похожее присутствие мирян у христианских топосов¹, при этом не обязательно в монастырях, описанное в агиографических текстах VI–VIII вв. Например, среди чудес святого Мины есть такой сюжет: паломница-самаритянка шла к мощам святого за исцелением от головных болей. По пути она чудом избежала изнасилования и, возверовав, стала христианкой. Далее сказано, что паломница осталась служить при топосе Мины. Сюда впоследствии пришел человек, напавший на нее, потому что он серьезно заболел. Получив исцеление, мужчина также остался при топосе [Ара Мена 1946: 26–33]. Во «Втором энкомии Клавдию» Константина Асьютского рассказывается о маге, обкрадывающем людей. Он был изобличен Клавдием, обратился в христианство и стал с женой и детьми служить у топоса святого. Отдельно отмечается, что его дети пасли животных, принадлежащих топосу, видимо, в качестве послушания [Textes coptes 1970: 662–663].

¹ В коптских текстах постройка в честь того или иного святого может быть названа заимствованным словом из греческого языка *τόπος* («место»). Из контекста не всегда понятно, имеется в виду монастырь, храм или часовня.

Среди фрагментов «Мученичества святого Георгия» на саидском диалекте коптского языка сохранился сюжет об исцеленном одержимом, который также остался служить при топосе Георгия до конца своей жизни [The martyrdom 1888: 186–187]. Наконец, в «Энкомии Виктору» Феопемпта Антиохийского об одном священнике сказано, что он с детства принадлежал топосу Виктора, т. е. понятно, что это та же самая практика служения святому в месте хранения его мощей [Франгулян 2019: 216–217].

Во всех вышеперечисленных сюжетах дети участвуют постольку, поскольку упоминаются их родители. Однако есть несколько сюжетов, в которых ребенок, хотя и не действует сам, играет важную роль. Во-первых, в «Житии Матфея», настоятеля монастыря в Фивах (VIII в.). Одна бездетная женщина молила авву Матфея ходатайствовать за нее перед Богом, чтобы она родила ребенка. За это женщина обещала отдать его в монастырь, чтобы он стал монахом. Через некоторое время она родила сына. Когда мальчик подрос, родители решили пойти на хитрость. Они оценили ребенка у работоторговца, и отец отдал авве Матфею вместо сына золото, значительно прибавив к названной стоимости. Настоятель же дал отцу в качестве благословения корзину с едой, на дно которой приказал положить кусок ткани и три тесьмы. Мать была удивлена такому дару; на

следующий день их сын заболел и через три дня скончался [Monuments 1895: 720–725].

Во-вторых, похожая история засвидетельствована в отрывке из сборника чудес мученика Виктора, перевод которого на русский приводится в приложении 1. Кратко перескажем его. Бездетные родители молили святого о ребенке, обещая взамен посвятить его Богу. Однако после рождения сына они пренебрегли обетом, который принесли. Оценив мальчика у работорговца, родители пожертвовали эту сумму вместо сына в церковь Виктора. Спустя некоторое время ребенок трагически погиб, родители же осознали свою вину, взмолились Виктору, и тот воскресил их сына. Затем отец и мать исполнили свое обещание, и сами присоединились к служению святому.

Эти агиографические сюжеты подкрепляются официальными документами. Из монастыря Фойбаммона, который находился в Фивах и процветал после арабского завоевания, до нас дошли документы с 590 г. (основание монастыря) и до конца VIII в., когда он был покинут обитателями. 26 из документов представляет собой дароприношение мальчиков монастырю, датированные с 734 г. по 786 г.² Лишь в одном случае известен возраст

² Еще в одном договоре взрослый сам себя приносит в дар. Из-за повреждений рукописи не все договоры дошли целиком [издание:

ребенка — три года. Скорее всего, это был самый нижний порог. В двух случаях мальчики сами согласились с дарением себя. Ясно, что они уже были достаточно взрослыми, чтобы понимать происходящее, но точный возраст остается неизвестен.

Так как каждый последующий документ записан последовательно и хронологически за предыдущим, ясно, что все договоры были составлены в течение 50 лет и воспринимались как единый свод документов [Schenke 2016: 511]. Конечно, в этот период были и другие дары монастырю, но они не были включены в этот свод. В Приложении 2 — перевод одного из таких дароприношений.

Общее содержание дароприношений более или менее схоже, хотя детали разнятся. В нескольких случаях³ жертвователь желает таким способом отблагодарить Бога. В остальных случаях дарение связано с болезнью ребенка⁴: родители, если дитя выживет, давали обет посвятить его Богу. Здесь засвидетельствовано два варианта развития событий: или родители дают обет во время болезни ребенка и затем его исполняют, или же, как в «Энкомии Виктору», пообещав отдать ребенка, отказываются от

Koptische Rechtsurkunden 1912: 253–323; немецкий перевод: Die Koptischen Rechtsurkunden 1968: 149–188].

³ Имеются в виду тексты, которые дошли полностью.

⁴ Следует напомнить, что в Средние века любой младенец считался болезненным, так как их смертность была очень высока.

обета, из-за чего ребенок заболевает, и родителям все равно приходится выполнять данное обещание. Общий мотив, который прослеживается в документах, — вера родителей, что дарение поможет в деле их спасения. Сама практика сопровождалась ссылками на соответствующие эпизоды из Библии: рождение Исаака у Авраама от бесплодной Сарры и последующее принесение его в жертву, которое не состоялось по воле Бога⁵, и рождение Самуила у бесплодной Анны, которая исполнила данный ею обет отдать первенца на служение Богу⁶.

Перспективы детей в монастыре были четко прописаны в некоторых договорах дарения. Зафиксировано, что ребенок принадлежал монастырю, как раб, купленный за деньги. В его обязанности входили забота о лампадах, о водоеме, раздача хлеба гостям монастыря, работа в поле, выполнение всех повелений настоятеля. Так как перечисленные занятия достаточно просты, исследователь Т. Рихтер утверждает [Richter 2005: 244], что монастыри не вкладывались даже в обучение этих детей, но вряд ли дело обстояло именно так. Во-первых, многие из них были слишком маленькими во время поступления и чему-то учить их надо было, во-вторых, монастыри были центрами

⁵ Быт. 17. 15–19; 18. 10–15; 21. 1–8; Быт. 22. 1–19.

⁶ 1 Цар. 1–2. 11.

грамотности и, как учили Шенуте и Пахомий, все его жители должны были уметь читать. Став взрослым, такой работник мог или продолжить жить в монастыре и выполнять возложенные обязанности, или же уйти и жить самостоятельно, но отдавать заработок монастырю, что потом будут обязаны делать и его дети. Последняя возможность засвидетельствована не во всех документах. Возможно, ее наличие зависело от воли родителей, но может быть так, что положение этих детей было общеизвестно и просто не всегда закреплялось в договорах. В этом статусе раба состоит основное отличие реалий в монастыре Фойбаммона от более ранних: все же ни у Шенуте, ни у Пахомия нет ни слова о рабском статусе детей. Кроме того, в «Житии Матфея» родители дают обет отдать ребенка, чтобы он стал именно монахом. Точно так же поступили родители известного коптского подвижник Моисея Абидосского (V–VI вв.). Здесь история не бездетных родителей, а уже имеющих взрослых детей. Мать Моисея дала обет Богу, что если она зачнет и родит сына, то назовет его Моисей, а если он доживет до пяти лет, то отдаст его в церковь, чтобы он стал служителем Бога до конца своих дней. Так и случилось, и Моисей был отдан священнику на воспитание, а потом стал монахом и основателем монастыря [Moussa 1998: 7]. А значит, и такой вариант развития событий был приемлем (может быть, в других монастырях или при других топосах).

Многих исследователей интересуют обстоятельства события: что толкало родителей на такой шаг и какие еще аспекты важны. Во-первых, делается акцент на возможной бедности родителей, которая вынуждала отдавать ребенка как бесправного раба [Thissen 1986: 124]: налоговое бремя в этом случае переходило с поселения на монастырь. В то же время из семьи уходили дополнительные рабочие руки, что тоже не было удобно. Рихтер также согласен [Richter 2005: 259–260], что нищие родители таким способом, прикрываясь агиографическим сюжетом и библейскими цитатами, избавлялись от детей, но не здоровых и долгожданных, а больных, нежелательных и/или незаконнорожденных⁷.

Во-вторых, по словам А. Биденкопф-Цинер [Bidenkopf-Ziehner 2001: 139–141], дарение было выгодно обеим сторонам: и родителям, и монастырю, иначе бы оно не было так распространено. А. Папаконстантину подчеркивает, что монастырям были необходимы приношения и поддержание своего авторитета, и такие договоры способствовали этому [Papaconstantinou 2002: 524]. Монастырь пополнял рабочую силу. Нам неизвестно число монахов, но буквально немного спустя он опустел

⁷ Четыре договора составлены от лица только женщин, отсюда такой вывод.

(IX в.), что говорит о кризисе в VIII в., как раз, когда и были составлены эти договоры. Родители же получали утешение, зная, что их ребенок устроен. Однако, количество таких договоров слишком небольшое, чтобы расценивать этих детей как действительный приток свежих сил. В-третьих, К. Рёмер утверждает, что эти договоры, на самом деле, представляют собой договоры купли-продажи, завуалированные похожими сюжетами и ссылками на Библию, так как рабство, хотя существовало, не было так распространено, как в Римской Империи, тем более детское [Römer 2014: 128]. Но родители некоторых детей вместе с ними передавали определенную денежную сумму, что странно, если с их стороны совершалась продажа.

Исследовательница Г. Шенке предпочитает рассматривать вопрос с точки зрения христианского контекста происходящего, и ее подход вызывает доверие. По ее мнению, ребенок отдавался не столько как слуга в монастырь, сколько должен был проводить время при топосе с мощами святого Фойбаммона, который находился в монастыре и поэтому договор заключался с его представителем [Schenke 2016: 497]. В случае исцеления ребенка (до заключения договора) он был живым свидетелем совершенного чуда, впрочем, и без истории с исцелением такой слуга при топосе поднимал авторитет последнего. Шенке утверждает, что термин «раб» стоит понимать не в прямом значении,

а в духовном, приводя примеры из Библии, где под этим термином имеется в виду христианское служение Богу [Schenke 2016: 508]. Кроме того, на плечи монастыря возлагалось обеспечение ребенка едой и всем необходимым [Schenke 2016: 512]. В договоре нет упоминания, что родители лишаются своих прав, поэтому, возможно, у них оставалась возможность продолжать общение и присматривать за своим чадом.

Соотношение агиографических сюжетов с содержанием документов рассматривается исследователями по-разному. Хотя почти все исследователи считают тексты достоверными, Рихтер, как было отмечено, настаивает, что литературный сюжет первичен, и уже на его основе было вымыслено содержание договоров дарения для оправдания родительского поступка [Richter 2005: 259–260]. Однако сама природа документа, и с одной стороны, детализация и разнообразие историй, с другой, их официальная сухость, говорит не в пользу этого. Для Шенке же нет однозначного ответа. Она пишет, что архивы, содержащие такие документы, могли представлять собой изначальный материал, из которого впоследствии сформировался сюжет в агиографии [Schenke 2016: 513]. В то же самое время, сюжет развивался и позднее сам стал образцом для фиксации в договоре дарения происшедших событий.

Конечно, эти документы имеют форму и структуру договора, составленного от первого лица и соответственно стандартизированного. Если оценивать их с точки зрения юридических документов, то в них содержится избыточная информация: лишние детали биографии, отсылки к ветхозаветным образам. Обет, который является личным делом христианина и обычно приносится в уединенной атмосфере, выступает здесь как часть договора. Учитывая содержание, можно говорить о дидактической функции, скрытой в сюжете. Юридическая точность и достоверность единого и непрерываемого свода этих документов, идущая параллельно с агиографической назидательностью и эмфазой на важности топоса святого, позволяет сделать вывод, что эти документы воспринимались как часть хроники монастыря и, возможно, могли лечь (или легли?) в ее основу.

Таким образом, можно предположить, что в договорах дарения из монастыря Фойбаммона засвидетельствован особый вид христианского служения ребенка, при котором он забирается из домашнего очага и живет в монастыре. Это происходит по воле и за грехи родителей в качестве благодарности за рождение или исцеление. При этом дети не пополняли число монахов и были относительно свободны в выборе жизненного пути в будущем, хотя в договорах делается акцент на том, что их отдают как рабов. Скорее всего,

вышеперечисленные правила и установления из сводов Пахомия и Шенуте в той или иной мере соблюдались в отношении этих мальчиков, и их рабское положение было связано с подчинением не родителям, родственникам, другим христианам, а представителям монастыря.

Приложение 1. [Encomiastica 1993: 133–152].

В этом городе⁸ жил один человек по имени Александр. Он был очень богат, у него было много золота и серебра. Жена же его была бесплодной, никогда не рожавшей. Они были в большой печали из-за того, что не имели наследника своего состояния. Они слышали о силах и чудесах, которые происходят в мартирии⁹ святого аввы Виктора, собрались и пошли туда. В воскресенье муж с женой сделали приношения в мартирий и после этого дали обет: «Услышь нас ныне, мы просим тебя. Если ты смилуешься над нами и дашь нам семя человеческое¹⁰, то мы отдадим его в твой мартирий до дня его смерти. Только отведи от нас презрение и исполни нашу просьбу». Пообещав это, муж и жена с радостью ушли домой.

День за днем святой Виктор молил Христа о них. Наконец, жена родила очень красивого мальчика, которого окружала благодать Божия. Его называли

⁸ Рим.

⁹ Церковь, в которой хранятся мощи мученика.

¹⁰ Имеется в виду продолжение рода.

Виктором по имени святого Виктора. Великая радость настала в их доме. Они раздали много милостыни бедным. Когда мальчику исполнилось пять лет, сердце его родителей не лежало к тому, чтобы отдать его в мартирий святого аввы Виктора по обещанию, которое вышло из их уст. Они отказались от своего обета и не помнили написанного: «Смотри, исполни обещанное» и «Господь внимательно будет следить за твоими путями и отомстит тебе»¹¹. Итак, отец и мать мальчика поговорили между собой и решили: «Вот, у нас сердце не лежит к тому, чтобы отдать мальчика в монастырь по обету, который мы дали. Позовем работоторговца из города, пусть он оценит сына, а мы отдадим его стоимость святилищу, чтобы мученик не гневался на нас». Они встали и позвали торговца из города, всю жизнь торговавшего рабами. Он оценил мальчика в 40 солидов. Родители взяли золото и отдали в монастырь мученика. Они не помнили написанных слов: «Если ты дал обещание Господу Богу своему, то исполни его»¹².

Когда святой Виктор увидел, что родители мальчика совершенно не исполнили обет, но подумали, что могут за дар Божий отплатить деньгами, то он сделал так, что они были наказаны за свое неразумие. Однажды мальчик играл на дороге

¹¹ Парафраз. См. Чис. 30. 2–3; Втор. 23. 21–23; Еккл. 5. 3–4; Пс. 49. 14, 65. 13, 75. 12.

¹² Там же.

около родительского дома с детьми своего возраста, вдруг большой камень рухнул с угла дома на мальчика. Он упал и тотчас умер. Когда его родители услышали об этом, они разорвали свои одежды, закричали громким голосом, вышли вместе с рабами и нашли умершего сына. О, какое великое горе случилось в то время! Они вскричали: «Горе нам, сын возлюбленный. Это мы стали причиной твоей смерти, так как мы дали обет и не выполнили его, не отдали тебя монастырю святого. Вот, он забрал тебя у нас до того, как мы насытились общением с тобой. Он сжег нашу утробу печалью о нашем возлюбленном сыне. Мы достойны смерти. Что нам делать отныне? Мы не знаем».

Отец исполнился крепкой веры и взял сына в объятия, а мать и слуги последовали за ним. Они принесли его в мавзолей святого Виктора и положили наземь перед алтарем. Отец воскликнул: «Святой Виктор, я знаю, что ты можешь все. Это ты даровал нам этого мальчика. Не поступай с нами по нашему неразумию, но смилуйся над нашими слезами. Верни снова душу ребенка ему. А мы с ним будем тебе рабами до самой смерти». Когда отец сказал это со слезами, он взял немного масла из лампы и помазал им мальчика. Он запечатлел его уста, нос и сердце. В тот же час произошло чудо,

превосходящее чудеса Илии и Елисея¹³. Сразу, как только масло из лампы коснулось мальчика, Тот, Кто сказал: «Я исцеляю кожей своей руки», вновь вернул душу ребенку. По молитве святого Виктора он открыл глаза. Велика была радость, которая случалась с его родителями в тот день. Все, кто был с ними, вскричали громким голосом: «Велик Бог святого Виктора. Нет никого другого, кроме Тебя, на небе и на земле. Вместо печали Ты дал нам радость: Ты воскресил ребенка для его родителей после того, как он умер».

Когда толпа увидела случившееся великое чудо, она вскричала громким голосом и подбежала к мальчику, возглашая: «Един Бог святого Виктора». Отец обошел весь город с сыном, держа его за руку и восхваляя силу святого Виктора. После этого он пошел домой, собрал все имущество со слугами, отдал монастырю святого Виктора и сам служил там до самой смерти. Мальчик рос избранным мужем, всю жизнь прожил в целомудрии. Он достиг сана священника, и о нем говорили, что он видел святого Виктора много раз: тот являлся ему. Истинно слово нашего Спасителя: «Кто Мне служит, того почит Отец Мой»¹⁴.

¹³ 4 Цар. 2. 11–14.

¹⁴ Ин. 12. 26.

Приложение 2. [Koptische Rechtsurkunden 1912: 302–305].

Во имя Бога Вседержителя! Написано в 26 день месяца Месоре, 13 год индикта¹⁵.

Я, Фойбаммон, сын Афанасия, — писец подписывается за него, и по его просьбе надежные свидетели удостоверяют этот неизменный, нерасторжимый договор дарения, который не может быть разорван установленными законами — я обращаюсь к священноначалию святого мученика Фойбаммона (на горе города Джеме¹⁶) в лице тебя, Сурус, благочестивейшего диакона, и в лице каждого, кто после тебя будет управлять в этом упоминаемом монастыре святого Фойбаммона. Так как закон Бога повелевает и увещевает каждого творить добро и благо, как он желает с тем, что принадлежит ему, то, когда милость Бога постановила, и у меня родился сын, я вспомнил о моих грехах и решил, что если он выживет¹⁷, я отдам его в монастырь аввы Фойбаммона ради спасения моей души.

¹⁵ 19 августа 775 г.

¹⁶ Город в Верхнем Египте. Монастырь Фойбаммона располагался недалеко от города.

¹⁷ Хотя о болезни не сказано, в Средние века выживаемость младенцев была низкая, и отец, несомненно, беспокоился за жизнь сына.

Когда же ребенок подрастал и преуспевал, я пожелал нарушить обет, который я заключил с Богом и его святым. После этого ребенок очень серьезно и тяжело заболел. Мы постоянно пребывали в большой печали из-за ребенка и завидовали, видя всех здоровых детей, утешение для их родителей. Мы, мать ребенка и я, обсудили, что, возможно, Бог и его святой сделали это с нами, потому что мы нарушили завет, заключенный с Ним. Мы сказали друг другу: «Давай поднимемся, возьмем ребенка, пойдем в святой монастырь и попросим у святого мученика: “Прости нам дерзость, которую мы совершили”. Может быть, он умолит Бога, и Тот подаст исцеление ребенку». Затем мы взяли ребенка и отнесли в святой монастырь. Мы долго молили Бога и его святого Фойбаммона, плача и прося мученика: «Прости нам грех, который мы сотворили». Мы с ребенком постоянно принимали от Святых Таинств¹⁸. По истечении месяца Он, услышавший молитву блаженной Анны, матери пророка Самуила¹⁹, услышал и нас и даровал исцеление ребенку. Мы пошли домой, прославляя Бога и размышляя так: «Этот ребенок причислялся к мертвым, пока не получил исцеление. Теперь же он здоров! Пусть он станет рабом в святом монастыре, в месте, где он исцелился».

¹⁸ Т. е. причащались.

¹⁹ 1 Цар. 1–2. 11.

Когда мы пришли сегодня, мы обсуждали: «Только бы никто из жителей нашего селения не пытался утруждать ребенка!» Я пошел и заключил этот договор дарения. Я передал его нашему отцу епископу и управителю, чтобы он положил его в библиотеке святого монастыря. Это для того, чтобы если кто-то будет мешать ребенку стать рабом святого монастыря, то ему будет предъявлен договор. Когда он его прочтет, то избежит великого осуждения. Тот из христиан, кто захочет дерзновенно забрать ребенка из святого монастыря навсегда, подпадет под суд Божий, произнесенный устами верховного первосвященника Моисея о нарушающих завет с Богом²⁰.

Если затем этот ребенок не пожелает оставаться рабом святого монастыря, то он должен отдать святому монастырю все, что он получит от рукоделия, согласно с тем, как будет решено между ним и управителем, который будет в то время. Ради безопасности священноначалия монастыря я заключил этот надежный договор дарения, действующий повсюду, где будет предъявлен.

Договор был зачитан мне нотариусом, и я с ним согласен. Я подкрепил его через писца и надежных свидетелей. Я отдал его на хранение в соответствии с законом.

²⁰ Исх. 32. 19–35.

Я, Патлоле, сын почившего Авраама, из поселения Анд.²¹ свидетельствую.

Я, Кумете, сын Пафора, свидетельствую.

Я, Иоанн, сын Санагапа, из поселения Анд. свидетельствую.

Я, Шенуте, сын Иоаннаке, из селения Ермонт²² свидетельствую.

Выполнено²³ мной, Элисайосом, ничтожнейшим священником из Ермонта.

Литература

Жизнь пустынных... 1991 — Жизнь пустынных отцов. Творение пресвитера Руфина. Загорск: издание Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1991.

Франгулян 2019 — *Франгулян Л. Р.* Агиографический мир мучеников в коптской литературе. М.: ИВ РАН, 2019.

Хосроев 2004 — *Хосроев А. Л.* Пахомий Великий: (Из ранней истории общежительного монашества в Египте). СПб.: Нестор-история, 2004.

Apa Mena 1946 — *Apa Mena: a selection of Coptic texts relating to St. Menas / Ed., transl. J. Drescher.* Cairo, 1946.

Biedenkopf-Ziehner 2001 — *Biedenkopf-Ziehner A.* Koptische Schenkungsurkunden aus der Thebais: Formeln und Topoi der Urkunden, Aussagen der Urkunden, Indices. Wiesbaden: Harrassowitz, 2001.

²¹ Копт. сокращенное название. Возможно, имеется в виду поселение Андронику: https://www.trismegistos.org/geo/detail.php?tm=8507&order=&charttype=1&overrule_registration=0&georef_or_geotex=georef#filter-georef [подробнее о статусе таких поселений: Konstantinidis 2015].

²² Иначе, Гермонтис.

²³ Греч. ἐγέμετο. Досл. «создано», «возникло», «случилось».

Boswell 1984 — *Boswell J. E.* Expositio and Oblatio: The Abandonment of Children and the Ancient and Medieval Family // *The American Historical Review*. 1984. Vol. 89. No. 1. P. 10–33.

de Jong 1996 — *de Jong M.* In Samuel's Image. Child Oblation in the Early Medieval West. Leiden: Brill, 1996.

Die Koptischen Rechtsurkunden 1964 — *Die Koptischen Rechtsurkunden aus Theben / Übers. W. C. Till.* Wien: H. Böhlhaus Nachf., 1964.

Encomiastica 1993 — *Encomiastica from the Pierpont Morgan Library / Ed. A. B. Scott, trans. P. Chapman.* Lovanii: Peeters, 1993.

Konstantinidis 2015 — *Konstantinidis G.* A Reconsideration of Epoikion in Byzantine Egypt // *Βυζαντιακά*. 2015. Vol. 32. P. 23–38.

Koptische Rechtsurkunden 1912 — *W. E. Crum* (Hrsg.). *Koptische Rechtsurkunden des achten Jahrhunderts aus Djême, Theben.* Leipzig: Hinrichs, 1912.

Monuments 1895 — *Monuments pour servir à l'histoire de l'Égypte chrétienne aux IVe, V^e, VIe et VIIe siècles / Pub., trad. É. Amélineau.* T. 4. Paris: Leroux, 1895.

Moussa 1998 — *Moussa M.* Abba Moses of Abydos. Thesis. Washington: Catholic University of America, 1998.

Papaconstantinou 2002 — *Papaconstantinou A.* Θεία οἰκονομία. Les actes thébains de donation d'enfants ou la gestion monastique de la pénurie // *Mélanges Gilbert Dagron, Travaux et Mémoires du Centre d'histoire et civilisation de Byzance*. 2002. № 14. P. 511–526

Richter 2005 — *Richter T. S.* What's in a story? Cultural narratology and coptic child donation documents // *The journal of juristic papyrology*. 2005. Vol. 35. P. 237–264.

Römer 2014 — *Römer C.* Female “Donor” in Eighth-Century Egypt // *Female Founders in Byzantium and Beyond*. Wien: Böhlau, 2014. P. 121–128.

Rowlandson 1998 — *Rowlandson J.* Women and society in Greek and Roman Egypt: a sourcebook. Cambridge: Cambridge University Press, 1998.

Schenke 2016 — *Schenke G.* The Healing Shrines of St. Phoibammon Evidence of Cult Activity in Coptic Legal Documents // *Zeitschrift für Antikes Christentum*. 2016. Bd. 20(3). P. 496–523.

Schroeder 2020 — *Schroeder C. T.* Children and Family in Late Antique Egyptian Monasticism. Cambridge: Cambridge University Press, 2020.

Sinuthii archimandritae 1908 — *I. Leipoldt, W. Crum* (ed.). *Sinuthii archimandritae vita et opera omnia*. Vol. 3. Parisiis: Poussielgue — Lipsiae: Harrassowitz, 1908.

Textes coptes 1970 — *Textes coptes relatifs à Saint Claude d’Antioche* / Ed., transl. *G. Godron*. Turnhout: Brépols, 1970.

The martyrdom 1888 — *The martyrdom and miracles of Saint George of Cappadocia* / Ed., transl. *E. A. W. Budge*. London: D. Nutt, 1888.

Thissen 1986 — *Thissen H. J.* Koptische Kinderschenkungsurkunden: Zur Hierodulie im christlichen Ägypten // *Enchoria*. 1986. № 14. S. 117–128.

Thompson 1941 — *Thompson H.* Two Demotic Self-Dedications // *The Journal of Egyptian Archaeology*. 1941. Vol. 26. P. 68–78.

Каменные посохи и скипетры в культуре БМАК: распространение и археологический контекст находок.

**Алексей Викторович Фрибус¹, Надежда Анатольевна
Дубова²**

¹ Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия, fribus@list.ru, ORCID: 0000-0003-3208-0319

² Доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва, Россия, dubova_n@mail.ru, ORCID: 0000-0002-4340-1037

Аннотация. Статья посвящена анализу археологического контекста находок каменных посохов и скипетров на территории БМАК. Выделяется несколько типов посохов/скипетров: с навершием, с окончанием в виде «копыта» и веретенообразные. Древняя Маргиана является регионом, где различные типы каменных посохов и скипетров представлены наиболее широко. Кроме того, именно здесь большая серия таких предметов найдена в погребениях *in situ*. Посохи со скошенным окончанием («с копытом») известны исключительно в могилах высших слоев элиты на «Царском некрополе» Гонур-депе. Посохи с навершиями не зафиксированы ни в одной из могил «Царского некрополя». Это может указывать на их более низкий статус. Они могли помещаться в могилы молодых

мужчин (в одном случае — ритуальное погребение животных), обладающих, очевидно, определенным высоким статусом и властными полномочиями. Посох обычно размещался перед погребенным, наверху по направлению к голове, т. е. так, как он мог использоваться при жизни человека. Эти факты позволяют предположить наличие своеобразной «иерархии» посохов / скипетров: «с копытом» / скошенным основанием — веретенообразные — с наверху.

Ключевые слова: эпоха бронзы, Туркменистан, символы власти, погребения, социальная иерархия.

Благодарности: Исследование проведено в рамках выполнения программы ФНИ ГАН «Степные скотоводческие культуры, оседлые земледельцы и городские цивилизации Северной Евразии в энеолите — позднем железном веке (источники, взаимодействия, хронология)» (FMZF–2022–0014) (А. В. Фрибус) и в рамках Госзадания ИЭА РАН по теме № 5 «Кросскультурные и междисциплинарные исследования исторических и современных обществ» (Н. А. Дубова).

BMAC stone staffs and scepters: distribution and archaeological context.

Alexey V. Fribus¹, Nadezhda A. Dubova²

¹ PhD in History, Senior Researcher, Institute for the History of Material Culture RAS, Saint Petersburg, Russia, fribus@list.ru, ORCID: 0000–0003–3208–0319

² Dr. hab. in History, Chief Researcher, Institute of Ethnology and Anthropology RAS, Moscow, Russia, dubova_n@mail.ru, ORCID: 0000–0002–4340–1037

Abstract. The article is devoted to the analysis of the archaeological context of the finds of stone staffs and scepters on the territory of the BMAC. There are several types of staffs/scepters: with a pommel, with an ending in the form of a "hoof" and spindle-shaped. Ancient Margiana is the region where various types of stone staffs and scepters are most widely represented. In addition, it is here that a large series of such items have been found in the burials *in situ*. Staffs with a beveled ending ("with a hoof") are known exclusively in the graves of the upper levels of the elite on the Gonur Depe "Royal Necropolis". Staffs with pommels are not discovered in the graves of the "Royal Necropolis". This fact indicates their lower status. They could be placed in the graves of young men (in one case, the ritual burial of animals), who obviously have a certain high status and authority. The staff was usually placed in front of the buried person, with the pommel towards the head, i.e. the way it could be used during a person's lifetime. These facts suggest the presence of a kind of "hierarchy" of staffs /scepters: "with a hoof" / a beveled base — spindle-shaped — with a pommel.

Keywords: Bronze Age, Turkmenistan, symbols of power, burials, social hierarchy.

Acknowledgments: The research by A. V. Fribus was supported with the Program of Fundamental Scientific Research of the State Academies of Sciences, State Assignment No. FMZF–2022–0014. The research by N. A. Dubova was supported with the State Task No. 5 for the Institute of Ethnology and Anthropology RAS.

Бактрийско-Маргианский археологический комплекс (культура) (БМАК) — уникальное явление в археологии Центральной Азии и Среднего Востока. Теперь уже мало у кого возникают сомнения в том, что речь идет о новой цивилизации эпохи бронзы, сыгравшей значительную роль в исторических судьбах многих культурных образований этого региона. Опираясь на радиоуглеродную хронологию наиболее полно изученного протогородского центра БМАК — Гонур-депе можно утверждать, что хронологически этот культурный феномен укладывается в рамки 2300–1800 до н. э. (без учета крайних значений), а его расцвет приходится на рубеж III и II тыс. до н. э. [Зайцева и др. 2008; Дубова и др. 2020; Fontugne et al. 2021]. Для него характерны монументальная архитектура, развитая социальная иерархия, ремесло, яркое и самобытное искусство, международная торговля. До настоящего времени не известна лишь письменность, как собственная, так и достоверно косвенно упоминаемая соседями, в частности, в эламском мире. Представляется важным, что решающий вклад в открытие и изучение этого феномена внесли российские ученые и, в первую очередь, В. И. Сарияниди. Фундаментальный обзор всего, что мы знаем теперь об этой культуре, был опубликован в начале прошлого года в виде коллективной монографии авторитетным издательством Рутледж [The World ... 2021].

Крупнейшим и наиболее полно изученным протогородским центром БМАК является Гонур-депе, расположенный в юго-восточном Туркменистане, в песках Каракумов, в древней дельте реки Мургаб. Объем

материалов, накопленных за время исследований на памятнике, огромен, и, хотя В. И. Сарияниди старался достаточно оперативно публиковать результаты своих полевых изысканий, полная инвентаризация, особенно массовых материалов, пока не производилась. В связи с этим три года назад, по инициативе нынешнего руководителя Маргианской археологической экспедиции (МАЭ) Н. А. Дубовой был задуман новый проект, предполагающий подготовку и издание полного свода находок МАЭ, который получил поддержку РФФИ в рамках конкурса «Древности». Первый том каталога посвящен крупным каменным предметам — так называемым миниатюрным колонкам, каменным дискам и посохам / скипетрам.

Необходимо отметить, что функциональное предназначение большей части проанализированных предметов, прежде всего это «миниатюрные колонки» и диски, является дискуссионным, при этом большинство исследователей указывает на культовый, а не утилитарный характер этих вещей [см., например, Антонова 2020: 181–203; Грушин, Дубова, Фрибус 2020]. Меньше всего сомнений вызывает семантика и предназначение каменных скипетров/посохов. По всей видимости, они маркировали социальный статус владельца, выступая, наряду с другими предметами, в роли властных атрибутов [Дубова 2020]. Основная цель данной работы — анализ археологического контекста находок скипетров / посохов (включая связь с определенными типами погребальных сооружений,

половозрастными характеристиками погребенных, сочетаемость с другими категориями погребальных приношений и т. д.).

Распространение, типология и основные параметры

Находки скипетров и посохов различных типов известны как на территории «ядра» БМАК, так и на памятниках соседних регионов. Наибольшее количество разнообразных посохов зафиксировано в Маргиане (Гонур-депе, Аджикуй). Находки посохов и скипетров известны также в подгорной полосе Копетдага (Алтын-депе, Анау (?)), северном (Саразм) и южном (Гелот, Фархор, Хульбук, Учкун и др.) Таджикистане и соседних районах северного Афганистана (Дашлы, Шортугай (?), а также случайные находки), в северо-восточных районах Ирана (Тепе-Гиссар, Танж-е Гхеле Рез, Тепе-Чало), в юго-восточных районах Ирана и соседних районах Афганистана — Систан (Годар-и Шах), Керман (случайные находки из Джирофта, Шахдада (?)), а также в пакистанском Белуджистане (Кветта) (Рис. 1).

Все известные посохи / скипетры можно разделить на несколько групп. В основу данной классификации положена общая форма предметов, форма окончания, а также наличие или отсутствие навершия.

Веретенообразные — посохи с утолщением в средней части, навершия или следы их крепления отсутствуют. В отдельную подгруппу можно выделить короткие скипетры с приостренными концами, известные в основном по

находкам из южного Туркменистана, Таджикистана и афганской Бактрии.

С окончанием в виде «копыта». Такие посохи, как правило, имеют коническую форму, одно из окончаний имеет меньший диаметр, на противоположном, широком конце оформлено характерное окончание со скосом, напоминающее «копыто» с выемкой и узкими бортиками.

Со скошенным окончанием. Посохи, близкие по основным параметрам к предыдущему типу. Их диаметр также уменьшается к одному из концов, а второй, широкий конец, спилен таким образом, что образуется характерный скос, при этом «копыто» не оформлено, а внутренняя выемка, которая его образует, отсутствует.

С навершием. К этой группе относятся посохи, имеющие навершья, которые могли быть как каменными, так и металлическими (бронза, свинец). Противоположные концы таких предметов имеют, как правило, меньший диаметр и выделенное окончание со слегка расширяющимся основанием. В коллекциях Гонур-депе и других памятников широко представлены различные типы наверший, найденных отдельно от самих посохов. Это может быть косвенным свидетельством широкого распространения посохов такого типа как на территории собственно БМАК, так и за ее пределами. При этом в Маргиане количественно преобладают посохи с окончанием в форме «копыта». Если к ним добавить типологически близкие посохи со скошенным окончанием,

то они составят половину всех имеющихся на данный момент.

Размеры и вес рассматриваемых предметов достаточно сильно варьируют. Самыми крупными (длинными и тяжелыми) являются посохи с окончанием в виде «копыта». Все остальные типы уступают им, и по длине, и по диаметрам. Самый длинный посох такого типа (1960 мм) обнаружен в гробнице 3200 (вес более 15 кг), а самый короткий (1210 мм) был найден в гробнице 3235 на Гонур-депе. Наименьшую среднюю длину в изученной коллекции имеют посохи с навершием, самый короткий из которых (920 мм) находился в кенотафе 2617 на Большом некрополе Гонура, устроенном в подбойной могиле. Самый короткий по длине скипетр был найден на Алтын-депе. Он имеет длину всего 520 мм и значительное утолщение в средней части.

Археологический контекст находок

Коллекция каменных посохов на Гонур-депе достаточно велика, но в большинстве своем представлена все же не целыми экземплярами, а фрагментами: 53 единицы, из которых 40 во фрагментах. Из них 3 имеют веретенообразную форму (все целые), 5 — с навершием (из них 2 фрагментированы), а 7 — с окончанием в виде «копыта» (включая 1 фрагмент). Большая часть этих предметов происходит из элитарных погребений «Большого» и «Царского» некрополей [Сарианиди 2001: 68–69; Sarianidi 2007: 108–110; Dubova 2021]. При этом все

они (включая крупные фрагменты) встречены в разных частях гробниц и в различных контекстах.

Так, например, в многокамерной гробнице 3210, два фрагмента одного посоха с окончанием в виде копыта находились в завале восточной части «дома», а два фрагмента средней части посоха из зеленоватого камня были найдены в разных местах у входа в «дом» и во «дворе». В гробнице 3880 два посоха лежали на полу параллельно друг другу, а полуметровый фрагмент такого же изделия был перекрыт дном крупного бронзового котла. В гробнице 3200 и в погребении 3870 каменные посохи располагались вертикально неподалеку от каменных дисков и / или «миниатюрных колонок». В одной из самых сложных по устройству гробниц 3235 посох с окончанием в виде «копыта» лежал на полу вдоль южной стенки одной из ее комнат. Под полом этой комнаты, именно под тем местом, где лежал посох, был устроен тайник, содержавший семь сосудов (2 небольших золотых кубка, 3 серебряных и 2 бронзовых сосуда), среди которых выделялся один небольшой серебряный, с рельефной анималистической композицией [Сатаев, Сатаева, 2015].

В погребении 3900 (так называемый котлован на «Царском некрополе») отмечен случай, когда веретенообразный скипетр был преднамеренно аккуратно распилен ближе к середине на две части. На обоих концах его, в момент нахождения, имелись тончайшие серебряные обкладки типа браслетов. В том же погребении на второй посох, с окончанием в виде «копыта» был поставлен, а

скорее сброшен с высоты еще больший, чем в гробнице 3880 бронзовый котел (диаметр около 1 м). В этом же круглом (диаметр около 6 м и глубина 2,5 м), не потревоженном грабителями погребении, находилось 7 слуг (все мужчины), 7 собак, 2 осла, 2 верблюда, четырехколесная повозка, два высоких, с овоидной формой тулова керамических сосуда, бронзовые светильник и сосуд, состоящий из семи шаров, установленных один на другом [Сарианиди, Дубова, 2010: 144–159].

Посох с навершием был найден только в одной гробнице «Царского некрополя» — 3880. Такого же типа посохи находились и в трех подбойных захоронениях Большого некрополя Гонура: 500, 510 и 2617, а также в цисте 18 («Погребение агнца» около центрального входа в гонурский кремль — см. [Сарианиди 1995; Sarianidi 1996]). Погребение 2617 представляло собой кенотаф, в двух других (500 и 510) были погребены молодые мужчины 20–25 лет. Погребальные приношения в погребении 500 включали три керамических сосуда и большое свинцовое кольцо. Молодой человек был уложен на спину, головой на северо-запад, согнутые в коленях ноги стояли на ступнях. Посох со свинцовым навершием лежал вдоль тела с внешней стороны подбоя, навершие находилось на 30 см выше головы. В погребении 510 посох лежал перед телом юноши (навершие было около головы), который был уложен на правый бок, головой на северо-запад, вдоль внутренней стенки подбоя. В могиле, кроме того, имелась каменная миниатюрная колонка и два керамических сосуда.

Иная картина зафиксирована в погребении 1500 Большого некрополя Гонура. Здесь большая часть приношений (миниатюрная колонка, веретенообразный посох, 4 керамических сосуда) были размещены в северной части подбоя. У затылка (8 единиц) и на левой теменной кости (2 единицы) погребенного находились каменные наконечники стрел. В подбое напротив таза погребенного мужчины 30–35 лет лежал каменный диск [Сарианиди 2001: 17].

Таким образом, посохи с окончанием в виде «копыта» (включая фрагмент) встречены только на «Царском некрополе». Веретенообразная форма представлена на Гонур-депе всего тремя экземплярами: в уже упомянутом подбойном погребении 1500 на Большом некрополе, в «котловане» 3900 и в подбойной могиле 3870 на «Царском некрополе». Показательно, что ни в одной из гробниц элиты веретенообразные посохи не обнаружены.

Немногочисленные целые экземпляры скипетров, происходящие из соседних регионов, редко бывают найдены *in situ*. Такие примеры известны, пожалуй, лишь в материалах могильника Фархор в южном Таджикистане, где в одном случае скипетр располагался перед погребенным, а в другом — за спиной [Виноградова, Бобомуллоев 2020: 139–140]. Короткий скипетр из Алтын-депе найден вместе с «миниатюрной колонкой» и диском в сложном погребально-ритуальном комплексе [Массон 1974: 6, рис. 3–5; Кирчо, Алёкшин 2005: 30–32]. Фрагментированный скипетр из Аджикуи происходит из

кенотафа (вместе с ним найдена миниатюрная колонка и массивные свинцовые кольца) [Bonora et al. 2021: 47–80]. В остальных случаях контекст либо отсутствует полностью (Годар-и Шах), либо фрагменты происходят с поверхности (Тепе-Чало и др.) или должным образом не документированы (Танж-е Гхеле Рез) [Dales, Flam 1969: 22–23; Vahdati, Biscione 2021: 193–214; Biscione, Vahdati 2021: 536, Fig. 19.6, 19.7].

Кроме посохов и скипетров в БМАК широко распространены и другие предметы, которые можно рассматривать как инсигнии власти. Это церемониальные топоры из бронзы и кости, металлические двузубцы и трезубцы, так называемые гарпуны или серповидные мечи, напоминающие египетские хапешы, а также большая серия каменных и металлических наверший (иногда их называют навершиями булавы), которые могли использоваться как с каменными, так и с деревянными рукоятями.

Заключение

Таким образом, древняя Маргиана является регионом, где различные типы каменных посохов и скипетров представлены наиболее широко. Кроме того, именно здесь большая серия таких предметов найдена в погребениях *in situ*.

Посохи со скошенным окончанием («с копытом») известны исключительно в могилах высших слоев элиты на «Царском некрополе» Гонур-депе. При этом в могилу могло помещаться несколько посохов одновременно (например, «с копытом» и веретенообразный). Поскольку

почти все «царские» гробницы подверглись ограблению, установить количество и состав погребенных в них представителей элиты затруднительно. Тем не менее, можно предположить, что несколько посохов в одной могиле могли принадлежать нескольким погребенным, а в случае, если гробница предназначалась одному человеку — посохи разных типов могли символизировать его различные властные функции. Персональную принадлежность этих предметов косвенно подтверждают также факты, свидетельствующие о том, что посохи при помещении в могилу могли преднамеренно разбиваться или распиливаться.

Посохи с наверху не зафиксированы ни в одной из могил «Царского некрополя». Это может указывать на их более низкий статус по сравнению с посохами двух предыдущих типов. Они могли помещаться в могилы молодых мужчин (в одном случае — ритуальное погребение животных), обладающих, очевидно, определенным высоким статусом и властными полномочиями. Посох обычно размещался перед погребенным, наверху вверх, т. е. так, как он мог использоваться при жизни человека.

Эти факты позволяют предположить наличие своеобразной «иерархии» посохов/скипетров: «с копытом» / скошенным основанием (наиболее высокий статус) — веретенообразные — с наверху (элитарный, но более низкий по статусу).

Несмотря на то, что существуют определенные наработки по реконструкции социального устройства общества БМАК, прежде всего на материалах погребений Гонур-депе, проблемы эти пока еще далеки от окончательного решения. Представляется, что детальный анализ археологического контекста находок инсигний власти в погребениях представителей различных страт общества может являться ключом для решения этой проблемы.

Литература

Антонова 2020 — Антонова Е. В. Бактрия и Маргиана на Древнем Востоке. Очерки / Отв. ред. Н. А. Дубова. М.: Институт востоковедения РАН, 2020.

Виноградова, Бобомуллоев, 2020 — Виноградова Н. М., Бобомуллоев С. Могильник Фархор — памятник эпохи ранней и средней бронзы в Юго-Западном Таджикистане. М.: Институт востоковедения РАН, 2020.

Грушин, Дубова, Фрибус 2020 — Грушин С. П., Дубова Н. А., Фрибус А. В. Миниатюрные колонки БМАК: морфологические особенности и возможное назначение // Древние и средневековые культуры Центральной Азии и Среднего Востока (становление, развитие и взаимодействие урбанизированных и скотоводческих обществ). СПб. 10–12 ноября 2020. СПб., 2020. С. 71–74. DOI: 10.31600/978-5-907298-09-5-70-74.

Дубова 2020 — Дубова Н. А. О символах власти в Маргиане эпохи бронзы // М. А. Широкова, А. В. Иванов (ред.). Евразийство: теоретический потенциал и практические приложения: материалы Десятой Всероссийской (с международным участием) научно-

практической конференции. Барнаул, 18–19 июня 2020 г. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2020. С. 39–43.

Дубова и др. 2020 — *Дубова Н. А., Зайцева Г. И., Бурова Н. Д., Сатаев Р. М., Фрибус А. В., Грушин С. П.* Новые радиоуглеродные даты по отдельным территориям Гонурского оазиса (Туркменистан, эпоха бронзы) // Радиоуглерод в археологии и палеоэкологии: прошлое, настоящее, будущее. СПб.: ИИМК РАН, РГПУ — Самара: СГСПУ / ООО «Порто-принт», 2020. С. 26–27.

Зайцева и др. 2008 — *Зайцева Г. И., Дубова Н. А., Семенцов А. А., Реймар П., Мэллори Дж., Юнгнер Х.* Радиоуглеродная хронология памятника Гонур Депе // *В. И. Сарианиди* (ред.). Труды Маргианской археологической экспедиции. Т. 2. М.: Старый сад, 2008. С. 166–179.

Кирчо, Алёкшин 2005 — *Кирчо Л. Б., Алёкшин В. А.* Хронология эпохи позднего энеолита — средней бронзы Средней Азии (погребения Алтын-депе). (Труды ИИМК РАН; XVI) / Ред. *В. М. Массон, Ю. Е. Березкин*. СПб.: Нестор-История, 2005.

Массон 1974 — *Массон В. М.* Раскопки погребального комплекса на Алтын-депе // Советская археология. 1974. № 4. С. 3–22.

Сарианиди 1995 — *Сарианиди В. И.* Библейский миф об агнице и погребальные обряды Маргианы и Бактрии // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Челябинск: ЧГУ, 1995. Ч. 5. Кн. 1. С. 159–165.

Сарианиди 2001 — *Сарианиди В. И.* Некрополь Гонура и иранское язычество. М.: Мир-медиа, 2001.

Сарианиди, Дубова 2010 — *Сарианиди В. И., Дубова Н. А.* Новые гробницы на территории царского некрополя Гонура (Предварительное сообщение) // На пути открытия

цивилизации. Сборник статей к 80-летию В. И. Сарияниди. Труды Маргианской археологической экспедиции. Т. 3. СПб: Алетей, 2010. С. 144–171.

Сатаев, Сатаева 2015 — *Сатаев Р. М., Сатаева Л. В.* Анималистическая композиция на кубке из клада в царском некрополе Гонур-депе // Записки ИИМК РАН. 2015. № 12. С. 106–120.

Biscione, Vahdati 2021 — *Biscione R., Vahdati A. A.* The BMAC presence in eastern Iran: state of affairs in December 2018 — towards the Greater Khorasan Civilization? // *B. Lyonnet, N. Dubova* (eds.). *The World of the Oxus Civilization*. London — New York: Routledge, 2021. P. 527–550.

Bonora et al. 2021 — *Bonora G. L., Rossi Osmida G., Cengia A.* A General Overview of the Oxus Civilization Graveyard of Adji Kui in Margiana (South Turkmenistan) // *East & West*. 2021. Vol. N. S. 2 (61). No. 1. P. 47–80.

Dales, Flam 1969 — *Dales G. F., Flam I.* On tracking Woolly Kullis and the like // *Expedition*. 1969. Vol. 12. № 1. P. 15–23.

Dubova 2021 — *Dubova N.* The “Royal Necropolis” at Gonur Depe: an Attempt of Systematization (Plan, Constructions, Rituals) // *B. Lyonnet, N. Dubova* (eds.). *The World of the Oxus Civilization*. London — New York: Routledge, 2021. P. 333–366.

Fontugne et al. 2021 — *Fontugne M., Zajtseva G. I., Lyonnet B., Dubova N. A., Burova N. D.* Appendix. Radiocarbon dates related to the BMAC/Oxus Civilization // *B. Lyonnet, N. Dubova* (eds.). *The World of the Oxus Civilization*. London — New York: Routledge, 2021. P. 863–911.

Sarianidi 1996 — *Sarianidi V.* The Biblical lamb and the funeral rites of Margiana and Bactria // *Mesopotamia*. 1996. Vol. XXXI. P. 33–48.

Sarianidi 2007 — *Sarainidi V.* Necropolis of Gonur. Athens: Kapon editions, 2007.

The World ... 2021 — *B. Lyonnet, N. Dubova* (eds.). The World of the Oxus Civilization. London — New York: Routledge, 2021.

Vahdati, Biscione 2021 — *Vahdati A. A., Biscione R.* The Bronze Age necropolis of Chalow: insights into the funeral practices of «ВМАС» people in North-Eastern Iran // *В. А. Алёшкин, Е. В. Антонова, Н. А. Дубова* (гл. ред.), *Р. Г. Мурадов, Р. М. Сатаев, А. А. Тишкин, А. В. Фрибус* (ред.). Труды Маргианской археологической экспедиции. Т. 8. Исследования Гонур-депе в 2015–2019 годах. М.: Старый сад, 2021. С. 193–214.

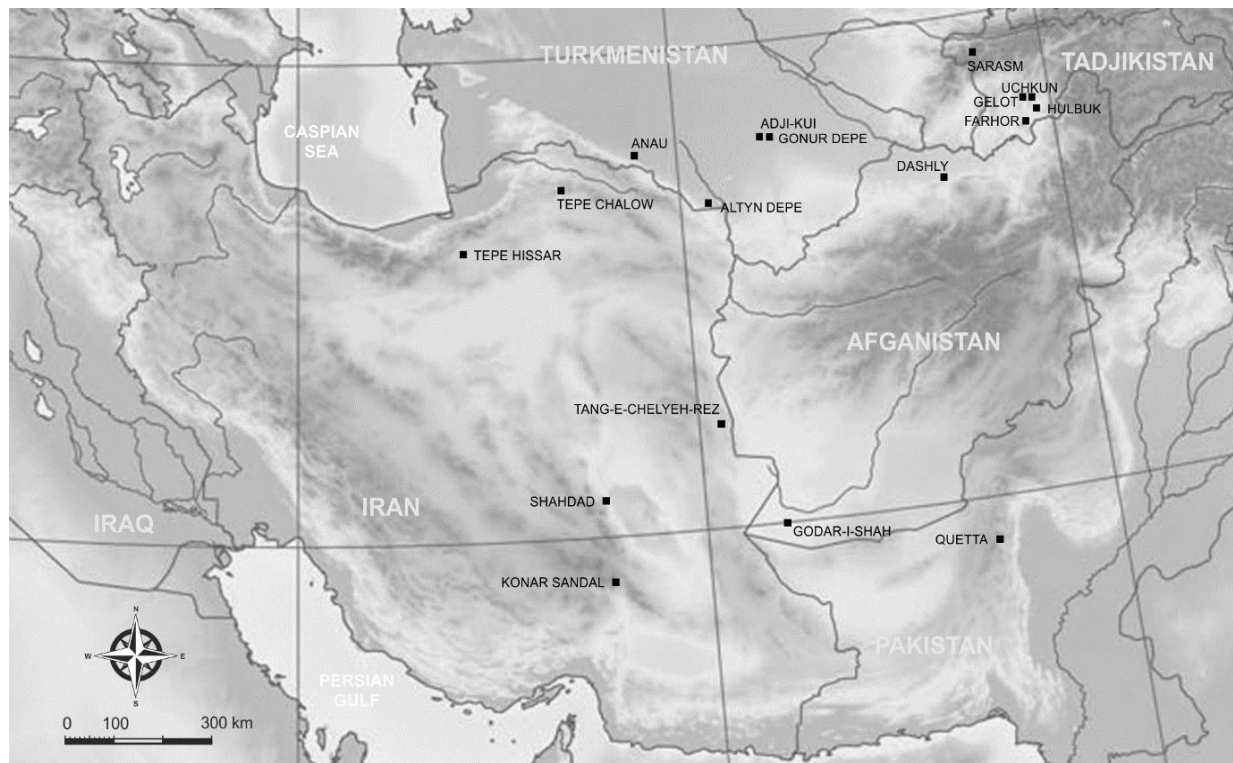

Рис. 1. Распространение посохов и скипетров на территории Центральной Азии и Среднего Востока.

Восточноиранские наименования Южного Буга и Кубани середины I тыс. н. э.

Валерий Петрович Яйленко

доктор исторических наук, профессор, независимый
исследователь, Москва, Россия, valeryjailenko@gmail.com,
ORCID: 0000–0002–9844–6259

Аннотация. Названия Южного Буга и реки Кубань у византийских авторов с VI в. — Κοφήν, Κοῦφης, Κῶφης, Κοῦφης. Параллель им — имя реки Кабул Κοφήν, так что вся группа гидронимов среднеиранского происхождения, типа среднеперс. kōf, парф. kōf (др. иран. *kaufa- «гора»). Это находит подтверждение в имени Буга у Константина Багрянородного Κοῦβοῦ (β фонетически = ν), которое соотносится с хотано-сакским kuva «холм». Восточноиранского происхождения еще одно наименование Буга — Κοῶ в армянской географии VII в. «Ашхарацуйц», Κοῦζοῦ у Константина Багрянородного. У первой формы есть прямое соответствие в гидрониме Восточного Туркестана Киṣа, который восходит к согд. kīśā «рот, клюв», с обычным в топонимике сдвигом семантики в топографическое понятие «устье», «река». На позднем этапе среднеиранских языков аффриката ṣ переходила в z, dz, ž (кроме согдийского), отсюда форма Κοῦζοῦ, так что наряду с согдийским именем Буга Κοῶ существовала параллельная форма Κοῦζοῦ, бытовавшая в каком-то ином среднеиранском языке. Наличие дублета подтверждает предложенную этимологию названий. Появление восточноиранских гидронимов на Северном Кавказе и в Среднем Поднепровье увязывается с

миграцией сюда в VI в. из Восточного Туркестана, Бактрии, Тогда тюрко-иранской орды вархонитов и кучагиров.

Ключевые слова: Южный Буг, Кубань, Κωφήν, Κοῦφίς, Kuča, Κουζοῦ, среднеиранское происхождение, вархониты, кучагиры.

The East-Iranian names of the South Bug and Kuban rivers in the middle I millennium AD

Valery P. Yailenko

Dr. hab. in History, Professor, Independent Researcher,
Moscow, Russia, valeryjailenko@gmail.com, ORCID: 0000–
0002–9844–6259

Abstract. From the VI century AD, some Byzantine historians knew names of the South Bug and Kuban rivers Κωφήν, Κοῦφίς, Κῶφίς, Κούφης. There is the same ancient name of the river Kabul at Afghanistan, so all the names have an Iranian origin — from some form as middle Persian kōf, Parthian kōf (< ancient Iranian *kaufa- «mountain»). It finds confirmation in another name of the South Bug Κουβοῦ (here β phonetically = v), which corresponds to the Khotanese Saka word kuva «hill». An East Iranian origin has and another names of this river Kočo (in Armenian geography of the VII century “Ashkharatsuits”), Κουζοῦ (Constantine Porphyrogenitus): the first is in direct accordance with Sogdian kũčā “mouth, beak”, resp. toponymically “outfall, river”. In the late middle Iranian languages (except the Sogdian) the affricate č > z, dz, ž, so it gives the form Κουζοῦ; consequently, there were on the South Bug river side by side with the Sogdians some another East Iranians. It is known a migration of the Turk–Iranian people

Warkhonitae, including the Kutchageri, from the Central Asia to the Dnieper river, they bring here the names in question in the VI century.

Keywords: the South Bug river, the Kuban river, Κωφὴν, Κοῦφίς, Kuča, Kouζοῦ, Middle Iranian origin, migration of the peoples, Warkhonitae, Kutchageri.

О. Н. Трубачев [1968: 274–277] выделил из числа нынешних гидронимов Среднего Поднепровья иранский слой, в основном на Левобережье — Сула, Хорол, Слепород, Удай, Артополот, Надра, Удава, Овда, Пансова, Снопород и др.¹ Это означает, что в данном регионе стабильно проживало оседлое иранское население; по времени сии гидронимы не позднее I тыс. н. э., так как думать об иранцах тут во II тыс. н. э. причин нет. Все это дает основания усматривать иранское происхождение также иных речных имен данного региона, известных из письменных источников I тыс. н. э. Таковых немало, но тут мы обратим внимание на те гидронимы, которые не получили объяснения в литературе и которые, на наш взгляд, имеют восточноиранское происхождение.

¹ Возражения Г. Шрамма [1997: 138–139] — не критика, а голословное отрицание.

1. Названия рек Кубань и Южный Буг Κωφήν, Κοῦφης, Κοῦβοῦ etc.

В античную эпоху у Ю. Буга и Кубани было одно название — Ὑπανίς. Если у Буга Гипанис единственное имя, т. е. стабильно прочное со времен Геродота (IV, 18 etc.), то у Кубани были и другие названия — Фасис, Короканда, Танаис, Вардан (источники [Яйленко 2015: 394–395]), это отражение многоязычного населения Прикубанья. Варданом Птолемея завершается античная номенклатура реки, после эпохи великого переселения народов появляется новая — у историка VI в. Менандра (fr. 21) Κωφήν, его разновидности приводят источники VII–XI вв.: Κιρ'ι (армянская география V–VII вв. «Ашхарацуйц»), Cufis (Равеннский аноним, VII в.), Κοῦφης (Феофан, ок. 760–818 гг.; Константин Багрянородный, 905–959 гг.), Κῶφης (Никифор, ок. 758–829 гг.), Κοῦφης (Кедрен, рубеж XI–XII вв.)². При этом в рассказе «Хроники» Феофана под 679/680 г. (= [Чичуров 1980: 36, 60]), Κοῦφης — наименование как Ю. Буга (Куфис впадает в Понт близ Некропил, т. е. Перекопа), так и Кубани (река Боспора Киммерийского)³.

² Marquart 1903: 505; Фасмер 1967: 395; Чичуров 1980: 108–110; Шрам 1997: 64; Яйленко 1985: 82; 2015: 395.

³Некоторые ученые (Г. Шрам и др.) сочли это результатом путаницы еще античного времени, когда Буг и Кубань одинаково именовались Гипанисом, однако они упускают из виду, что и Константин Багрянородный называет Буг Куфисом (De adm. imperii, 42 (= [Конст.

В античное время не только Буг и Кубань именовались Гипанисом — так назывался также приток реки Акесин в Пенджабе (Arriani Anab. VI, 14, 5 etc.), и это послужило нам основанием для индоарийской этимологии гидронима [Яйленко 2013: 49–51]. Подобного рода история, полагаем, имеет место и с названием Κωφῆν etc. — у него есть параллели в Афганистане: в системе верховьев Гильменда, согласно Плинию (Nat. hist. VI, 25), есть река Sorhen (она же Арахот, ныне Аргандаб); стоявший на ней город Арахозия, по Стефану Византийскому (Lexicon, s. p. Ἀραχωσία), тоже назывался Κωφῆν [Григорьев 1871: 152]. Это Κωφῆν усматривают и в имени города Kubha «Ригведы», которое отождествляют с афганским Кабулом, стоящим на одноименной реке, правом притоке Инда; В. Айлерс и М. Майрхофер соотнесли гидроним Κωφῆν со среднеиранским kōfēn «гористый» (из древнеиран. *kaufaina-) [Eilers, Mauryhofer 1960: 111–112]. Полагаем, имя Кубани Κωφῆν то же самое, а ее же и Буга название Κοῦφῖς, в котором отсутствует суф. -ап (-aina), восходит к среднеиранской форме типа среднеперсидского kōf, парфянского kōf «гора» (< иран. *kaufa: авест. kaofa,

Багр. 1989: 172–173]). Здесь император перечисляет реки Северного Причерноморья между Дунаем и Доном, на котором для хазар выстроена крепость Саркел, поэтому аллюзия на Куфис — Кубань исключена.

др. перс. *kaufa*)⁴. Формы *Κοῦφίς*, *Κῶφίς*, *Κοῦφης* восходят к среднеиранскому этимону с конечным кратким *а, которое перешло в *i* (как в среднеперсидском), и это означает, что исходной их формой (этимонем) было **kaufa*, **kōfa* «гора» некоего среднеиранского языка. Значение «горная, холмистая (река)» соответствует среднему течению Буга: по характеристике гидролога Л. К. Давыдова [1955: 103], тут она горная река, берега ее высоки, скалистые пороги, такова она от устья Иквы примерно до Александровки (т. е. за сотню километров до Николаева). Красноречиво в этом отношении название Горный Тикич — имя притока Синюхи, текущей в средний Буг⁵. Кубань тоже соответствует предложенной этимологии: в верхнем течении она горная река, а в среднем, до впадения Лабы, течет в долине с террасированными склонами [Давыдов 1955: 163]. Нижнее течение Кубани и Буга степное, так что названия «Горный», «Гора» Буг получил по среднему течению, а Кубань по верхнему и среднему. Что это так, показывает рассказ

⁴ В антропонимике Северного Причерноморья I–III вв. н. э. иран. ао передается через греч. ου, иран. аі, ау через η, иран. ὀ, аи через ω [Zgusta 1955: 214–215; Абаев 1979: 325]. Форма *Κοῦφης* Кедрена показывает искусственное выравнивание иноязычного топонима под греческий: *Κωφίην* понималось как вин. падеж (у Менандра асс. *Κωφῆνα*), поэтому номинатив снабдили сигмой, отсюда окончания *Κοῦφίς*, *Κῶφίς*, *Κοῦφης*.

⁵ К семантике ср. русские гидронимы Гора, Горка, Горочка, Горочная, Холмец, Холмчик, Холменка, Холмянка [Vasmer 1971: 766].

Менандра (fr. 21) о возвращении византийского посольства Земарха в 568 г.: из ставки тюркского кагана близ Тарима они прошли через Яик, Волгу, далее на Северном Кавказе в земле алан намеревались идти на реку Κωφίη, но из-за персидской засады двинулись по Дарианской дороге (т. е. через Дарьял) и достигли Апсилии (Абхазии). При таком маршруте Кофеном может быть лишь верхнее течение Кубани⁶.

Такая этимология находит подтверждение в другой форме названия Буга Куфис — Κουβοῦ Константина Багрянородного (De adm. imperii, 38 = [Конст. Багр. 1989: 162–163])⁷. Полагаем, это хотаносакское kuva «холм», параллельное нашему среднеиранскому *kōfa / *kaufa = Κοῦφης etc.⁸ Наличие дублета Κουβοῦ, с одной стороны,

⁶ По «Ашхарацуицу», к северу от текущих в Азовское море рек Вардан (Кубань) и Псевхрос обитают тюркские и болгарские народы, имена которых происходят от названий рек: «Купи-булгар, Дучи-булгар, Вогхондор-Блкар — пришельцы, Чдар-Болкар» [Патканов 1883: 24, 29]. Купи — имя Кубани Куфис; неизвестное Дучи И. Маркварт удачно исправил на Кучи по известной «Ашхарацуицу» реке Кочо; Вогхондор = унногундуры; čdar, по нашему мнению — кидарітаі, отрасль эфталитов.

⁷ Что Куфис, Куву, Богу — разные названия Южного Буга, отмечал еще И. Маркварт [Marquart 1903: 505].

⁸ Передача конечного редуцированного *а в хотаносакском kuva через греч. ου обусловлена его лабиализацией соседним v, поскольку в самом хотаносакском краткое *а в соседстве с губным лабиализовалось в *и [Герценберг 1981: 240]. Иными словами, наряду с kuva была и форма kivo, которая послужила источником для Κουβοῦ Константина.

подтверждает прочность связи гидронима Κωφήν со среднеиран. Kōfēn, а Κοῦφης etc. с *kōfa / *kaufa. С другой стороны, связь имени Буга Κοῦβοῦ с хотаносак. kuva, kuvo свидетельствует о переселении в Прикубанье и Побужье иранцев из Восточного Туркестана (Хотан, Кашгар, Турфан). Это не должно удивлять, ибо в Северном Причерноморье постоянно обитали восточные иранцы — по меньшей мере с VI в. до н. э. царские скифы, в раннем средневековье аланы. Полагаем, еще одно имя Буга — Коῶ — восточноиранского согдийского происхождения.

2. Названия Южного Буга Коῶ, Κοῦβοῦ.

Согласно армянской географии VII в. «Ашхарацуйц», тринадцать рек Сарматии сливаются в единый поток, текущий в Понт, одна из них называется Борисфен (это Днепр), другая Коῶ⁹. Поскольку в единый поток сливаются Днепр и Буг (это Днепро-Бугский лиман), последний именуется Коῶ. Параллель ему находим в Восточном Туркестане — город и соименная река Кочо у южного склона Тянь-Шаня; по Э. М. Мурзаеву [1974: 292], имя города восходит к новоиран. коса «поселок, улица», имя реки — к согд. qosa «рот, отверстие». Однако, название города известно с VI–VII вв., так

⁹ Еремян 1971: 183. По старому переводу К. П. Патканова [1883: 27]: «В Сарматии семь круглых гор, из которых втекают в Понт много рек. Некоторые из последних, соединившись вместе, образуют одну реку, называемую Кочо (?)». Название Кочо подтверждено последующими исследователями.

что источник названия лежит в среднеиранском языке. Полагаем, имя сего города образовано, как обычно в топонимике, от названия реки, на которой стоит. Объясняем из среднеиранского согдийского — сравни будд. *kwc'kh*, маних. *kwc'* (*kū/ūčā*) «рот, клюв», этим лексемам соответствуют средневековые китайские передачи названия сего города Кюцы (Кюйцы), также Күсә Махмуда Кашгари; сюда и этникон его жителей *kwc'nth* «кучанцы», упоминаемый в документах с горы Муг [Лившиц 1962: 96–97], также этноним *K.jā* (Күсә) у Марвази¹⁰. Согд. *kū/ūčā*, судя по расположению города на реке Эшкэ-баши-су в полусотне километров от ее впадения в Тарим, в топонимическом плане имело значение «устье, река», ибо развитие семантики «рот, клюв» > «устье, река» представлено в самых разных языках. Так, тюрк. *агыз*, *ауыз*, *аўуз*, *оос* «рот, пасть etc.», по констатации Н. А. Баскакова [1969: 67], «для <географического> номенклатурного названия устья реки встречаются в большинстве тюркских

¹⁰ Бичурин 1950: 279, 287 и др.; 1950а: 296; 1953: 31, 33. В средневековых китайских хрониках Куча как этническое и территориальное наименование фигурирует в связи с событиями VI–VII вв. В документах с горы Муг говорится о городе Куча в VIII в. Марвази пишет о народе *K.jā* (Күсә) как отрасли киргизов [Minorsky 1942: 30].

языков»¹¹. Это может подтверждать и новосогдийское название кишлака Коча-тограк, расположенного в дельте реки Мусур-гол (она приток Укэт-гола, некогда сливавшегося с Эшкэ-баши-су)¹². Таким образом, река Эшкэ-баши-су в средние века называлась *Кй̌с̌ā, от нее в раннем средневековье получил имя город Куча (отсюда имя реки и города нового времени Кочо)¹³. Параллелизм обоих столь редких, но синхронных гидронимов — Кошо-Буг и Кй̌с̌ā в Восточном Туркестане — сродни тем сходжениям, которые мы уже отмечали: Кофен-Кубань и Кофен-Арахот в Арахозии, Гипанис-Буг и Гипанис-приток Акесина в Пенджабе; оба наименования перенесены из Центральной Азии в Северное Причерноморье. Первичный очаг согдийцев — долина Зеравшана и Уструшана, с первых столетий новой эры они как торговый народ колонизовали оазисы Восточного Туркестана и

¹¹ Так и в русском *уста* — *устье*, *губа* — часть рта и залив с устьем реки, в армянском *beran* «рот», «устье реки» [Мурзаев 1984: 80–81, 163, 583–584].

¹² См. карту, приложенную к тому 3 «Собрания сведений» Н. Я. Бичурина.

¹³ Восстанавливаем краткое и по имени народа *Κοτζαγγοί*, происходящего отсюда, см. ниже § 3. Нелишне заметить, что упомянутые согд. *kwc'kh*, *kwc'* «рот, клюв» — производные из **kū/ūcākā*, от глагола **kū/ūc-* «делать углубление, копать» [Лившиц, Хромов 1981: 399]: понятия «углубление» да «устье» могут быть в топографическом отношении смежными. Так возник и этноним хазар: *Χάζαρος* < тюрк. *qaz* «копать, добывать» + аффикс деятеля -*ag* «тот, кто копает, добывает».

продвинулись вплоть до озера Иссык-Куль да Китайской стены. На всем этом пространстве согдийский был языком общения и письменности по XI в. Территория Согда неоднократно подвергалась завоеваниям эфталитов, тюрков, персов и др., они воспринимали развитую согдийскую культуру да язык. Миграции эфталитов и тюрков в Восточную Европу способствовали переносу некоторых согдийских и прочих названий (см. далее § 3), таково происхождение также имени Буга Коѡ / Кѡѡ.

Что это так, показывает и другое параллельное имя Буга Κουζοῦ, упоминаемое Константином Багрянородным (*De adm. imperii*, 38, 40 (= [Конст. Багр. 1989: 162–163]): страна мадьяр Ἀτελκοῦζου называется по текущим в ней рекам Ἐτέλ и Κουζοῦ. Тут Ἀτέλ / Ἐτέλ — несомненная Волга¹⁴. В

¹⁴ Название Волги Ἐτέλ — это чувашское ее имя Atäl, Adyl, чагатайское Ätil и пр., оно тюрко-монгольское, впервые представлено у писателя VI в. Менандра (fr. 21) — Ἀττίλας, также в названии реки Восточного Туркестана Тарим Тίλ у византийского писателя первой половины VII в. Феофилакта Симокатты (VII, 7, 13), который сообщил и ее значение у тюрков — «Черная». В бассейне Тарима раннесредневекового времени пребывали иранские и тюркские насельники, широкое распространение названия Атиль, Итиль в тюрко-монгольской среде указывает на эту его принадлежность. Источником еще Н. И. Ашмарин указывал чувашское атлы «широкий, просторный», но «Черная» река Феофилакта предусматривает поиски и другого этимона. Тюркский чувашский издавна считают потомком гуннского языка, что подтверждается и новыми исследованиями (И. Бенцинг и др.). Попытки объявить язык гуннов нетюркским (Г. Дёрфер, Э. Дж. Пуллиблэнк, С. Г. Боталов и др.) покоятся на

абсолютном большинстве восточноиранских языков срединная по позиции аффриката č раннего среднеиранского периода перешла на позднем среднеиранском этапе, т. е. примерно с IV–VI вв., в фонемы z , dz , ž , s и др.¹⁵ Перешла во всех, засвидетельствованных письменными памятниками, кроме согдийского. Следовательно, при том, что Кй̌с̌а — согдийское имя Буга, форма $\text{Kou}\zeta\text{o}\ddot{u}$ тот же гидроним, но в фонетическом оформлении иного восточноиранского языка¹⁶. Это обстоятельство решает также вопрос об идентификации реки $\text{Kou}\zeta\text{o}\ddot{u}$ — она Буг, и локализации страны мадьяр $\text{ʾetelk}\ddot{o}\zeta\text{o}\ddot{u}$ — это междуречье Волги да Буга¹⁷. И другое

отдельных словах да именах нетюркского происхождения у гуннов, но все это объясняется обычной у кочевников полиэтничностью орды, тогда как ядром ее были тюрки, в частности, у европейских гуннов булгары. Недавно мы выявили десяток новых личных имен и прозвищ в древнегреческой надписи V в. с Тамани, у всех есть соответствия в чувашском исконном именнике, их строй соответствует исторической фонетике и морфологии чувашского, и в условиях V в. на Тамани это могут быть только гунны [Яйленко 2010: 439–476].

¹⁵ Например, в среднеперсидском это имело место в сасанидское время, т. е. до середины VII в., в парфянском до V–VI вв., когда он вымер.

¹⁶ Обычно гидроним $\text{Kou}\zeta\text{o}\ddot{u}$ прилагают к Днепру (Ф. Ф. Вестберг, М. И. Артамонов, А. Коллауц, Х. Мийякава и др.), но показанная связь его с именем Буга Кй̌с̌а решает вопрос в пользу Буга.

¹⁷ Распространенное мнение, что $\text{ʾetelk}\ddot{o}\zeta\text{o}\ddot{u}$ — древне-венгерское слово etelköz «междуречье» и Константин ошибочно принял его за имена двух рек $\text{ʾEt}\ddot{e}\ell$ да $\text{Kou}\zeta\text{o}\ddot{u}$, само ошибочно. Во-первых, потому, что данное известие не принадлежит Константину (905–959 гг.) — он просто следует традиции, которая представлена у Ибн-Русте (предшественник Константина, жил во второй половине IX — начале X вв.), Гардизи (XI в.), Марвази (1056–1124), у поздних историков

согдийское название засвидетельствовано в средневековом Северном Причерноморье — у портового города в Крыму Судак да его области. Его византийское имя Σουδαία отражает раннесогдийское Sugda- / Suguda- «Согд» (из древнеиран. *suxta- «сожженная», согдийское suyd- «жечь, гореть»)¹⁸. Поселение на месте Судака

Шукруллы да Мухаммада Катиба [Заходер 1967: 51–52]. Важно, что при этом авторы приводят и названия сих рек: первая у всех Атиль-Волга, вторая разнится — у Гардизи Дунай, у Марвази Руна, у Шукруллы В.фā, у Катиба Т.н (Танаис); они отражают передвижение западной границы ареала мадьяр. По этой причине указание Константином имен рек Ἐτέλ и Κοῦζοῖ точно, ибо следует данной географической традиции восточных авторов. Во-вторых, в предполагаемом древне-венгерском etelköz «междуречье» лексема лишь köz «промежуток» (послелог közè «промеж, среди»), тогда как etel — упомянутое раннесредневековое тюркское название Волги Etel, Atil, усвоенное мадьярами не позднее IX в. (до VII–VIII в. они обрелись в Поволжье, по крайней мере, часть их), но стать у них нарицательным словом «река» оно не могло, поскольку, как сказано, соответствует чувашскому *атлы* «широкий, просторный». Попытка Н. В. Беленова [2018: 48] возвести имя Волги Etel, Atil к мансийскому eetl «морская вода» несостоятельна, ибо древнейшую фиксацию Tīl Феофилакта он приписал Волге, тогда как у византийца это определено Тарим: я заканчиваю свой рассказ о скифах, пишет он, «которые живут в Бактрии, Согде и на Черной реке», т. е. на Тиле (VII, 9, 12).

¹⁸ Название страны «сожженная (земля)» дано, вероятно, по кострам огнепоклонников. Связь с именем Согда поддерживает, к примеру, А. К. Шапошников [2005: 115–117]. В. Ф. Миллер возвел название к осет. suǰdæg «священный», что восприняли В. Г. Васильевский [1915: CLVI], В. В. Бартольд [1965: 489], М. Фасмер [1971: 795; Vasmer 1923: 71–72], В. И. Абаев [1981: 304]. Тем не менее, все они, кроме М. Фасмера, признают связь с именем Согда, поскольку осет. suǰdæg

засвидетельствовано древнегреческими надписями с III в. н. э., название Σουγδαία появляется у Равеннского анонима VII в. (в малопонятной форме Sugdabon), в житии святого VIII в. Стефана Сурожского [Васильевский 1915: 73]. Оно вполне увязывается с колониционной деятельностью согдийских купцов, которые устраивали свои торговые фактории в VI–VII вв. за сотни и тысячи километров от Согда [Бартольд 1963: 190–191, 454–455]. Первым повел речь о связи названия крымского города с Согдом византийский эрудит XII в. Иоанн Цецес: «населники Согда (Σουδίας κάτοικοι) хазары да херсонеситы прозываются оксианцами по реке Окс, текущей в их земле» (Окс / Аму Дарья — главная река Согда)¹⁹. Странники аланского

восходит в конечном счете к древнеиран. *suxta-, как и среднеиранское название Согда Soğd.

¹⁹ Tzetzes, Chiliades, VIII, 90. Считается, что поэт спутал крымский и среднеазиатский Согд, ибо реки Окс в Крыму нет [Васильевский 1915: CLXX–CLXXI; Vasmer 1923: 71]. Цецес упомянул «населников Согда хазар да херсонеситов» в связи с «оксианской рыбой» (Ὠξιανοῦς ἰχθύας), которую варвары называют верзитиком (βερζίτικα). Ее упомянул и Константин Багрянородный в перечне рек Восточного Приазовья: Танаис, Харакул, в котором ловится верзитик, Вал, Вурлик (это печенежское имя пролива Боспор Киммерийский), Хадир (De adm. imperii, 42 = [Конст. Багр. 1989: 174–175]). И античные авторы пишут о вылавливаемых тут осетровых, которые в засоленном виде доставлялась в Грецию, Египет, Рим. Таким образом, можно думать, что одна из рек Восточного Приазовья называлась тамошним иранским населением Вахšu- «прибывающая, наполняющаяся» (о воде), по-гречески Ὠξος, поэтому рыба именовалась Ὠξιανὸς ἰχθύς, а торговавшие ею в Византии согдийские купцы из Сугдеи-Судака слыли оксианцами. У Птолемея упомянута среди рек Восточного

происхождения имени крымской Сугдеи указывают на обитание алан тут, также на название области Σουγδία в земле северокавказских алан у писателя VIII в. Епифания [Васильевский 1915: CLVIII–CLX]. Однако имя области Σουγδία мы скорее свяжем с переселением на Северный Кавказ согдийцев: согласно персидским источникам, из района Гургана перешел в Азербайджан народ Сул — это имя страны согдийцев; у китайских авторов она Суи, Сули, Сутэ, т. е. Су(г)да(к), это равно имя и среднеазиатского Согда и страны алан на Северном Кавказе [Бичурин 1950а: 229, 241, 260, 261; Haussig 1953: 370; Бартольд 1963: 550]²⁰.

Авторы IX–XII вв. (Ибн Русте, Гардизи, персидская география X в. Худуд ал-‘алем) обозначают этих северокавказских Сул(и), Sûl(i) как B.rsûlā, т. е. War и Sûl [Haussig 1953: 370]. Нам интересно название War, которое отсылает к миграциям народов Центральной Азии, в том числе восточных иранцев, в Северное Причерноморье, в связи с которыми и возникли восточноиранские

Приазовья Ἀξαβίτις ταῖνια «коса Аксабитис», имя которой темное, не исключено, что его Ἀξα- = Ὠξα-. Из практики керченской да таманской промышленной ловли рыбы XIX в. известно, что она велась в основном при косах.

²⁰ На позднем этапе среднеиранского в ряде восточноиранских языков, в том числе согдийском, d > l [Лившиц, Хромов 1981: 406; Эдельман 1986: 169–170], отсюда формы имени согдийцев и Согда сул(и), сулик (из Sugda, Sugdaka).

названия Буга Κουβοῦ, Κοῶ, Κουζοῦ, Буга да Кубани Κοῦφίς.

*3. Миграции вархонитов, кучагиров и др. середины I тыс.
из Восточного Туркестана, Согда, Бактрии через
Северный Кавказ в Северное Причерноморье.*

Важную информацию о народах Центральной Азии, с миграциями которых могло быть связано появление исследуемых гидронимов Северного Причерноморья, сообщает историк первой половины VII в. Феофилакт Симокатта (VII, 7–8) в рассказе о событиях времени правления императора Маврикия (582–602). Говоря о войнах с аvaraми на дунайской границе, он поведал их предысторию. В 596 г. каган орхонских тюрок прислал императору письмо (Феофилакт ознакомился с ним в архиве и излагает его), в котором уведомлял о победах в Центральной Азии: он покорил сильные народы аваров и огоров, последние жили на реке Тил (Тарим), которую тюрки называют Черной, некоторые племена огоров назывались Οὐάρ и Χουννί. Старший современник Феофилакta Менадр (fr. 43) знает их как Οὐαρχωῖται, они авары. Форма Χουννί указывает на гуннов, форма Χῶνται (есть и Χόνοι) отсылает к хонам / хионитам, оба этнонима для конца VI в. не характерны, ибо гунны господствовали в Европе в IV — середине V в., а хоны тогда же успешно воевали с Сасанидским Ираном в Бактрии и соседних областях; другой театр их войн — кавказская Албания, где

хоны выступали союзниками армян, тоже боровшихся с натиском Сасанидов, эти хоны — обитатели Северо-Восточного Кавказа²¹. В середине V в. царь парфян Йездигерд повоёвывал бактрийские да согдийские владения хонов, после этого упоминания о них единичны²². Армянские авторы именуют хонов также кушанами, но к середине IV в. кушанское царство сходило уже на нет, поэтому наименование хонов кушанами считается указанием на их родственные отношения. Язык кушан восточноиранский, отсюда, как и из обитания хонов / хионитов в Согде да Восточном Туркестане, явствует принадлежность их языка к той же восточноиранской группе.

При Юстиниане (527–565), продолжает Феофилакт, часть народа вар и хунни бежала и поселилась в Европе, наряду с этим именем они называли себя аварами, у них был каган. Насельники Северного Кавказа барсельт, уннугуры, сабиры признали их владычество²³. Дополняет сведения об

²¹ О войнах Сасанидов IV–V вв. с хонами (hōn) пишут армянские историки IV–VI вв. [Тревер 1954: 133–134].

²² В китайском источнике V в. говорится о явившемся ок. 440 г. посольстве из Сутэ, от правителя Хуни [Бичурин 1950а: 260], это Согд и скорее всего хиониты. Упоминаются хоны и в сирийской хронике начала VI в. Иешуа Стилита.

²³ В рассказе Менандра об обмене посольствами тюркских каганов с Юстинианом да Юстином II (fr. 18–22) говорится, что каганы требовали от императоров прекратить сношения с вархонитами, поскольку они данники тюрков; они указали и число беглецов — 20

аварах-вархонитах Менандр (fr. 4 sq.): они явились в страну алан на Северном Кавказе, откуда отправили в 558 г. посольство к Юстиниану с запросом союза, тот поручил им охрану дунайской границы, куда они и перешли. В это же время (т. е. 596 г.), по словам Феофилакта, к ним бежали от орхонских тюрок племена вархонитов *Ταρνιάχ* и *Κοτζαῦηροί*, также племя забендеров из числа вархонитов, общая численность пришельцев 10 тысяч. Итого с ними вархонитов 30 тысяч; добавим к этому известие лексикографа X в. Свида: «авары возвращались туда, где течет река Днепр»²⁴.

Имя *Κοτζαῦηροί* прозрачно: основа *κοτζα* + этнонимический аффикс тунгусо-маньчжурского происхождения *-γυτ*, *-gir* (греч. *-γουροί*, *-ῥηροί*), воспринятый монголами, тюрками, так что *Κοτζαῦηροί* = *Köçä-gir*, по Г. Хауссигу, это «люди из Кучи», обитавший в окрестностях туркестанского города Куча народ [Haussig 1953: 381; Менгес 1979: 40]. Поскольку других упоминаний этого народа нет, полагаем, имя кучагиров произведено от тамошней

тысяч. Феофилакт по этой причине называет вархонитов псевдо-аварами, что ошибка: имя авар — это тюрк. *arag*, *awar* «беглецы, мятежники», так что это термин, относящийся к любым отколовшимся от основной орды племенам (это же значение и у имени *bulgar*). Иначе говоря, вархониты (это их этноним) не были аварами в этническом смысле, авары — их политоним.

²⁴ [Suidas 1931: 634]. По мнению А. Коллауца и Х. Мийякавы, авары вернулись на Днепр из Паннонии [Kollautz, Miyakava 1970: 164–167], но это может быть и отход с дунайского лимеса, где они претерпели ряд поражений, о чем Феофилакт писал в книгах VII–VIII.

реки *Кйс̄а, от которой, как мы выяснили выше, получил имя город Куча. Поэтому этническое обозначение Κοτζαῦηροί = Kōṣā-gir означает «народ реки Куча». Обосновавшись на Буге (ср. известие Свида о возвращении аваров на Днепр), вархониты перенесли на него имя своей прежней реки. Понятно, что и при переходе 558 г. с Северного Кавказа на Дунай вархониты пересекли Днепр да Буг, так что у них было представление об этих местах. Этнически они восточные иранцы, на что указывает принадлежность хонов к кушанам, они ядро орды; по степному обычаю, любая сильная орда включала разноплеменные части, так что в составе вархонитов могли быть тюрки и другие иранцы Восточного Туркестана, Согда, Бактрии. Как сказано, имя Буга Κουζοῦ, параллельное согдийскому *Кйс̄а, указывает, что в орде вархонитов были и другие восточные иранцы. В середине I тыс. в Центральной Азии складывалось некое межэтническое культурно-языковое койне. Например, основное население Кучанского региона говорило на тохарском В языке, жили тут также саки, согды, тюрки, китайцы, индийцы [Лившиц 1962: 98]. К примеру, согды колонизовали Семиречье с его тюркским населением, и по словам Махмуда Кашгарского, «жители Баласагуна говорят по-согдийски и по-тюркски, таким же образом обитатели Тараза <Джамбула> и жители Белого города» [Бартольд 1963: 454]. С

другой стороны, согдийский был тут по XI в. языком межэтнического общения, это тоже фактор распространения согдийской ономастики другими этносами, принужденными к эмиграции.

Этноним Οὐάρχωνται (основа Οὐάρχων, а -ῖται греческий гентильный суффикс множ. числа) мы бы охотно связали с именем великой реки Орхон (огхун древнетюркских эпитафий). Однако раздел этнонима Феофилактом на Οὐάρ и Χουννί (напомним, его сведения документальные, из архива) заставляет искать их объяснение порознь. С Χουννί / Χωνῖται / Χόνοι мы уже более или менее разобрались — это предпочтительно хоны, что же до Οὐάρ, то Г. Хауссиг, досконально исследовавший экскурс Феофилакта об аварях, связал их имя с городом War в афганском Кундузе, так что сей народ вар и хунни бактрийского происхождения, он двигался из Бактрии в Европу через Северный Кавказ, ибо мусульманским авторам с IX в. (Ибн Русте, персидская география X в. Хūdūd al-‘ālem и др.) известен северокавказский народ B.rsūlā, т. е. War и Sūl, где последние — согдийцы [Haussig 1953: 370, 398]. Гипотеза о бактрийском происхождении народа Οὐάρ льет воду на нашу мельницу — мы получаем еще одного «переносчика» восточноиранской топонимии в Северное Причерноморье, однако это тот же случай, что и увязка Хауссигом имени кучагиров с городом Куча, которую мы оспорили и связали этноним с согдийским именем реки *Kūčā (§

2). Тут самое время вспомнить мнение великого Иозефа Маркварта, которое покоится на анализе имени столичного города эфталитов Кундуза Варвализ, что имя города имеет речную природу — war, было оно и названием эфталитов [Marquart 1938: 45, 82, 147–148]. Насколько точно его прочтение ономастики у Сюань Цзая и прочее в его аргументации, нам не так уж и важно. Существенно то, что это южный Тохаристан и тут основной природный объект — верхняя Аму-дарья, так что war как обозначение «воды, реки» могло быть ее названием, а исходным его этимолом послужило тохарское В war (тох. А wär) «вода». В словаре лексикографа XI в. Туси фигурирует Вараруд как иранский аналог арабского названия земли по Аму-дарье Мавераннахр [Баевский 1980: 85]. Последнее не природное, а литературное (дословно «то, что за рекой»), и персидское Вараруд того же значения («то, что близ реки») и характера; однако его war наводит на мысль, что это литературная адаптация предположенного нами названия Аму War, ср. пехлевийское ее имя Weh-rot неясного происхождения (см. о нем [Marquart 1938: 38–39]). Что это так, может указывать возникающая отсюда одинаковость модели этнического обозначения вархонитов и кучагиров: Κοτζαηροί = Köçä-gir «народ реки Куча», а Οὐαρχωνῖται = War Khoni «хоны реки Вар», resp. верхней Аму-дарьи. Точку в вопросе

ставит та же модель имени упомянутых северокавказских барсилов — B.rsūlā, т. е. War и Sūl персидских да арабских авторов, они же Варσήλτ, отрасль вархонитов у Феофилакта²⁵. Поскольку sūlā, Sūl — согдийцы (см. выше), bar / war — то же имя верхней и средней Аму, в целом у этнонима B.rsūlā, Варσήλτ etc. значение «согды реки Вар»²⁶. Где вархониты, там и река War: как сказано, они осели на Буге, Днепре, в связи с чем, видимо, находится «гуннское» название Днепра Var у историка VI в. Иордана (§ 269). Оно объясняется как чувашское, осетинское, древнее европейское; мы бы добавили сюда и тохарско-восточноиранское war, но это требует специального рассмотрения.

Образование имен вархонитов, кучагиров, барсилов по одной и той же модели само по себе может свидетельствовать об их этноязыковой общности, по меньшей мере, об их политической,

²⁵ Начальные b и w этого этнического имени чередуются в разных передачах; чередуется и огласовка: ба(р)силы Моисея Хоренского, б.р.сұла персидских и арабских авторов, у Теофана (под 679/680 г.) их страна Βερζύλια. Буква эта в Варσήλτ Феофилакта фонетически = i; конечное t — показатель множ. числа в согдийском -tā. Из письменных среднеиранских языков такое t есть только в согдийском (в остальных -ān, -i, etc.), это хорошее подтверждение трактовки сұла, σήλτ и подобных в качестве имени согдийцев.

²⁶ Эта этнонимическая модель «люди + имя реки» характерна для Западной Сибири — у селькупов, хантов, кетов и других, ее древнейший пример — название геродотовых фиссагетов: Θυσσαγέται = «люди реки Чус», т. е. Чусовой [Яйленко 2018: 71]. Скорее всего, эту модель перенесли в Среднюю Азию ранние тюрки.

исторической и географической близости в IV–VI вв. на просторах громадного ареала — Согда, Бактрии, Восточного Туркестана. Он именовался также Тохаристаном, на языке и ономастике местного иранского да тюркского населения не могло не сказаться влияние тохарского субстрата. Тохары составили в I–IV вв. ядро Кушанского царства, из кушанской среды вышли и хоны — ядро вархонитов VI–VII вв. Но еще в IV–VI вв., как минимум, часть их мигрировала на Северный Кавказ: мы уже вели речь о тамошних хонах, воевавших с Сасанидским Ираном. Здесь они и прочие восточные иранцы оставили имя Кубани Коѵфис, а перейдя на Буг — Коуѵоѵ, Коѵо, Коуѵоѵ, Коѵфис.

Литература

Абаев 1979 — *Абаев В. И.* Скифо-сарматские наречия // *В. С. Расторгуева* (ред.). Основы иранского языкознания. Древнеиранские языки. М.: Наука, 1979. С. 272–364.

Баевский 1980 — *Баевский С. И.* Географические названия в ранних персидских толковых словарях (XI–XV вв.) // *В. А. Ромодин* (ред.). Страны и народы Востока. М.: Главная редакция восточной литературы, 1980. С. 83–89.

Бартольд 1963 — *Бартольд В. В.* Сочинения. Т. II, 1. М.: Изд-во восточной литературы, 1963.

Бартольд 1965 — *Бартольд В. В.* Сочинения. Т. III. М.: Изд-во восточной литературы, 1965.

Баскаков 1969 — *Баскаков Н. А.* Географическая номенклатура в топонимии Горного Алтая // *Э. М. Мурзаев*

(ред.). Топонимика Востока. М.: Главная редакция восточной литературы, 1969. С. 64–71.

Беленов 2018 — *Беленов Н. В.* К вопросу о тюрко-монгольском названии рек Волги // Вестник Череповецкого гос. ун-та. 2018. № 5. С. 44–50.

Бичурин 1950 — *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древнейшие времена. Т. 1. М. — Л.: Изд-во АН СССР, 1950.

Бичурин 1950а — *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древнейшие времена. Т. 2. М. — Л.: Изд-во АН СССР, 1950.

Бичурин 1953 — *Бичурин Н. Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древнейшие времена. Т. 3. М. — Л.: Изд-во АН СССР, 1953.

Васильевский 1915 — *Васильевский В. Г.* Труды. Т. 3. Петроград: Академия наук, 1915.

Герценберг 1981 — *Герценберг Л. Г.* Хотаносакский язык // *В. С. Расторгуева* (ред.). Основы иранского языкознания. Среднеиранские языки. М.: Наука, 1981. С. 233–313.

Григорьев 1871 — *Григорьев В. В.* О скифском народе саках. СПб.: Академия наук, 1871.

Давыдов 1955 — *Давыдов Л. К.* Гидрография СССР. Т. 2. Л.: Изд-во ЛГУ, 1955.

Еремян 1971 — *Еремян С. Т.* Европейская Сарматия по Птолемию и «Ашхарацуйцу» // *В. Восканян* (ред.). Исторические связи и дружба украинского и армянского народов. Вып. 3. Ереван: Изд-во АН Арм. ССР, 1971. С. 179–184.

Заходер 1967 — *Заходер Б. Н.* Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т. 2. М.: Главная редакция восточной литературы, 1867.

Конст. Багр. 1989 — *Константин Багрянородный. Об управлении империей* / ред. Г. Г. Литаврин, А. П. Новосельцев. М.: Наука, 1989.

Лившиц 1962 — *Лившиц В. А. Согдийские документы с горы Муг. Вып. 2.* М.: Изд-во восточной литературы, 1962.

Лившиц, Хромов 1981 — *Лившиц В. А., Хромов А. Л. Согдийский язык // В. С. Расторгуева (ред.). Основы иранского языкознания. Среднеиранские языки.* М.: Наука, 1981. С. 347–514.

Менгес 1979 — *Менгес К. Г. Восточные элементы в «Слове о полку Игореве».* Л.: Наука, 1979.

Мурзаев 1974 — *Мурзаев Э. М. Очерки топонимики.* М.: Мысль, 1974.

Мурзаев 1984 — *Мурзаев Э. М. Словарь народных географических терминов.* М.: Мысль, 1984.

Патканов 1883 — *Патканов К. П. Из нового списка географии, приписываемой Моисею Хоренскому // Журнал министерства народного просвещения. 1883. Ч. 226. С. 21–32.*

Тревер 1954 — *Тревер К. В. Кушаны, хиониты, эфталиты по данным армянских источников IV–VII вв. // Советская археология. 1954. Т. XXI. С. 131–147.*

Трубачев 1968 — *Трубачев О. Н. Названия рек Правобережной Украины.* М.: Наука, 1968.

Фасмер 1967 — *Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 2.* М.: Прогресс, 1967.

Фасмер 1971 — *Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 3.* М.: Прогресс, 1971.

Чичуров 1980 — *Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения.* М.: Наука, 1980.

Шапошников 2005 — *Шапошников А. К.* Древнейшая ономастика Таврического полуострова // Вопросы ономастики. 2005. № 2. С. 111–125.

Шрамм 1997 — *Шрамм Г.* Реки Северного Причерноморья. М.: Eastern communications, 1997.

Эдельман 1986 — *Эдельман Д. И.* Сравнительная грамматика восточноиранских языков. Фонетика. М.: Наука, 1986.

Яйленко 1985 — *Яйленко В. П.* Восточноиранская гуннская гидронимия Украины и Северного Кавказа // *И. П. Вейнберг* (ред.). Тезисы докладов Всесоюзной конф. «Древневосточная культура и вопросы ее преподавания на исторических факультетах». Даугавпилс, 1985. С. 81–84.

Яйленко 2010 — *Яйленко В. П.* Тысячелетний Боспорский рейх. История и эпиграфика Боспора VI в. до н. э. — V в. н. э. М.: Гриф, 2010.

Яйленко 2013 — *Яйленко В. П.* Очерки этнической, политической и культурной истории Скифии VIII–III вв. до н. э. М.: Onebook, 2013.

Яйленко 2015 — *Яйленко В. П.* Топонимика и этнонимия античного Боспора // Древности Боспора. 2015. Т. 19. С. 386–458.

Яйленко 2018 — *Яйленко В. П.* Заметки по топонимии, этнонимии античного и средневекового Северного Причерноморья, Скифии — Сарматии // Боспорские исследования. 2018. Т. 36. С. 37–86.

Eilers, Mayrhofer 1960 — *Eilers W., Mayrhofer M.* Namenkundliche Zeugnisse der iranischen Wanderung? // *Die Sprache*. 1960. Bd. VI. S. 107–134.

Haussig 1953 — *Haussig H. W.* Theophylakts Exkurs über die skythischen Völker // *Byzantion*. 1953. Т. 23. S. 272–462.

Kollautz, Miyakava 1970 — *Kollautz A., Miyakava H.* Geschichte und Kultur eines völkerwanderungszeitlichen

Nomadenvolkes. Die Jou-Juan der Mongolei und die Avaren im Mitteleuropa. Bd. 1. Klagenfurt: Habelt, 1970.

Marquart 1903 — *Marquart J.* Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge. Leipzig: Weicher, 1903.

Marquart 1938 — *Marquart J.* Wehrot und Arang. Leiden: Brill, 1933.

Minorsky 1942 — *Minorsky V. F.* Marwazī on China, the Turks and India. London: Asiatic society, 1942.

Suidas 1931 — *Suidas.* Lexicon / *A. Adler* (ed.). Vol. 2. Stuttgartiae: Teubner, 1931.

Vasmer 1923 — *Vasmer M.* Die Iranier im Südrussland. Leipzig: Markert und Petters, 1923.

Vasmer 1971 — *Vasmer M.* Schriften zur slavischen Altertumskunde and Namenkunde. Berlin: Akademie Verlag, 1971.

Zgusta 1955 — *Zgusta L.* Die Personennamen griechischer Städte der nördlichen Schwarzmeerküste. Praha: Československá Akademie věd., 1955.

Сведения об авторах и редакторах

Вергазов Рамиль Рафаилович — кандидат искусствоведения, научный сотрудник Отдела Древнего Востока ГМИИ имени А. С. Пушкина;

Григорьева Алина Николаевна — аспирант кафедры всеобщей истории искусств исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова;

Давыдов Тихон Георгиевич — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры классической филологии филологического факультета, МГУ имени М. В. Ломоносова, член временного научного коллектива МГЮА имени О. Е. Кутафина;

Дубова Надежда Анатольевна — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института этнологии и антропологии имени Н. Н. Миклухо-Маклая РАН;

Збарацкий Богдан Анатольевич — кандидат юридических наук, заместитель директора НИИ МГЮА имени О. Е. Кутафина;

Кастеллучиа Мануэль — доктор философии, доцент Университета Востока (Неаполь);

Кишбали Тамаш Петер — кандидат искусствоведения, доцент кафедры всеобщей истории искусств исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова;

Корниенко Татьяна Владимировна — кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежной истории

Воронежского государственного педагогического университета;

Кузнецова Татьяна Михайловна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии РАН;

Логинов Александр Владимирович — кандидат исторических наук, доцент МГЮА имени О. Е. Кутафина;

Миксюк Анастасия Степановна — кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений факультета международных отношений Белорусского государственного университета;

Мищенко Анастасия Игоревна — студентка магистратуры программы «Античная и восточная археология» НИУ ВШЭ ИКВИА;

Попова Ольга Витальевна — кандидат филологических наук, доктор философии, старший научный сотрудник Отдела истории и культуры Древнего Востока Института востоковедения РАН;

Симонов Дмитрий Сергеевич — студент МГУ имени М. В. Ломоносова, член временного научного коллектива Института языкознания РАН;

Смагина Евгения Борисовна — кандидат филологических наук, заведующая Отделом истории и культуры Древнего Востока Института востоковедения РАН;

Сологубова Мария Вячеславовна — научный сотрудник Отдела Востока Государственного Эрмитажа;

Тимофеева Наталья Сергеевна — соискатель ученой степени кандидата исторических наук РГГУ, сотрудник Музейного центра РГГУ, преподаватель Учебного центра «Арт-дизайн» факультета Истории искусства РГГУ;

Удыма Татьяна Петровна — специалист 2 категории Отдела истории и культуры Древнего Востока Института востоковедения РАН;

Франгулян Лилия Рубеновна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Отдела истории и культуры Древнего Востока Института востоковедения РАН;

Фрибус Алексей Викторович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории материальной культуры РАН;

Шелестин Владимир Юрьевич — кандидат исторических наук, научный сотрудник Отдела истории и культуры Древнего Востока Института востоковедения РАН;

Яйленко Валерий Петрович — доктор исторических наук, независимый исследователь.

Научное издание

**ДРЕВНОСТЬ: ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ
И СПЕЦИФИКА ИСТОЧНИКА.
Вып. 9. Материалы научной конференции,
посвященной памяти Э. А. Грантовского
и Д. С. Раевского (15–16 марта 2022 г.)**

сборник статей

Верстка: *В. Ю. Шелестин*
Обложка: *Т. П. Удыма*

Подписано в печать 30.03.2023.
Формат 60х90/16 Бумага офсетная
Усл. печ. л. 23,5
Тираж 500 экз. Заказ №

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения Российской академии наук
107031 Москва, ул. Рождественка, 12
Научно-издательский отдел
Зав. отделом А. О. Захаров
E-mail: izd@ivran.ru

Отпечатано в соответствии с предоставленными
материалами
в ООО «Типография «Миттель Пресс»
Адрес: г. Москва, ул. Руставели, д. 14, стр. 6, офис 7
Тел.: +7 (495) 619-08-30; e-mail: mittelpress@mail.ru